

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

2
2012

Содержание

Социальная структура

- Адаптация в условиях декомпозиции социальной структуры:
игра на поле аномии
Анисимова С.Г. 4
- Социальный профиль российского среднего класса:
характеристики, смыслы, ценности
Владыкина М.И. 16

Демография

- Демографическая ситуация в России и мире:
эпоха турбулентности
Новоселова Е.Н. 28
- Миграционный фактор в формировании общероссийской
идентичности
Омельченко Е.А. 37
- Три поколения в семьях иммигрантов:
Россия и Западная Европа
Синельников А.Б. 42

Социология города

- Город в пространстве социального неравенства
Вершинина И. А. 66
- Природная среда как фактор удовлетворенности местом жительства
и показатель качества жизни в городах
Староста П., Столбов В.П. 77

Политика и геополитика

- Карл Шмитт: общество и государство
Афанасьев В.В. 85
- Современная Восточная Европа: границы понятия
и геополитическая организация
Бовдунов А.Л. 95
- Социально-экономическая и политическая ситуация
в Дагестане
Дзуцев Х.В. 109
- Политическая активность людей старшего возраста
в Уральской глубинке
Тарасова А.Н., Шилов В.В. 122

Полиэтничность России в котле глобализации <i>Тямкова Н.А.</i>	129
Мировая геополитика и сетевые войны <i>Коровин В.М.</i>	142
Национальный вопрос в современной России: проблемы суверенитета и демократии <i>Бочкова М.С.</i>	155
Прикладные исследования	
Учение о личности и вере в статьях профессора И.П. Четверикова. <i>Сизинцев П.В.</i>	167

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Адаптация в условиях декомпозиции социальной структуры: игра на поле аномии

Анисимова С.Г.

Статья посвящена анализу стратегий и видов адаптации в условиях декомпозиции социальной структуры. Автор рассматривает различные взгляды на адаптацию и особенности приспособления к аномическому обществу. На основе анализа изменений стратификации выделены преобладающие среди представителей различных социальных слоев и групп адаптационные стратегии. Внимание фокусируется на девиантных формах приспособления к аномии.

Ключевые слова: адаптация, дезадаптация, депривация, аномия, девиации, социальная структура, стратификация, маргинальность

An article is devoted the analysis of strategy and kinds of adaptation in the conditions of decomposition of the social structure. The author considers different views on adaptation and features of the adaptation to the anomic society. Adaptable strategies prevailing among representatives of various social strata and groups are allocated on the basis of the analysis of changes of stratification. The attention is focused on deviant forms of adaptation to an anomy.

Key words: adaptation, dezadaptation, deprivation, anomy, deviations, social structure, stratification, social marginality

Аномия – имманентная характеристика современных обществ. В связи с чем для анализа российского общества в качестве одного из концептуальных подходов применяется теория аномии, основы которой были заложены Э.Дюркгеймом [9], развиты в трудах Р. Мертона [16] и дополнены современными учеными [17]. Основной тезис теорий аномии – всеобщим основанием социальной интеграции и солидарности любого общества является ценностно-нормативная система. Автор трактует аномию как состояние, характеризующееся несогласованием ценностно-нормативной основы общества, нарушениями в функционировании системы социальных институтов и всех сфер жизнедеятельности, расширением сферы нелегитимного нормативного регулирования, изменением социокультурных ориентиров и образцов деятельности.

Ценностно-нормативная система распадается в неустойчивом обществе и аномия разрушает привычный (более-менее стереотипный) механизм адаптации – приспособления поведения индивидов к правилам игры в социуме.

Фото автора

Категория адаптация рассматривается в различных аспектах:

а) «адаптация используется для обозначения процесса, при котором субъект приспособливается к новой среде;

б) адаптация используется для обозначения отношения равновесия (относительной гармонии), которое устанавливается между субъектом и средой;

в) под адаптацией понимается результат приспособительного процесса;

г) адаптация связывается с какой-то определенной целью, к которой стремится субъект: «выжить», достичь имущественного благополучия, повысить социальный статус;

д) адаптация есть процесс не только подчиняющийся гомеостатическим закономерностям, но и обеспечивающий возможность развития субъекта адаптации» [12; 47-48];

е) адаптация - это «тактика, которая позволяет всему живому, в том числе и человеку, осваивать изменения и в тоже время само-сохраняться, обеспечивая тем самым возможность дальнейшего движения» [3; 55];

Все указанное позволяет говорить, что адаптация – процесс, протекание которого сопровожда-

ется установлением или поддержанием приспособленности системы или поддержание её основных параметров при изменении внешней среды. Внутренняя составляющая адаптации – это «сживание» с чем-либо и приспособление в какой-либо среде, предполагающее согласование и функционирование совмещенных, взаимосвязанных элементов. Адаптация психическая связана с перестройкой динамического стереотипа личности в соответствии с новыми требованиями окружающей среды. Адаптация психологическая протекает как процесс приспособления индивида или группы к изменяющимся условиям среды обитания с целью выработки модели поведения, способствующей интеграции личности с новой для неё средой или условиями труда. Социально-психическая адаптация есть «оптимизация взаимоотношений личности и социальной группы, сближение целей их деятельности, ценностных ориентаций, усвоение личностью норм и традиций группы, вхождение в её ролевую структуру» [19; 8]. В ходе социальной адаптации вырабатываются новые модели социально-экономического поведения, адекватные изменившимся условиям и имеющие способность к аутовоспроизводству. В таком случае социальная адаптация – это процесс приспособления личности и/или группы к социальной среде, предполагающее взаимодействие и постепенно согласование ожиданий обеих сторон.

Адаптация – это деятельность *a posteriori*, протекающая с опорой на уже имеющийся опыт, шаблоны и стереотипы, играющие роль контролирующих механизмов, фона и пространственно-временных, социокультурных границ. В случае резкого слома социального

мира адаптант находится в новой, неосвоенной, зыбкой системе коммуникаций и взаимосвязей, что порождает состояние дезадаптации. Дезадаптация – это «состояние сниженной способности (нежелания, неумения) принимать и выполнять требования среды как лично значимые, а также реализовать свою индивидуальность в конкретных социальных условиях» [2; 41-42]. В качестве индивидуальной дезадаптации выступают негативная внутренняя установка личности по отношению к социальным требованиям (несогласие с ними, непонимание, протест, оппозиция); завышенные претензии к окружающим при стремлении самому избегать ответственности, эгоцентризм; хронический эмоциональный дискомфорт; неэффективность саморегуляции; агрессивность, конфликтность и слабая развитость коммуникативных умений; когнитивные искажения реальности и др. Подобные проявления возможны при любом состоянии общества и детерминируются, в основном, личностными-психологическими особенностями индивида. Проявления социальной дезадаптированности у представителей различных возрастных, социальных, профессиональных категорий состоят в сниженной обучаемости, неспособности и нежелании зарабатывать своим трудом; хронической или выраженной неуспешности в жизненно важных сферах; оппозиции и конфликтах с законом; изоляции и т.п. Именно социальная дезадаптация «процветает» в условиях аномии.

В целом адаптация потенциальна только тогда, когда она стала освоенной, приобрела форму обыденности: человек становится органической частью адаптационного процесса, автоматически вы-

полняет правила окружающей среды и чувствует себя адекватно соответствующему пространственно-временному континuumу, а также конкретным ситуациям. По мнению сторонником феноменологической социологии знания, это связано с тем, что «повседневная реальность представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [5; 104]. Адаптация протекает более гладко в том случае, если существует смысл в решении задач, поставленных конкретной социальной ситуацией, либо социальными условиями. Чего, к сожалению, не наблюдается в российском обществе, занятом непрекращающимся поиском «национальной идеи».

Адаптационный процесс предполагает конструирование реальности индивидом и группой в определенных им границах локальностей, когда структура устанавливает границы изменений и пределы случайного в социальных системах (такова, например, стабильность социализации в СССР), оставляя «люфт» для креативности и вариативности установок субъектов. Р.Мертон в своих работах выделил основные виды поведения личности в обществе разрегулированности: конформизм (стереотипное поведение под воздействием цивилизационного прессинга); ритуализм (принудительное удержание институциональных норм); изоляция (выпадение из системы социальных связей); мятеж (культивирование новых целей общественного бытия и методов их достижения); инновации (достижение целей недозволенными, новыми и зачастую весьма действенными средствами) [16; 206-208]. Эти виды приспособления (адаптации) к реальности не яв-

ляются характеристиками личности: они лишь дают наглядное представление о том, какой вид поведения выбирает индивидуум в качестве ответной реакции на усиливающуюся аномию. Кроме того, американский ученый не рассматривал социальные отклонения и адаптационные тактики однозначно отрицательные либо положительные.

Целью адаптационного процесса является обеспечение устойчивости, традиционности, постоянства социального опыта, а также его изменение на основе инновационного обогащения. На наш взгляд, значение адаптации в ходе социального развития проявляется в том, что социальная дифференциация детерминируется за счет «разницы» между общим процессом изменений и конкретной эволюцией определенных сообществ. Аномия же порождает проблемы во всех аспектах адаптации – внешних, внутренних, социально-экономических, политических, гражданских, морально-нравственных, правовых и других. Основные трудности наблюдаются в социально-экономической адаптации к экономическим, организационным, трудовым изменениям, переменам в образе и стиле жизни.

Каким же образом адаптируются к аномической реальности представители различных социальных страт современной России? Каким образом осуществляется «переход» от «простого советского человека» к homo economics? Какие стратегии выбираются людьми в поле аномии?

Как известно, одним из показателей солидарности и дифференциации (неравенства) конкретного социума в его динамической и статической компонентах выступает социальная структура. В аномичес-

ком обществе происходит резкая декомпозиция социальной структуры, что соответственно изменяет социальное положение всех групп, слоев, страт, классов и индивидов. Исследования социальной стратификации российского общества на протяжении двадцати постсоветских лет позволили создать динамические модели социума.

Фото автора

Российский социолог В.А. Ядов по данным общероссийского мониторинга (май 1992 – декабрь 1994 гг.) выделил преобладающие стратегии адаптации и группы, слои, имеющие различный адаптационный потенциал. Автор отметил, что в соответствии с классическими представлениями, «испытывают наиболее острую ломку прежних и неуверенное формирование новых идентичностей маргинальные общности... Компенсаторная идентификация с символической общностью «советский народ» или конструируемыми (граждане СНГ) свойственна наименее защищенным группам – пенсионерам, безработным» [21, 175]. В.А. Ядов считал, что «наиболее продвинутой группой относительно более адаптированных в новых условиях – предприниматели, отличается обширным составом контекстуальных идентификаций с различны-

ми группами и общностями» [21,176]. В качестве наиболее трудно «вписывающейся» в новую социальную реальность, расшатанной социальной идентичности были обозначены в начале «эпохи реформ» представители рабочего класса.

В качестве базового для настоящего времени применяется вариант социальной стратификации по показателям уровня жизни населения (2006 г.), подготовленный Институтом социологии РАН [8,4-5].

В данной модели выделены нижние две страты (21%), объединяющие людей, находящихся «за чертой бедности» по своему реальному уровню жизни. Большинство в этих категориях (2/3) крайне негативно оценивает возможность удовлетворения базовых потребностей (питание, одежда, жилищные условия).

Третья страта носит промежуточный характер и объединяет россиян, балансирующих на грани бедности - 17% россиян. Отличает представителей данной страты, по сравнению с предыдущими, что они ещё не люмпенизировались, хотя по уровню доходов почти сравнялись с низшими стратами.

Четвертая страта охватывает ту часть наших сограждан, которые живут на уровне малообеспеченности, объединяя четверть населения страны (24%). Представители четвертой страты задают стандарт потребления, ставший для россиян стандартным «прожиточным минимумом». Уровень жизни, характерный для этой страты является наиболее типичным и «средним» для каждого определенного региона проживания.

Средние слои (страты с пятой по восьмую) включают 20-22% населения страны. Эндогенные

признаки этих страт различны, но на общем фоне они рассматриваются как благополучные.

Около 5% населения России относятся к «богатым» и входят в девятую и десятую страты.

Указанные модели позволяют выявить некоторые характерные черты социального структурирования российского общества. Во-первых, разрушение привычных форм организации труда, быта, а также культурных норм и ценностей обуславливает появление большого числа людей, утративших прежний социальный статус, что дестабилизирует ситуацию и влечет разрастание численности маргинальных и криминальных слоев. Во-вторых, социологи отмечают, что «доминирующим в количественном отношении в российском обществе оказывался не слой бедных и даже не средние слои, а тот слой российского населения, который принято именовать малообеспеченными (около 50-60% населения)» [15; 5]. В-третьих, многие исследователи фиксируют, что «бедные» в России всё больше проявляют признаки «классического» низшего класса (в западном понимании), так как в этих стратах практикуется только текущее потребление, неаффективные поведенческие практики, неверная расстановка жизненных приоритетов [1; 71-83]. Н.Е. Тихонова отмечает, что «мы имеем теперь дело с превращением бедных в закрытую социальную группу, общение которой всё больше идёт, что называется, «в своем кругу» [20; 108]. В-четвертых, для множества индивидов и групп российского общества стало имманентным состояние депривации, возникновение которой обусловлено жизнедеятельностью личности в условиях продолжительного лишения или существенного ограничения воз-

возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей.

Прогнозы по поводу высокого адаптивного потенциала предпринимателей как «продвинутой» социально-профессиональной группы оправдались лишь частично. Мы солидарны с П.М.Козыревой, которая отмечает неоднородность слоя предпринимателей: «...внутренние различия, характерные для этого слоя, связаны с масштабами и сферой хозяйствования, происхождением капитала, характером опорных воспроизводственных связей, близостью к каналам распределения финансовых и иных ресурсов. В целом, группа предпринимателей представлена множеством качественно разнородных структур, разрыв между которыми зачастую огромен» [11; 28].

Как говорилось выше, в базовой модели социальной стратификации «богатые» составляют лишь 5% населения, а средние слои имеют сложный социально-профессиональный состав и включают (по различным оценкам) от 15 до 22% жителей страны. В верхние средние слои входят служащие государственных учреждений (правительственные и правоохранительные структуры, высший менеджмент предприятий – монополистов в области жизнеобеспечения) и частных фирм (директора и топ-менеджеры) и в меньшей степени – бизнесмены [18; 38-39]. Нижние средние слои включают в основном рядовых городских служащих (бухгалтера, специалисты промышленных фирм, врачи и др.), среднеквалифицированных рабочих и мелких предпринимателей, директоров фирм с небольшим доходом. Таким образом, можно сказать, что предприниматели демонстрируют в неполной мере готовность к генерированию социально-экономических преоб-

разований, и лишь некоторая их часть может считаться адаптированной к аномическим условиям.

По прошествии десяти лет реформ В.Н. Горшенин выделяет группу адаптированных, куда включает бывших сотрудников правоохранительных органов, офицеров, уволенных из вооруженных сил, часть работников военно-промышленного комплекса, представителей научно-технической интеллигенции [7; 67]. То есть тех, кто условно входит в состав средних слоёв. Однако, адаптация ими достигается за счет истощения личностного потенциала, так как приходится использовать все ресурсы (образование, «знакомства», бытовые навыки и т.д.) и в течение длительного времени существовать в состоянии двух-трех видов занятости

Но, кроме того, существуют и девиантные, аномальные формы приспособления, к которым относят пауперов и люмпенов. Формы адаптации, относимые к пауперизму, коренятся в культуре бедности, которая становится для многочисленных групп самостоятельной и воспроизводящей силой, сохраняющей бедность даже при благоприятных условиях. Современные зарубежные и российские исследователи говорят о «культуре гетто»: «бедность приобретает массовый характер в России, что связано не только с экономическими причинами бедности, но и с ценностями и нормами, оправдывающими пассивность и иждивенчество» [22; 49]. Изоляционизм, нерациональные жизненные стратегии и тактики, установка на патернализм из серии «вот приедет барин, барин нас рассудит», ориентация «на халяву», ожидание «выигрыша в лотерею» – это типичные черты паразитарно-иждивенческой модели адаптации. Па-

уперы имеют нестабильную занятость, случайные зарплаты, отличаются особым способом жизнеобеспечения за счет других. Сюда можно отнести бомжей, нищих, аутсайдеров и т.п. Паразитарно-иждивенческая модель приспособления доминирует среди нижних страт, находящихся «на дне» общества и депривированных на уровне витальных базовых потребностей.

Люмпены удовлетворяют свои потребности за счет других за счет полного пренебрежения к правовым и этическим пределам. Отличительной чертой люмпенов является бравирование незаконными доходами, получение «халявных» благ, зачастую, криминальная или полукриминальная деятельность, «отмена» ценности общественно-полезного труда, подчеркнутый деструктивизм, склонность к насильственному присвоению материальных благ и ценностный вакуум. Люмпенизация наблюдается в различных стратах и слоях аномического общества. Эта группа имеет многообразный и динамичный состав, живущих по принципу «кем бы не работать, лишь бы не работать», включая и бродяг, и проституток, и работников многочисленных ЧОПов, и создателей финансовых пирамид et cetera.

Сложности адаптации рабочего класса проявлялись и проявляются «в более явном замыкании на круг повседневного общения (семья, друзья) и привычных солидарностей с товарищами по работе» [21; 177]. Наиболее характерные пути «скатывания» в низы общества для рабочих – потеря работы, длительная алкоголизация, разрушение семьи, разрыв социальных связей, продажа или потеря жилья и дорога на улицу. С различными вариациями подобный

сценарий имеет место в течение последних двадцати лет. В итоге можно говорить о маргинализации и люмпенизации рабочего класса как системном явлении.

Представители сельского населения в большинстве относятся к числу малообеспеченных и бедных [21; 38-46] и в подавляющем большинстве их адаптационные стратегии можно расценить как маргинальные, а зачастую и деструктивные.

Н.М. Римащевская (конец 1990-х годов) в семислойной социальной структуре выделяет два класса, характеризующихся низкой адаптацией: «аутсайдеров», имеющих невысокий доход, но ориентированных на легальные способы его получения при невысокой степени социальной активности и «маргиналов», лиц с асоциальными и антисоциальными установками в своей социально-экономической деятельности. В качестве индикаторов состояния аномического общества в начале 2000-х годов В. Кочьян указывает «новые социальные группы, имеющие общий генезис: 1) новые русские, новая номенклатура и 2) бомжи и нищие» [14; 75].

В состав «новых русских» и «новых нищих» можно включить, на наш взгляд, несколько категорий, последовательно изменявших стиль адаптации к изменяющимся условиям российской реальности. Так, криминальные и полукриминальные «красные пиджаки» конца 1980-начала 1990 годов прошли через инновацию (кооперативы, фарцовку), а затем их пути стали расходиться. Те, кому по счастью выжить в «лихие 1990-е», либо стали лояльными членами общества – предпринимателями различного масштаба, либо опустились на «дно» жизни, либо продолжают придерживаться «по-

нятий» своей бурной молодости, занимаясь уголовно-наказуемой деятельностью. В редких случаях из бывших «уголовников» получились достойные ритуалисты – хранители «воровской морали» и депутаты законодательных органов власти.

Контингент «новых нищих» формировался за счет всех слоев и страт постсоветского общества, включая тех, кто выбирает изоляцию (бродяжничество) в качестве «концептуальной» позиции жизни в духе «очарованного странника» А. Лескова. Но основные категории бомжей – это лица, освобожденные из мест лишения свободы («уголовники») и бывшие рабочие различных категорий («рабочаги»).

Фото автора

Нахождение в пенициентарных учреждениях – типичный способ попасть в аутсайдеры. Восстановление навыков проживания в мобильном аномическом обществе крайне затруднено в связи с отсутствием системы реабилитации и социальной поддержки, что создает целые слои десоциализированных граждан, «сползающих» в пропасть индивидуальной и групповой изоляции.

В целом социальная структура российского общества ещё достаточно размыта, страты только «ус-

танавливаются», что во многом связана с тем, что все слои российского общества стали проповедовать и культивировать стиль потребления, свойственный среднему слою Запада, невзирая на отличия в социально-экономическом уровне, социокультурном контексте, ценностно-нормативных схемах и т.п. Опасность дезорганизации просматривается в расширении числа «асоциальных» групп, включающих безработных и фиктивно занятых людей; «социальное дно» из числа нищих, бомжей, беспризорных детей и подростков, вышедших из тюрем; беженцев из горячих точек бывшего СССР; демобилизованных из армии и находящихся в состоянии «поствоенного шока» и др.

Однако нужно подчеркнуть, что социальные группы, функционирующие в реальном жизненном поле, имеют собственные социальные ресурсы противодействия процессам маргинализации и аномии. В качестве одного из защитных механизмов адаптации к трудностям жизни выступает целерациональная установка на то, что люди вынуждены примириться с доминирующей несправедливостью и ориентироваться на «архаические солидарности» (семья, близкое окружение) в противовес современным – корпорациям и крупным общностям. На уровне общностей наблюдается возрождение «архетипичных» идентичностей, таких семья, клан, этнос, каста. Происходит обращение к расширенной «семье» и «землячеству», как ресурсу «продвижения» в социальном пространстве. С одной стороны пободные девиантные и криминальные сообщества создают области внешней жесткой напряженности. С другой стороны, этот потенциал (семейный, поселенческий, образовательный, про-

фессиональный, трудовой, карьерный и т.д.) препятствует проникновению аномии в микросреду.

Адаптогенность российского человека проявляется и в отсутствии массовых протестных действий: пассивно-выжидательная стратегия адаптации определенно доминирует над активно-деятельностной на протяжении двадцати лет.

Таким образом, наиболее адекватные формы адаптации присущи высшим немногочисленным слоям, тем, кого можно отнести к «богатым» и высшему среднему слою, представленному номенклатурой, чиновничеством и топ-менеджментом бизнес-структур. Наиболее адаптивной и обладающей социальной активностью группы показывает себя «криминалитет», вполне рационально действующий вопреки легальным нормам хозяйственной деятельности. Сравнительно адаптированы к аномической реальности представители различных страт и групп средних слоев.

С одной стороны, большая часть населения находится в маргинальном состоянии и испытывает дефицит ресурсов, позволяющих осуществлять длительную адаптацию в постоянно изменяющихся условиях. С другой стороны, в аномическом обществе происходит концентрация ресурсов пассионарных социальных акторов, возникает возможность социального маневрирования для большего числа индивидов, закладываются основы активизации социальной деятельности, происходит разрушение шаблонов жизненно-го проектирования и расширение стилей адаптации.

Последствия этих процессов: «формирование взаимоисключающих интересов «верхов и низов», «геттоизация» больших групп на-

селения из низших слоев социальной иерархии без перспектив улучшения их положения» [4; 34]. Другим результатом аномических процессов стала перманентная депривация, то «лишение социальных благ и /или необходимых жизненных условий, влекущее за собой социальную неудовлетворенность, выражающуюся в социальном недовольстве на уровне индивидов, групп либо массового сознания, что в конечном итоге проявляется в социальной напряженности и, возможно, социальном протесте» [13; 14]. Психическое состояние депривированной личности обнаруживается, как правило, в ее повышенной тревоге, страхе, чувстве глубокой, нередко необъяснимой для самого человека неудовлетворенности собой, своим окружением, своей жизнью. Подобные состояния находят свое выражение в потере жизненной активности, в устойчивой депрессии, прерываемой иногда всплесками неспровоцированной агрессии. Агрессия депривированных личностей носит во многом личностно-деструктивный характер, что выражается в распространении психоневрологических болезней и состояний, таких как стрессы, фрустрации, комплексы, депрессии, мании, фобии и т.д. С. Карамурза приводит данные, о том, что уровень психических расстройств в России увеличился с начала 1990-х годов до 2005 года в 11,5 раз [10,37]. Последние 20 лет страна занимает одно из первых мест в мире по количеству случаев суицида, большинство из которых можно, с некоторой долей условности, отнести к аномическому.

В проблемах адаптации нельзя «обвинять» только аномию. Устойчивому стабильному обществу присущ нормативный консенсус. Од-

нако нельзя забывать о том, что в любом обществе, даже достаточно устойчивом существуют «островки» аномии, необходимые для поддержания жизнеспособности системы - фронда, оппозиция, андерграунд и т.д. Это отмечал ещё Э.Дюркгейм, который считал законтролированность показателем регрессивности общества. Можно вспомнить существование в СССР групп диссидентов и криминальных авторитетов. И те, и другие не принимали действующую систему ценностей, норм и установок, каждая группа обособленно пыталась проживать в соответствии либо с общечеловеческими ценностями, либо по «воровским понятиям», что не мешало им встречаться в пенитенциарных учреждениях исправительно-трудового или медицинского типа.

Наличие фрондирующих, оппозиционных групп и аномических ареалов связано как с личностно-характерологическими особенностями индивидов, так и с целым рядом внешних факторов (общественное устройство и социальная структура; система социальных институтов, нормативно-ценностная система; общественные, отраслевые, технологические, территориальные, функциональные и другие виды разделения труда и т.д.) Микрофакторы включают семью, группы сверстников, профессиональные группы и трудовые коллективы и т.п. Крайне многообразны личностно-психологические (персональные) факторы социализации и адаптации: стартовый капитал происхождения и первичной социализации, возраст как естественный ресурс, пол, образование, квалификацию, уровень материального благосостояния, проживание в мегаполисе, небольшом городе или сельском поселении, наличие сети межлич-

ностных взаимоотношений (блат и знакомства), этническую и религиозную принадлежность, а также степень самооценки, способность к адаптации et cetera. Кроме того, существует практически неустранимый факт противоречий и конфликтов в рамках каждой культуры. Прежде всего, это культурные антиномии (противоречащие друг другу правила) и нормативные амбивалентности (несовпадение ожиданий, продиктованных одним и тем же правилом). Имманентной причиной сложности социализации и адаптации является также то, что каждый человек занимает множество разных позиций (статусов), играет множество ролей, взаимодействует с массой акторов, нередко приводящих к ролевому конфликту. Зачастую, приспособившись к одной нормативно-ценностной сетке, индивид входит в конфликт с другими нормами и ценностями. В аномическом обществе «расцвет» девиантности связан с нестабильностью установок как таковых и демотивацией поведения ценностными социальными ориентирами и нравственно-правовыми нормами.

Фото автора

Увеличение или уменьшение количественного состава и качественных характеристик люмпени-

зированных групп, которые однозначно маркируются как маргинально-периферийных, депривированные, девиантные служат показателем глубины и масштабности распространения аномии в обществе. Широкое распространение и углубление девиаций ведет к аномальному общественному состоянию – аномии, а она, в свою очередь, становится почвой для новых девиаций.

Литература

1. Александрова, А.Л. Городская бедность в России и социальная помощь городским бедным: Аналитический доклад [Текст] / А.Л. Александрова, Е.Е. Гришина и др. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2004. – 168 с.
2. Анисимова, С.Г. Взаимосвязь социально-опозиционного самоопределения и девиантного поведения молодежи [Текст] / С.Г. Анисимова, Л.Д. Унарова. Якутск, 2005. – 124 с.
3. Анохин, А.М. Социальная адаптация в контексте феномена границы [Текст] / А.М. Анохин / Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. -Том IX. - № 3(36). - С. 53-65.
4. Балабанов, А.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации [Текст] / А.С. Балабанов, Е.С. Балабанов // Социс.-2003. - № 7. - С. 34-43.
5. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман / Московский философский фонд. Перевод на русский язык Руткевич Е. М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995. – 285 с.
6. Богомолова, Т.Ю. Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр [Текст] / Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина / Социс. - 2004. - № 12. - С. 17 – 34.
7. Горшенин, В.Н. Аномия как общественный феномен: Социально-философский анализ: Дисс...к. филос. н. [Текст]. Хабаровск, 2004.-161 с.
8. Горшков, М.К. Российское общество как новая социальная реальность [Текст] // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. - Вып.6. - М.: Институт социологии РАН, 2007. - С.3-9.
9. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социол. этюд. пер. с фр. / Изд. Подгот. Вал. А. Луков. – СПб.: Союз, 1998. – 496 с.
10. Кара-Мурза, С.Г. Императив перехода к инновационному состоянию развития: состояние на старте [Текст] // Социально-гуманитарные знания. -2008. - № 2. - С. 28-42.
11. Козырева, П.М. Адаптационные процессы в сфере труда: формирование рыночных качеств и отношение к труду [Текст] / Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / Отв.ред. Л.М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – С.12-32.
12. Корель, Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики [Текст]/ Л.В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.
13. Котляров, С.Е. Социальная депривация как механизм социально-экономического реформирования современного российского общества. [Текст]: А/реф. Дис...к.с.н. Ставрополь, 2006. – 22 с.
14. Кочьян, В.Н. Аномия как фактор социальной мобильности молодежи в условиях трансформации российского общества [Текст]: дисс...к.с.н. Майкоп, 2004. – 174 с.
15. Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся? [Текст]– М.: Институт социологии РАН, 2008. – 80 с.
16. Мертон Р.К. Социальная

структура и аномия // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сборник статей: Перевод с английского. - М.: Прогресс, 1966. С. 299-313.

17. Покровский Н. Е. Одиночество и аномия (философские и теоретико-социологические аспекты) [Текст] / Дис...д. с.н.: 22.00.01.М., 1996. - 296 с.

18. Подойницына, И.И. Социокультурная ситуация в столице Республики Саха (Якутия) в начале XXI века [Текст] / Общество в зеркале социологии: Сб. научн. тр. / Под ред. д.с.н., проф. Подойницыной И.И. Вып. I. Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета, 2002. - С. 38-46.

19. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т.1 [Текст] / Национальный общественно-научный

фонд/Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; главный редактор В.Н. Иванов. - М.: Мысль, 2003.

20. Тихонова, Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа [Текст] / Н.Е. Тихонова. - М.: Институт социологии РАН, 2007. - 320 с.

21. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности [Текст] / В.А. Ядов // Мир России. Социология. Этнология. Культурология. - Том IV. - 1995. - № 3-4. - С. 158-181.

22. Ярошенко, С.С. Синдром бедности [Текст] / С.С. Ярошенко // Социологический журнал. - 1994. - № 2. - С. 43-50.

Социальный профиль российского среднего класса: характеристики, смыслы, ценности

Владыкина М.И.

В статье рассматриваются социальные характеристики российского среднего класса: особенности мировоззрения, социальные ценности, принципы, предпочтения, эмоциональный настрой. Отмечается противоречивость позиции представителей среднего класса. Выявление социального профиля российского среднего класса анализируется как один из способов развития рефлексивных тенденций и консолидации средних слоев.

Ключевые слова: средний класс, модернизация, ценности, стратегии поведения.

Vladykina M.I.

The social profile of the Russian middle class: characteristic, senses, the value

The article is devoted to social characteristics of the Russian middle class: features of outlook, social values, positions, preferences, an emotional spirit. Discrepancy of a position of representatives of middle class is marked. Revealing of a social profile of the Russian middle class is analyzed as one of ways of development of reflective tendencies and consolidation of the middle class

Key words: middle class, modernization, social values, behavior strategy.

Задачи и перспективы страны обуславливают актуальность исследования среднего класса как движущей силы развития российского общества. Рабочий класс был ведущей созидательной силой в эпоху индустриализации. Средний класс – это тот социальный субъект, который способен обеспечить рост и развитие страны в эпоху модернизации. Российские исследователи среднего класса рассматривают его «как мощный двигатель преобразований и в то же время как гарант стабильности, устойчивости в обществе. Это сила, которую следует всячески активизировать, и одновременно широкая платформа, на которую можно опереться».¹ Представители среднего класса – это люди материально обеспеченные, социально успешные, всесторонне образованные. Просвещенность, осмысленность социального бытия, умение решать проблемы всегда были характерны для представителей среднего класса.

В то же время ряд исследователей высказывают обоснованные сомнения в возможности российского среднего класса реализовать

свои социальные функции в обществе, оправдать те надежды на экономические и социальные трансформации, которые связываются со средним классом. При этом авторы ссылаются на малочисленность российского среднего класса, его разрозненность, отсутствие благоприятных правовых условий для развития². Наличие альтернативных точек зрения в вопросе о наличии или отсутствии среднего класса в России, его способности выступить движущей силой в развитии общества, требует более пристального анализа социальных характеристик среднего класса как коллективного субъекта действия.

Каковы социальные характеристики представителей российского среднего класса, сформировавшегося в непростых социально-экономических условиях? Каковы их позиции, смыслы, ценности? Изучение особенностей современного среднего класса в России может пролить свет на вектор развития российского общества.

В социологических исследованиях проблем российского среднего класса изначально акцент делался на вопросах «Кто он?» и «Где он?». Аккуратно, скрупулёзно проведённые исследования позволили установить процентное соотношение основных слоев среднего класса по основным параметрам: имущественное положение, социальный статус, образование, самоидентификация³. Обнаружены и территориальные особенности проживания представителей среднего класса⁴.

В настоящее время вектор исследований среднего класса смещается в сторону ответов на вопрос: «Какой он?». Рассматриваются стили поведения, ценностные ориентации, позиции и предпочтения представителей среднего

класса⁵, то есть интерес проявляется к собственно личностным характеристикам. Однако личностные характеристики рассматриваются с социологических позиций. Так, О.И. Шкаратан предлагает исследовать субъектов социальной дифференциации не с позиций социально-психологических характеристик индивидов, а исходя из анализа положения индивида в социальной системе, социального влияния на индивидов, модальной личности. «Индивиды рассматриваются либо как элементы социальной системы (структуры), и их действия в решающей степени детерминированы местом в системе социоэкономических отношений, либо как элементы культурной системы, и их действия определяются нормами и правилами, сложившимися в данной культуре».⁶ Представляется продуктивным исследование социальных характеристик представителей среднего класса, определение социального профиля российского среднего класса, как отражение обобщенного образа, модальной личности, типичной для данных социально-экономических условий. Социальный профиль большой социальной группы отражает как устойчивые характеристики социума, так и отношение к ним субъекта социального действия, проявляющиеся в образе жизни, типичных моделях поведения.

Особенность российского среднего класса в более низком, чем на Западе, уровне материального обеспечения. Наш средний класс в целом достаточно бедный. Вместе с тем мы все-таки говорим о его присутствии, при этом акцент делается на такие критерии как образование, компетентность, социальный и личностный капитал. Социальные характеристики оказываются ведущими при опреде-

лении среднего класса. И.Самсон и М.Красильникова говорят о подлинном среднем классе с точки зрения его ценностей, социального поведения и роли стабилизатора общества.⁷

Специфику российского среднего класса следует искать в его социальных характеристиках: мировоззрении, ценностях, стратегиях поведения. По данным исследования, проведенного под руководством Н.Е. Тихоновой, и С.В. Мареевой в 2006 – 2008 годах в ядре среднего класса «модернисты по сознанию» составляют 84%, в то время как ядро «традиционалистов» на 70% состоит из «остального населения», состоящего из рабочих и представителей низшего класса.⁸ Представителей российского среднего класса отличает наличие модернистского сознания, готовность осваивать новые технологии, стремление продвигаться вперед. Представители других социальных групп оказались обладающими традиционалистским сознанием.

На важность социальных характеристик среднего класса указывает А. Рона-Тас. «Средний класс – это состояние духа, идентичность, совокупность стремлений, разделяемых более крупным сегментом общества, чем те индивиды, которые находятся в середине».⁹ Эмоциональный настрой, воодушевленность, увлеченность делом – характерные черты социально благополучных людей, традиционно относимых к среднему классу. Социальный оптимизм рассматривается как показатель наличия в обществе среднего класса. «Для того чтобы у общества был средний класс, в его середине должна быть значительная социальная группа, члены которой чувствуют, что их жизнь улучшается. Суть среднего класса – это

надежда на социальное продвижение».¹⁰ Социальный оптимизм – очень точный индикатор благополучия в обществе. Вместе с тем исследователи российского среднего класса отмечают наличие негативных чувств: тревоги, страха у успешных представителей бизнеса,¹¹ отсутствие надежд на улучшение своего положения у пенсионеров, получивших значительное повышение пенсий.¹² Объективно в обществе есть достаточно точек роста, улучшения социально-экономической ситуации, а субъективно это не улучшает эмоционального климата в стране. В этом одна из парадоксальных особенностей положения российского среднего класса.

Очевидна внутренняя противоречивость социального самочувствия представителей среднего класса. Так, по замечанию Елены Аврамовой, «Все они отличаются оптимизмом. Но оптимизм их очень своеобразный. Они уверены, что их собственная карьера и благосостояние будут расти. Но на вопрос: «Есть ли перспективы развития среднего класса в России?» дружно отвечают: «Нет. Никаких!»¹³

Состояние сознания, настроения и модели социального поведения определяются не только актуальным положением в социокультурной системе, их можно понять и исходя из ретроспективного анализа социальной ситуации. Реальная российская история прошлого века изобиловала как актами массового уничтожения наиболее деятельной части населения, так и ее неизменным воспроизводством. Борьба с кулаками и середняками, как с наиболее успешными деятелями на селе, политические репрессии, истребляющие сильных, самостоятельных и независимых граждан, войны, уно-

сящие жизни молодых людей, вынужденная эмиграция. Эти и многие другие факторы российской истории не могли не сказаться на социальном составе российского общества и представителей средних слоев, а также на их социальном самочувствии. Стратегии поведения, обеспечивающие безопасность, установки на осторожность влияют на самоощущение, ментальность, стили поведения российских граждан. Не просто быть в России представителем успешного среднего класса.

Социальное самочувствие граждан зависит от их социальных ожиданий, образов будущего. На оптимистическое или пессимистическое самоощущение влияет прогноз развития ситуации в будущем. По данным исследования Центра политических технологий, «прогнозы респондентов относительно будущего России при отсутствии изменений носят в основном негативный характер. Вместе с тем респонденты полагают, что сценарий развития событий может быть иным в случае изменения вектора развития в перспективе ближайших пяти лет. Многие респонденты спонтанно поднимали тему необходимости модернизации». ¹⁴ По данным того же исследования оптимистические настроения питает вера в креативный потенциал российского народа.

Численность, социальный состав, основные характеристики российского среднего класса досконально изучены в ряде исследований под руководством Н.Е. Тихоновой, Т.М. Малеевой, О.И. Шкаратана. Исследовательский коллектив под руководством Т. Малеевой считает, что «ядро средних классов представлено высокообразованным населением, сформировавшимся в семьях с хорошо образованными родителями, прожи-

вающими преимущественно в городах, активно включенным в социальные коммуникации и имеющим для этого современные средства информационных технологий». ¹⁵

В российских исследованиях среднего класса имеет место ресурсный подход. Согласно этому подходу принадлежность в среднему классу определяется наличием основных видов ресурсов: экономического, социального, властного, квалификационного, культурного. Социальная востребованность ресурсов превращает их в активы, способные в российских условиях превращаться в капитал. ¹⁶ Обеспеченность граждан востребованными ресурсами позволяет им быть включенными в социальные группы, различающиеся по социально-психологическим характеристикам. «В состав реальных групп (слоев) входят индивиды со сходными параметрами человеческого, культурного и социального капиталов; они обладают сходными потребностями и интересами, общими социальными нормами и ценностями, взаимной идентификацией, сходной мотивацией, символами, стилем жизни». ¹⁷ Отмеченные характеристики и определяют социальный профиль группы, в том числе и среднего класса.

В число приоритетных ценностей среднего класса входит отношение к профессиональной деятельности. У представителей среднего класса профессиональная деятельность предполагает не физический характер труда. Этот устоявшийся критерий принадлежности к среднему классу требует некоторых уточнений. Скорее всего, представление о физическом труде предполагает исполнительскую активность, рутинность, обыденность. Вместе с тем физический труд может быть связан с

творческой активностью, высоким уровнем профессионализма. Труд скульптора, ювелира, балерины – это высокопрофессиональная творческая деятельность, связанная с физической активностью.

Высокий уровень образованности, ориентация на обретение новых знаний, ценность профессионализма позволяют представителям среднего класса занимать статусные позиции в системе распределения труда. По характеру занятости выделяют менеджеров, профессионалов, предпринимателей. Востребован высокий интеллектуальный потенциал, управленческие ресурсы, активность, предприимчивость. Можно предположить, что в целом для представителей средних слоев характерна созидательная деятельность, интерес к самому процессу труда.

Отношение к труду не как средству жизнеобеспечения, а как самостоятельной ценности, по мнению зарубежных исследователей, является характерной чертой среднего класса. «Производительная деятельность служит для его представителей источником гордости, они сами выбирают для себя форму творчества и понимают, что делают. Труд для них – не непонятная обязанность, обусловленная внешними силами, а подлинная самореализация».¹⁸

Согласно данным агентства «Комкон-2» 70% представителей российского среднего класса заявили, что любят свою работу, 73% – станут работать, даже если у них будет достаточно денег. Средние русские предпочитают говорить: «Я зарабатываю» вместо того, чтобы сказать: «Мне платят зарплату». Труд скорее является образом жизни, формой самореализации, подтверждения востребованного социального статуса. В отношении к своему труду прояв-

ляется и более общая ценность независимости и возможности самому определять свою судьбу,¹⁹ возможность самостоятельно распоряжаться своим временем.

У профессионалов, как представителей среднего класса, исследователи отмечают важность Дела жизни, в которое вкладываются знания, опыт, профессионализм, личностные ресурсы. Дело оказывается ведущей социальной ценностью и гордостью. Именно с делом общественное мнение связывает имя профессионала. Оно же определяет его репутацию.²⁰

Принадлежность к среднему классу определяется высоким уровнем образования, интеллектуальной активностью, способности к обновлению знаний. И это понятно, поскольку статусные позиции в обществе занимают люди хорошо образованные. Исследователи единодушно отмечают и важность образования родителей, как важный ресурс, обеспечивающий включённость в средний класс. «Формирование среднего класса происходит, прежде всего, за счет выходцев из семей с высоким образовательным уровнем. Вероятность попадания в средний класс в более чем половине случаев характерна только для тех россиян, у кого хотя бы один из родителей имел высшее образование».²¹

Образование родителей является косвенным индикатором наличия высокого культурного и социального ресурса, определяющего среду социализации детей. Интеллигенция в России всегда была проводником нравственных ценностей и культурных традиций. Как доминирующая тенденция в определении среднего класса уровень образования родителей, конечно вполне оправдан. Однако, это далеко не обязательная характеристика, что следует и из статисти-

ческих данных. Около половины случаев представителей среднего класса все-таки этой характеристикой не обладают. Российская история знает немало случаев исключительного социального и карьерного роста у выходцев из среды, далёкой от ведущих образовательных учреждений.

Исследователи среднего класса отмечают растущую значимость нравственных качеств, как личности, так и отношений между людьми. «Процесс становления российского среднего класса начинается и продолжается на основе изменений его культурных, нравственных характеристик. Эти характеристики ... выполняют лидирующую функцию, мотивируя и ориентируя данный процесс».²² Отмечается наличие у представителей среднего класса гражданской ответственности, самоуважения, внутренней независимости.²³

Характерными чертами представителей среднего класса являются высокая самооценка, ощущение важности для общества своих функций, высокая гражданственность.²⁴

Конечно, проблема искажения нравственных ценностей в современном российском обществе очевидна, она обсуждается не только в научном сообществе, но и в СМИ. В то же время необходимость решать проблемы бизнеса в характерных для России условиях потребовала выстраивания отношений на основе надежности партнерских контактов. Деловые отношения, характерные для среднего класса, выковывались в период совместного преодоления экономических и финансовых проблем. Долгосрочное сотрудничество, деловая репутация прослужили основой для кристаллизации нравственного костяка деловых и личных отношений.

Экономический ресурс в определении классового положения граждан оказывается центральным. Изучено имущественное положение, стандарты потребления представителей среднего класса. Однако материальный ресурс домовладений как таковой перестает быть самостоятельной целью в социальном пространстве состоявшихся представителей среднего класса. Характерно отношение к деньгам только как средству, позволяющему вести достойную образ жизни. Деньги уже ничего не меняют в мироощущении успешных представителей среднего класса.

Важной характеристикой среднего класса является его общественно-политическая позиция. «Средний класс определяется не только доходами и потреблением, это и социально-политическое поведение, уровень гражданской ответственности – отсюда самоуважение и внутренняя независимость».²⁵ Однако исследователями отмечается слабая активность среднего класса в политической сфере. По мнению С.В.Мареевой, «Формирование политического аспекта сознания и поведения российского среднего класса как коллективного актора существенно отстает от формирования специфических для него установок в экономической, социальной, ценностной сферах. В результате ни средний класс в целом, ни его ядро не способны пока выступать самостоятельными акторами в политической сфере. Кроме того, на данном этапе своего формирования средний класс характеризуется слабостью коллективной переговорной позиции. Все это приводит к тому, что у среднего класса отсутствует в настоящий момент база для консолидации и коллективного отстаивания своих прав.

При необходимости защищать свои права представители среднего класса предпочитают действовать индивидуально, не прибегая к использованию сложившихся общественных и политических институтов».²⁶

На данную особенность российского среднего класса указывает и коллектив авторов под руководством Л.М. Григорьева и Б.И. Макаренко «Средний класс (особенно в Москве) вышел из «детского возраста», хотя еще не слишком готов к активной политической жизни. Но мнение свое имеет и его необходимо учитывать для успеха модернизации страны и успеха реформ».²⁷

Представители российского среднего класса видят и понимают проблемы современного российского общества. Но при этом они склонны делегировать ответственность за решение политических проблем руководству страны. Они заинтересованы в создании благоприятных условий, адекватного социального пространства для своей деятельности, но не видят смысла в своем участии в решении политических проблем. «Российский средний класс лоялен власти и аполитичен».²⁸

Подобная позиция представителей среднего класса не характерна для других стран с устойчивым и влиятельным положением среднего класса. «В ряде западных демократий мнение среднего класса во многом определяет политику государства. Это в очередной раз подчеркивает важность изучения ценностей и поведения среднего класса. Но говорить о том, что средний класс в России способен влиять на процесс принятия политических решений, по крайней мере, преждевременно».²⁹

В современных исследованиях отмечается правовая незащищен-

ность среднего класса, отсутствие уверенности в соблюдении законов, надежности государственных судебных инстанций, сомнения в индивидуальной экономической безопасности, постоянное игнорирование прав интеллектуальной собственности. Благополучный, надежный средний класс оказался в российских условиях социально незащищенным. И это одна из проблем, определяющих своеобразие социального профиля российского среднего класса.

При анализе моделей поведения социальных групп интересно было бы обратить взор на историю российского общества, соотнести социально-исторические условия и особенности поведения прототипов средних слоев населения в российском фольклоре. В русских былинах – это воины, защитники. Русские богатыри, добры молодцы, смело выходившие на бой с супостатом, были победителями в открытом бою. Судя по фольклору, российская реальность сильно поменялась после нашествия XII-XIII веков, а впоследствии крепостного права. Становится менее интересным успешный, производительный труд, открытое противодействие. В сказках в качестве успешных персонажей появляются теневые фигуры: мышка-норушка, золотая рыбка, Дед Мороз. Источники успеха связаны с природными факторами, они скрыты под водой («Золотая рыбка», «По щучьему велению»), под землей («Хозяйка медной горы»), прилетают с неба («Жар-птица»). От человека требуется везение, ловкость, смекалка, помогающие вовремя ухватить жар-птицу, как источник изобилия и безбедного существования. Как правило, это удается самому ленивому из сыновей, слывущего дураком. Работящие и умные сыновья наград не

получают. Добры молодцы в русских сказках периода крепостного права – фигуры редкие, почестями не обласканные. Но образы былинных богатырей, уступив место более динамичным персонажам, остаются в памяти народа.

Оригинален сюжет русской сказки «Колобок». Российский колобок, которого по амбарам надели, по сусекам наскребли, сумел уйти от деда с бабкой. Символика родительских фигур в юнгианской психологии: отец – закон, мать – родина. Румяный, подвижный, оптимистичный колобок успешно взаимодействует с сильными фигурами, но оказывается не в меру наивным и доверчивым. Опасность самовыражения, приближения, сокращения социальной дистанции хорошо знакома представителям российского общества.

На данный момент неизвестна дальнейшая судьба российского среднего класса: выберет ли он сценарий поведения былинного богатыря, либо его ждет участь самовлюбленного колобка? Сумеет ли средний класс России консолидироваться в значимую социальную группу, способную оказывать влияние на социальную ситуацию в стране? Или по-прежнему будет оставаться разрозненным, диссоциированным, отстаивающим свои интересы только на персональном, индивидуальном уровне? По мнению исследователей, процесс консолидации средних слоев идет, хотя и не так быстро, как хотелось бы. «Фактически лишь к началу нынешнего века средний класс в России появляется как отчетливая социальная группа».³⁰

Обсуждение проблемы наличия или отсутствия среднего класса в России естественно определяется и экономическими ресурсами, не достигшими некой кри-

тической массы, которая позволяла бы среднему классу более определенно заявить о себе в российском социальном пространстве. Качество человеческого капитала, которое, по мнению Т. Малеевой, выражается в количестве образованных, здоровых, ответственных и процветающих людей³¹, на данный момент воспринимается больше как красивая мечта, чем состоявшаяся реальность. Некий ореол призрачности российского среднего класса связан и с его маргинальным статусом. Ощущение ненадежности своего положения, незащищенность заставляет некоторых представителей российского среднего класса либо думать об эмиграции, либо переводить средства за рубеж (латентная эмиграция). Выжидательная позиция, дефицит общественно-политической активности в купе с небольшой численностью ослабляют возможности российского среднего класса играть роль опорной конструкции востребованных модернизационных преобразований.

Актуальный вопрос о наличии или отсутствии среднего класса в России не может быть решен в одной плоскости. Необходимо смотреть на эту проблему с разных позиций и ракурсов восприятия. С позиции численности процентный состав ядра среднего класса действительно крайне мал и фактически проживает только в крупных городах, районных центрах. Активной общественно-политической позиции не проявляет, заметного влияния на политические процессы современной России не оказывает. Уверенность в надежности своего положения в российском социально-экономическом пространстве, наличие перспектив развития внутри страны остаются под вопросом. Действительно возникает впечатление слабой представленности среднего класса

в российской социальной реальности.

Что же есть? А есть реально существующая совокупность социальных групп, отличающаяся высокими показателями экономических, социальных, культурных ресурсов, потенциально имеющая чрезвычайно большое значение для современной России. Представителей этих групп отличает созидательный потенциал, увлеченность делом, умение решать проблемы, высокие нравственные ценности, образовательный и культурный уровень. И эта совокупность имеет право как-то называться. Можно ли обозначить ее понятием класс? Возможно, в данный момент более корректно было бы использовать понятие средних слоев российского общества, как более отражающих реалии социального бытия. В то же время наличие общих социальных характеристик средних слоев населения позволяют использовать и обобщенное понятие класса, которое вместе с тем более отражает потенциальную возможность, нежели фактическое положение дел. В настоящее время важен образ среднего класса как ориентир направления движения активного населения. «Средний класс» – это то, чем должна стать основная масса активного населения»³²

С точки зрения перспектив развития российского общества, укрепление и усиление позиций среднего класса имеет принципиальное значение. С чем останется российское общество, если наиболее деятельная успешная нравственно ориентированная часть населения развернется в какую-либо иную сторону?

Эмоциональный потенциал критики в дискуссиях о наличии или отсутствии среднего класса России, обусловлен тем, что его

наличие рассматривается как критерии эффективности социально-экономических преобразований. Вместе с тем можно предположить, что средний класс в России в данный момент состоялся не только благодаря реформам, но и несмотря на те негативные процессы в обществе, которыми эти реформы сопровождались. Важным источником российского среднего класса оказались человеческие ресурсы российского народа, который воспроизводит себя, невзирая на невзгоды.

Трудно не согласиться с мнением О.И. Шкаратана, который считает, что сейчас «вопрос не столько в том, выживет ли Россия, сколько в том, выживет ли Россия творческая, производительная, передовая, богатая человеческими ресурсами».³³ И в этом отношении пафос дискуссий о наличии среднего класса в России должен сместиться в сферу поисков условий для его активного расширения и укрепления.

Важным вопросом становления и развития российского среднего класса является его консолидация, саморефлексия как коллективного субъекта социальных отношений. Существует мнение, что пока в российском среднем классе отсутствуют внутригрупповые связи в любой форме, артикулированные общие интересы и каналы представительства этих интересов.³⁴ Изучение коммуникативных стратегий поведения как внутри среднего класса, так и его взаимодействие с другими социальными группами может способствовать более рельефному отображению социального профиля российского среднего класса в социальном пространстве современной России.

Одним из направлений оптимизации положения среднего класса в российском обществе могло

бы быть преодоление стратегии параллельного существования различных социальных групп, стратегии невмешательства в дела друг друга. По данным исследования Центра политических технологий условиями включения представителей среднего класса в модернизационные процессы является ориентация власти на диалог со средним классом, а также возможность граждан почувствовать свою значимость для государства. Эффективная коммуникация власти и граждан, по мнению авторов исследования, должна осуществляться через общественные объединения.³⁵ Уважение к людям, признание их значимости и открытый диалог власти и представителей среднего класса – важнейшие условия оптимального развития социальной ситуации в российском обществе. «Для проявления инициативы представителями среднего класса они должны почувствовать значимость своей позиции для государства, преодолеть свойственное еще советскому обществу «отчуждение» от него (*людей необходимо начать слышать*), в том числе путем выстраивания механизма «обратной связи».³⁶

Литература

1. Бунин И., Макаренко Б. Российский средний класс и модернизация. Политком.ру
2. Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники М., 2004. С. 243-244.
3. Городские профессионалы: Ценности и правила игры среднего класса. 20 рефлексивных биографий. Тюмень, 1999.
4. Григорьев Л.М., Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса. Экспресс- анализ взглядов на политику и экономику». М. 2010. С. 4.
5. Там же, 5.
6. Векторы социальной модернизации. Научный семинар под рук. Е. Ясина. 2011 (<http://www.liberal.ru/articles/5232>)
7. Мареева С.В. Средний класс в современном российском обществе. Специфика становления. Автореф. дис... канд. социол. наук. М. 2010. с.15.
8. Медведев Д. Россия, вперед! 2009. (<http://Kremlin.ru/news/5413>)
9. Мареева С.В. Средний класс в современном российском обществе. Специфика становления. Москва 2010, с. 9.
10. Шанкина А.Ю. Средний класс в России: охота на Несси / / Полит. исслед. - 2003. - № 1. - С.103-111.
11. Руссу О.Д. Становление среднего класса в современной России. Дис. ... канд. Филос. Наук. Волгоград, 2005.
12. Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Е. М. Аврамова и др.; Под ред. Т. Малевой; Моск. М.: Центр Карнеги. — М. 2003.
13. Савина Т.Н. Средний класс как необходимое условие модернизации российской экономики: проблемы формирования и перспективы роста // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. №1 (94). 2011 С. 20-29
14. Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса: экспресс-анализ взглядов на политику и экономику.
15. И.Самсон, М. Красильникова Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф // Вестник общественного мнения, №4 (106), 2010.
16. Сивкова В. Нормальные средние русские. « АиФ». 2000. №43, с.9.
17. Средние классы в России. Экономические и социальные стра-

тегии/ Под ред. Т. Малевой. М.: Центр Карнеги. 2003, с. 269

18. Тихонова Н. Е. Классы в современной России: миф или реальность? // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. - Вып.7. - М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 62-92.

19. Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. М. 2009. - 320 с.

20. Шкаратан О.И. Государственная социальная политика и стратегии поведения средних слоев. М.: МГУ ВШЭ, 2005.

21. Новый средний берегающий // Общая газета, 20.04.2000 Национальная электронная библиотека 2000 г. webmaster@nns.ru

22. 24. Rona-Tas A. Post-Communist Transition and the Absent Middle Class in East-Central Europe // <http://escholarship.org/uc/item/22g1z9nw#page-37>.

Ссылки:

1 Средние классы в России: экономические и социальные стратегии./ М. Аврамова и др. М. 2003.

2 Савина Т.Н. Средний класс как необходимое условие модернизации российской экономики: проблемы формирования и перспективы роста. - Национальные интересы: приоритеты и безопасность. №1 (94). 2011 С. 20-29

3 Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: Теория и реальность. М. 2009.

4 Средние классы в России: экономические и социальные стратегии./ М. Аврамова и др. М. 2003.

5 Шкаратан О.И. Государственная социальная политика и стратегии поведения средних слоев. МГУ ВШЭ, 2005. Григорьев Л.М., Макаренко Б., Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса: экспресс-анализ взглядов на политику и экономи-

ку. М.2010

6 Шкаратан О.И. Государственная социальная политика и стратегии поведения средних слоев. М. ГУ ВШЭ 2005. с. 17.

7 И. Самсон, М. Красильникова Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф. - Вестник общественного мнения. №4(106) 2010.

8 Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. М. 2009.

9 Rona-Tas A/ Post-Communist Transition and the Absent Middle Class in East-Central Europe// <http://escholarship.org/uc/item/22g1z9nw#page-37>.

10 Там же

11 И.Самсон, М. Красильникова Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф. - Вестник общественного мнения №4 (106) 2010.

12 Векторы социальной модернизации Научный семинар под рук. Е. Ясина. 2011 (<http://www.liberal.ru/articles/5232>)

13 «Общая газета», 20.04.2000 © Национальная электронная библиотека 2000г. webmaster@nns.ru

14 Зевина О. Российский средний класс и модернизация. : (по материалам фокус-групп и экспертных интервью)/ зевина О., Макаркин А. <http://www.Krenlin.ru/transcripts/68445>. с.16

15 Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии/ Под ред. Т.Малевой . Центр Карнеги. 2003, с. 269.

16 Тихонова Н.Е. Классы в современной Росс: миф или реальность. // Россия реформирующаяся. Ежегодник. /Отв. Ред. М.К. Горшков. - Вып.7. - М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 62-92.

17 Шкаратан О.И. Государственная социальная политика и стратегии поведения средних слоев. М. ГУ ВШЭ 2005. с. 19.

18 Геллнер 2004, Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники - М., 2004. - С. 243-244.

19 Сивкова В. Нормальные средние русские. АиФ. 2000. №43, с.9.

20 Городские профессионалы: Ценности и правила игры среднего класса. 20 рефлексивных биографий. Тюмень, 1999.

21 Мареева С.В. Средний класс в современном российском обществе. Специфика становления. Автореф. Дис. .. канд. социол. Наук. М. 2010. с.15.

22 Там же

23 Григорьев Л.М., Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса. Экспресс- анализ взглядов на политику и экономику». М. 2010.

24 Шанкина А.Ю. Средний класс в России: охота на Несси / Полит. исслед. - 2003. - N 1. - С.103-111.

25 Григорьев Л.М., Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса. Экспресс- анализ взглядов на политику и экономику». М. 2010. с.5

26 Мареева С.В. Средний класс в современном российском обществе. Специфика становления. Москва 2010, с. 9.

27 Григорьев Л.М., Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса. Экспресс- анализ взглядов на политику и экономику». М. 2010. с. 4

28 Баева Е. Российский средний класс лоялен власти и аполитичен. РБК daily. 30.03.2011

29 Григорьев Л.М., Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса. Экспресс- анализ взглядов на политику и экономику». М. 2010. С. 7.

30 Григорьев Л.М., Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса. Экспресс- анализ взглядов на политику и экономику». М. 2010. с. 6

31 Т. Малева Социальная модернизация: институты и акторы. С-Петербург. Леонтьевский центр. 19 февраля 2011 г.

32 Григорьев Л.М., Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса. Экспресс- анализ взглядов на политику и экономику». М. 2010 с. 17.

33 Шкаратан О.И. Государственная социальная политика и стратегии поведения средних слоев. МГУ ВШЭ, 2005. с.14.

34 Руссу О.Д. Становление среднего класса в современной России. Дис. ... канд. Филос. Наук. Волгоград, 2005.

35 Григорьев Л.М., Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса. Экспресс- анализ взглядов на политику и экономику». М. 2010

36 И. Бунин, Б.Макаренко Российский средний класс и модернизация. Политком.ру

ДЕМОГРАФИЯ

Демографическая ситуация в России и мире: эпоха турбулентности

Новоселова Е.Н.

В статье проводится анализ современной демографической ситуации в России и мире. В настоящее время становится очевидным, что весь мир вступил в эпоху перемен, экономических и социально-политических потрясений, геополитических и цивилизационных сдвигов. Демографическая ситуация в здесь не исключение. Резкое снижение численности населения в развитых странах очень опасная угроза. Данная глобальная негативная тенденция будет иметь наиболее существенное значение для мирового сообщества. Надвигающийся демографический кризис будет носить глобальный характер, наиболее пострадавшими странами станут: Страны Евросоюза; Япония; Китай; Россия.

Ключевые слова: депопуляция, семейно-демографическая политика, репродуктивное поведение, малодетность, многодетность, демографическая безопасность, воздействие на репродуктивное поведение, инструменты трансляции ценности семьи.

Novoselova E.N.

The Demographic Situation in Russia and the World: the Era of Turbulence

The article analyzes the current demographic situation in Russia and the world. The world entered an era of change, economic and socio-political upheavals, geopolitical and civilizational changes. The demographic situation is no exception. Decline in population in the developed world is a dangerous threat. This global negative trend will be most significant to the global community. The looming demographic crisis will be global, the most affected countries will be: The European Union countries, Japan, China, Russia

Key words: depopulation, family and demographic policy, reproductive behavior, families with few children, family with many children, demographic security, the impact on reproductive behavior, methods of transmission of family values.

В настоящее время становится очевидным, что весь мир вступил в эпоху бурных перемен, экономических и социально-политических потрясений, геополитических и цивилизационных сдвигов. Демографическая ситуация в России здесь не исключение. Сегодня, казалось бы, государство наконец стало признавать ценность семьи и ее роль в общественном развитии, демографическая ситуация в стране признается кризисной практически всеми, так каждый из кандидатов на пост президента РФ уделяет данной тематике большое значение в своих предвыборных речах, докладах, программах. В.В. Путин: «Сегодня в России живет 143 млн. человек. По оценкам экспертов, при инерционном сценарии - т.е. при сохранении существующих и отсутствии новых мер - к 2050 году оно (население России - Е.Н.) составит порядка 107 миллионов человек» [17], «демографическую ситуацию в стране нельзя назвать устойчивой. Россия столкнулась с так называемым демографическим эхом 90-х» [16]. Г.А. Зюганов: «Демография - это главная политика...сейчас молоде-

жи с 14 до 30 лет 36 миллионов. Если этот курс будет продолжаться, к 2024-му будет на 11 млн. меньше. Это означает, что в стране некому рожать будет» [9]. М.Д. Прохоров - «Демография - важнейшая проблема, нас всего 142 миллиона, и это очень мало для такой огромной страны» [15]. В.В. Жириновский: «Необходим постоянный контроль над долгосрочной демографической политикой, обеспечивающей ежегодный прирост населения и увеличение продолжительности жизни» [8]. С.М. Миронов: «Демографическая ситуация, сложившаяся в стране, находится сейчас в центре внимания российской общественности. Низкая рождаемость и высокая смертность представляет, пожалуй, самую серьезную угрозу нашему народу и нашей культуре» [12].

Ситуация плачевна, а масштабное рекламируемая Концепция демографического развития на период до 2025 года отнюдь не дает гарантию выхода из кризиса.

По мнению ученых демографов в ближайшие годы «Россия столкнется с последствиями катастрофического спада рождаемости конца 1980-х – начала 1990-х годов (т.е. с последствиями так называемой «демографической ямы 90-х»). Необходимо подчеркнуть, что мы имеем здесь дело с совершенно беспрецедентной по масштабам демографической ямой, с которой России еще не приходилось сталкиваться» [10].

Правительство говорит о своих успехах в области демографии: «за 2011 год численность населения России выросла. Впервые почти за 20 лет. Об этом Владимир Путин заявил 20 января 2012 года на правительственном собрании. По его словам, показатели рождаемости и смертности были самыми благоприятными за последние 19 лет» [18].

Однако сокращение темпов уменьшения населения в последние годы – явление временное. Увеличению числа рождений на протяжении последних лет способствовала благоприятная возрастная структура и, как свидетельствуют расчеты, положительное влияние фактора структуры исчерпало себя. В самое ближайшее время роль возрастной структуры в изменении числа рождений станет отрицательной.

«Демографическая яма - не метафора, придуманная учеными. Это жизненная реальность, и она объективна. Экономически развитым странам грозит сокращение трудоспособного населения, которое неизбежно приведет к спаду в экономике, и, соответственно, упадет уровень жизни, снизятся доходы и зарплаты, будут съезжаться социальные программы, пенсии. Правительствам придется прибегать к таким непопулярным мерам, как удлинение рабочего дня и повышение пенсионного возраста» [24]. Что касается России, то она особенно стремительно проваливается в эту демографическую яму. Выход из нее, если и возможен, но лишь в очень долгосрочной перспективе. В ближайшие годы, по самым пессимистичным оценкам, сокращение населения в стране будет происходить со скоростью более 1 млн. человек в год. Платежеспособный спрос будет снижаться, а дефицит кадров — нарастать. Экстраполяционный прогноз предсказывает, что начнется быстрое сокращение абсолютного числа россиян в трудоспособном возрасте. С 50-процентной вероятностью к 2050 году их будет на 45% меньше, чем было в 2000 и на 20% меньше, чем в 1950, а к 2100 году останется около 35% от того числа трудоспособных, которое было в России в 2000 году. При этом, с 50-процентной вероятнос-

тью нагрузка пожилыми за 100 лет вырастет на 103%, а согласно стабилизационному прогнозу рост составит 77%. Разница, конечно, заметная, но едва ли ее можно считать принципиальной — даже и при стабилизационном варианте рост нагрузки очень велик (рис. 1) [13].

Уже в ближайшие годы в аудитории учебных заведений придет куда меньше первокурсников, чем прежде. Количество учащихся в системе общего образования сократится на 20%, начального профессионального — на 40%, а в системе среднего образования — на 26%. Вузы же не досчитаются 16% студентов (рис. 2).

Наименьшая рождаемость была в 1999 г. тогда родилось 1,2 млн. чел. (для сравнения: в 1987 г. — 2,5 млн.), следовательно, наиболее острым будет период 2016–2021 гг., именно в этот период в России произойдет максимальное сокращение числа вузов и филиальных сетей. Стало быть, уже в ближайшие два-три года под угрозой сокращения в России окажутся огромное количество преподавателей (в основном, конечно, вузов негосударственных), а в дальнейшем их число будут только расти, что заденет интересы миллионов студентов, их родителей и родственников. Таким образом, становится понятным

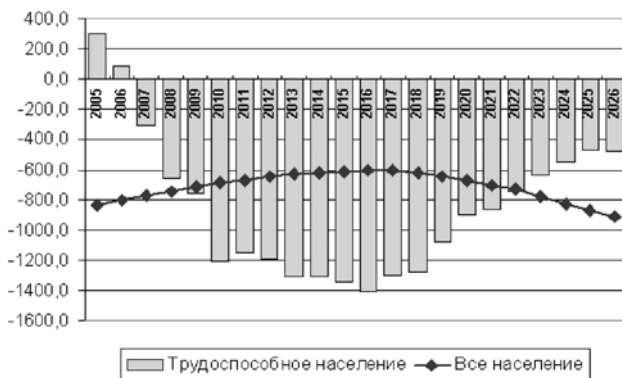

Рис. 1. Динамика прироста (убыли) населения и трудоспособного населения РФ на период до 2026 года.

Источник: Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В.И. - Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.

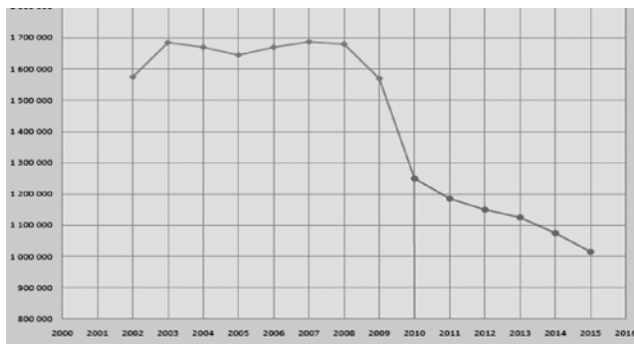

Рис. 2. Динамика приема в вузы России (2002-2009 гг. – фактические данные, 2010-2015 – прогноз)

Источник: О ситуации, некоторых прогнозах и стратегиях развития негосударственного высшего профессионального образования в России в связи с демографической ямой http://www.mosgu.ru/_subdomains/ilinskiy/publications/stat/demogr/

«какую долговременную и острую опасность эта «яма» несет для всех сфер российского общества...Это, по правде говоря, вовсе не «яма», а своего рода «противотанковый ров», рухнуть в который (хочешь не хочешь) придется, а вот как и когда сможем выбраться из него – большой вопрос» [14].

Как уже было сказано выше, сегодня во взрослую жизнь вступает поколение 90-х, когда в родах было пусто и никто не хотел рожать. В связи с этим у нас теперь меньше рабочих рук и потен-

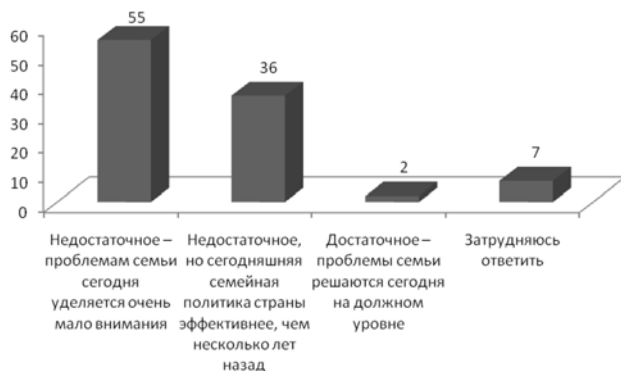

Рис. 3. Как Вы считаете, достаточно ли внимание уделяет наше государство проблемам семьи, в %

Источник: Исследовательский центр портала SuperJob.ru. <http://www.superjob.ru/community/life/13667/>

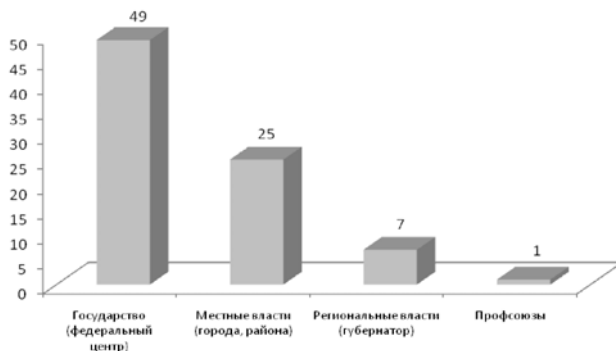

Рис. 4. Кто в первую очередь, на Ваш взгляд, должен нести ответственность за оказание помощи семье и детям, в %

Источник: Доклад по социальной политике. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации Оценка россиянами семейной и демографической политики государства http://www.isras.ru/analytical_report_SociaPpolicy_10.html

циальных родителей и что не мало важно для государственной безопасности России – призывников. Возникает вопрос – кто будет охранять наши границы? Границы страны, которая уже сейчас испытывает трудности с комплектованием армии, а в дальнейшем, по всем, даже самым оптимистичным прогнозам, этих трудностей будет становиться все больше. Экстраполяционный прогноз показывает, что к 2100 году молодых мужчин в воз-

расте 18-19 лет в России будет всего 681 тыс. — меньше трети от их числа в 2000 году [13].

Демографический кризис представляет, пожалуй, самую серьезную угрозу нашей стране, нашему народу, нашей культуре. Без ясно выраженной политической воли со стороны власти, обеспечивающей системное противодействие процессам депопуляции, без активной позиции политических и общественных сил, отражающей волю к жизни самого народа, демографическую проблему не решить. Кроме этого, «необходимо и осознание людьми приоритетов социально-демографической политики... Без благоприятного общественного мнения, без гражданского самосознания и самоуважения затраты ресурсов на проведение демографической политики не дадут ожидаемых результатов...» [7]

решение демографической проблемы, преодоление депопуляционных тенденций не под силу только одному государству, даже когда оно осознает всю губительность для себя этого кризиса, институт семьи необходимо укреплять с помощью совместных усилий государства и общества.

Большинство населения России воспринимают семейно-демографическую политику государства как нечто абстрактное, никак не зат-

рагивающих их лично, более того, по мнению 55% россиян, государство уделяет очень мало внимания проблемам семьи и лишь 2% населения семейная политика государства в этой области полностью устраивает (рис. 3) [20].

Таким образом, большинство россиян считают, что проблемы семьи не решаются в нашей стране на должном уровне. Опрос, проведенный в прямом эфире программы «Открытая студия» дал другую, еще более печальную статистику – 49% опрошенных не готовы стать многодетными родителями, какие сказочные условия для этого им бы не создало государство [23]. При этом, в условиях, когда собственная экономическая активность населения в большинстве регионов РФ из-за состояния местного рынка труда не может компенсировать расходов на второго и последующего детей, не удивительно, что основную ответственность по социальной поддержке семьи и детей россияне склонны возлагать, прежде всего, на государственные органы власти (рис. 4).

Продолжая разговор о связи уровня дохода и детности следует отметить, что «в семьях с низким уровнем дохода и образования (вне зависимости от страны проживания) итоговое число детей зачастую оказывается выше, чем в семьях с высоким уровнем дохода и

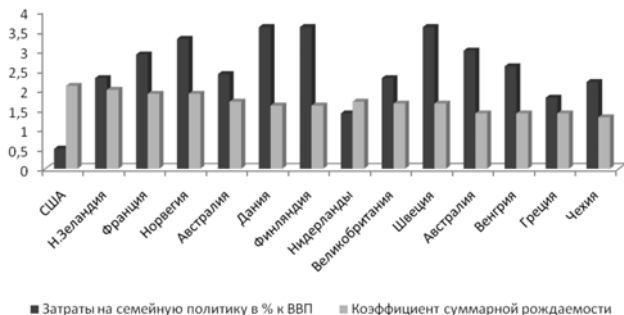

Рис. 5. Связь между затратами на семейную политику (1991-2001) и уровнем рождаемости (2001-2003)
 Источник: European health for all database (HFA-DB). World Health Organization Regional Office for Europe.

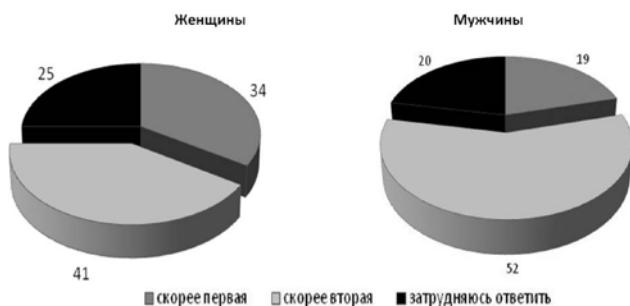

Рис. 6. Одни женщины (мужчины), вступая в брак, стремятся как можно раньше завести детей. Другие же, наоборот, стараются отложить рождение детей на более позднее время. Как вам кажется, какая позиция женщин (мужчин) сегодня больше распространена в России – первая или вторая?

образования. Этот феномен получил название «обратной связи рождаемости с уровнем жизни» [1]. Данный факт противоречит здравому смыслу, но тем не менее – рост благосостояния приводит к снижению рождаемости. Конечно, нет никаких сомнений в том, что дети стоят денег, и улучшать условия жизни и помогать материально семье с детьми необходимо, однако становится все более очевидным, что попытки преодолеть демографический кризис только экономическими средствами, без учета духовной составляющей, обречены на провал. Ведь причины демографического кризиса – не

в кошельках, а в душах людей.

Сейчас у нас много надежд связывается с активизацией демографической политики, с увеличением денежных выплат семьям и т.д. Безусловно, все это нужно, но ведь Россия не единственная страна в мире, пытается воздействовать на рождаемость экономическими мерами и успешность такой политики под большим вопросом. Как показывает рис. 5, нет особой связи между затратами на семейную политику и уровнем рождаемости.

Депопуляция является итогом и результатом глобальных общественных трансформаций, изменения места и роли семьи в обществе, постепенного отмирания её социальных функций — в первую очередь, репродуктивной.

Обычно женщины одного поколения рожают меньше детей и в более позднем возрасте по сравнению с женщинами из предыдущего поколения. Так, в среднем на каждую женщину, родившуюся в 1930-х годах, приходится по 2,39 ребёнка, для матерей, родившихся в 1960-х этот показатель равен 1,91, а на каждую женщину, родившуюся в 1980-х приходится всего 1,03 ребёнка. Кроме того, увеличивается и количество бездетных женщин - в 1930-е годы такими были каждая девятая женщина, тогда как в 1960-е уже каждая пятая женщина не имела детей. Также учёные отмечают и увеличение возраста, в котором женщина впервые рождает - в 1930-х годах в возрасте 30 лет детей имело на 10% больше женщин, чем в 1980-х [21]. Арифметика проста - четверо родили двоих, двое - одного. Исходя из этой формулы - если демографическая ситуация в России останется на прежнем уровне, через каких-то полвека наша страна недосчитается более половины своего коренного населения! И что это

будет за страна? Наше будущее - это страна одиночества!

Наибольшая угроза для демографического будущего России, да и будущего страны в целом, здесь связана, кроме все прочего, с обвальным падением числа молодых женщин детородного возраста рожденных в 1990-х - представительниц самого малочисленного поколения. К середине 2020-х годов число потенциальных матерей наиболее высоко репродуктивных возрастов в нашей стране сократится почти в два раза. Соответственно, в самые ближайшие годы неизбежно начнется новый виток катастрофического вымирания нашей страны.

Малочисленность — не единственная характеристика сегодняшних будущих родителей. «Мало того, что их будет мало, часть из них будет представлять ставшую распространенной в 1990-е годы модель однодетности. Они просто не представляют себе, что такое иметь нескольких детей» [19]. По словам Пурнимы Мане, помощника генсека ООН и замглавы ЮНФПА: «В своих устремлениях люди уже выработали для себя норму — оставаться бездетными или заводить только одного ребенка» [19].

Исчезает потребность в нескольких детях, становится нормой малодетность, возникают сообщества, пропагандирующие добровольный отказ от детей. Женщины, да и мужчины тоже, всё чаще стали сознательно откладывать рождение ребёнка и высвобождать время для других задач: образования, карьеры, экспериментов с образом и стилем жизни [22]. Рис. 6 демонстрирует данную тенденцию.

В России сейчас 66% семей с одним ребенком, 28% с двумя и более детьми, т.е. 94% семейного населения России имеет не более двоих детей, а в основном по одному ребенку [6]. Это структура

убывающего населения. В этой структуре необходимо резко повысить ценность семьи с тремя, четырьмя, пятью и более детьми. Государство должно быть ориентировано на поддержку семьи с тремя и более детьми.

Массовая культура все больше ориентируется на удовлетворение желаний и фантазий взрослых. «Оторвись по полной», «Бери от жизни все», «Забей на все» - абсолютно не совместимые с жизнью семьи с детьми лозунги. По сравнению с ними, ценности, связанные с детьми: забота, стабильность, самоотдача, - кажутся устаревшими и банальными. «Феминистки кричат: женщину поработили мужчины. Они все перепутали, семью: и отцов и матерей и детей в семьях - поработило тоталитарное государство. До тех пор пока государство эксплуатирует семью и не ставит ее рядом с собой, оно мною - ученым - будет называться тоталитарным. В семье мы не просто рожаем детей, а мы готовим будущих исполнителей социальных ролей, будущих профессоров, ученых, министров, все будущее мы готовим - мы архитекторы человеческих душ, мы человека делаем, не просто рабочую силу... Весь наш малодетный народ неглуп. Он живет и в экономической среде, когда рождение каждого ребенка не только не выгодно, а экономически вредно для семьи, и в социальной среде, где все плюются на тебя - вот ты идиот, рождаешь нищету. Современные многодетные семьи являются диссидентами нашего времени» [6].

Проблема кризиса семьи как социального института состоит в ослаблении личных мотивов индивида, касающихся создания семьи. Таким образом, «без радикального изменения положения института семьи среди других институтов, без

преобразования всей системы ценностей в обществе с индивида на семью, ситуация не улучшится» [3].

Одним из возможных инструментов трансляции ценностей семьи в современном обществе выступает реклама. Колоссальную мощь информационно-рекламных возможностей можно с успехом обратить во благо демографического развития России. «Популяризация семейного образа жизни, 3-4 ребенка в семье, профилактика разводов и насилия в семье - вот цели, которых можно достичь с помощью рекламы» [5]. Общество не может обойтись без сопровождающей демографическую политику социальной рекламы, как современный бизнес не может обойтись без коммерческой рекламы. «Ни один товар или услуга, будь они трижды хороши, не имеют шансов на успешную реализацию без качественной рекламы. Аналогично, сегодня ни одна социальная проблема не может качественно решаться без достойного информационного сопровождения» [4].

Целью данного информационного сопровождения семейно-демографической политики должно стать формирование у населения четкой ассоциации: семья - здоровье и счастье каждого человека, большая семья счастье и здоровье в n -степени, где n - количество детей. Семья должна восприниматься как неоспоримая жизненная аксиома. Государство должно поощрять прессу, радио, кино и другие СМИ к популяризации идеи о том, что только большое количество детей позволяет создать счастливую семью, ведь многодетная семья это шанс нации, подарок, который родители дарят обществу, огромный вклад в копилку вымирающей страны.

«Рождаемость можно повысить... Если правительство начнет

стимулировать увеличение трехдетных семей, то мы можем добиться того, что рождаемость будет постепенно повышаться и к 2040 году мы выйдем на уровень простого воспроизводства населения... Вопрос в том, решится ли власть работать на столь долгосрочную перспективу. Нам нужно научиться заглядывать вперед, если только целостность нашего государства для нас является действительно важной задачей» [2].

Глобальными называют проблемы, которые охватывают весь мир, все человечество, создают угрозу для его настоящего и будущего и требуют для своего решения объединенных усилий, совместных действий всех государств и народов. Демографическая ситуация бесспорно является одной из таких важнейших глобальных проблем человечества. На сегодняшний день окончательно выкристаллизовалась задача номер один для нашей страны – умножение народа. Ведь именно в «сохранение и размножение российского народа состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [11]. В ближайшие годы российскую демографию ждет провал: с каждым годом детей рождаться будет все меньше, зато увеличится количество смертей. Модель современного общества, построенная на индивидуализме, ни к чему хорошему не приведет. Каждая новая перепись населения показывает, что нас, россиян, становится меньше и меньше. После предыдущей переписи 2002 года население России сократилось с 145,17 миллионов человек до 142,9 млн. Убыль составила 2 млн. 260 тыс. человек. Проще говоря, всего за восемь лет с карты Российской Федерации исчезли два города-миллионника. Демографическая

ситуация не просто тревожная. Наши населённые пункты исчезают, а сами мы буквально вымираем! Если демографию не поставят на первое место среди всех вопросов, то через непродолжительное время все остальные вопросы станут бессмысленными. А пока, Россия продолжает катиться в демографическую пропасть на дне которой острые пики, и больно падать мы будем все вместе. А вот насколько глубоко в демографическом болоте мы увязнем, зависит как от государства, так и от нас самих. Для эффективной борьбы с депопуляцией необходимо чтобы общественное мнение поддерживало политику государства, успех которого в деле преодоления депопуляции полностью зависит от степени вовлеченности всего общества в одно общее дело – строительство моста через демографическую яму, спасение страны от демографической катастрофы.

Литература

1. Андрущенко Я. Влияние материальных условий жизни на рождаемость и проблемы демографической политики. // Демографические исследования, № 6. 2010.
2. Антонов А. И. Повышение рождаемости – это проблема формирования ценностей // <http://demography.narod.ru/article223.html>
3. Антонов А.И. Падение рождаемости, кризис семьи и неизбежность депопуляции в Европе в первой половине XXI века (социологический подход) // «Демографические исследования» № 6
4. Белобородов И.И. Информационное сопровождение семейно-демографической политики. <http://www.demographia.ru>
5. Василенко И.А. Роль рекламы в процессе формирования и трансляции ценности семьи в со-

временном обществе // Вестник ОГУ №81. 2008.

6. Вести с семейного фронта / <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=899>

7. Демографический кризис — серьезная угроза России. <http://www.ruslife.ru/patrol/addins/42.smx>

8. Жириновский В.В.- кандидат в президенты РФ. Программа Владимира Жириновского <http://кто.они.рф/zhirinovskiy.php>

9. Зюганов Г.А.Интервью радиостанции «Эхо Москвы» 9 октября 2011 г. <http://www.qwas.ru/russia/kprf/Intervju-G-A-Zjuganova-radiostancii-Ehho-Moskvy-9-oktjabrja-2011-g/>

10. Лекция о снижении рождаемости в России. Число потенциальных матерей сократится в два раз. Катастрофический спад рождаемости. <http://www.gazeta.ru/science/2011/05/>

11. Ломоносов М.В. О сохранении и размножении российского народа // <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo6/lo6-381-.htm>

12. Миронов С.М. Будущее семьи — будущее России. Выступление на конференции «Демографическое развитие России в XXI веке: стратегический выбор и механизмы осуществления». http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=394

13. Население России через 100 лет // Полит.ру. <http://www.polit.ru/article/2004/04/11/demoscope153/>

14. О ситуации, некоторых прогнозах и стратегиях развития негосударственного высшего профессионального образования в России в связи с демографической ямой http://www.mosgu.ru/_subdomains/ilinskiy/publications/stat/demogr/

15. Прохоров предложил ряд мер по улучшению демографической

ситуации в стране // Общественно-информационный ресурс Вся правда о...<http://www.vspro.info/article/prokhorov-predlozhit-ryad-mer-po-uluchsheniyu-demograficheskoi-situatsii-v-strane>

16. Путин В.В. провёл совещание по вопросам реализации демографической политики. Смотрите оригинал материала на <http://www.1tv.ru/news/health/199182>

17. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 13 февраля 2012 года.

18. Российская демография подает признаки жизни // <http://inotv.rtc.com/2012-01-23/Rossijskaya-demografiya-podaet-priznaki-zhizni>

19. Россиян некому рожать. Мнения Елизаров В. в интервью Gazeta.ru. <http://www.gazeta.ru/social/2009/11/16/3287420.shtml>

20. Россияне не одобряют семейную политику государства // Исследовательский центр портала SuperJob.ru. <http://www.superjob.ru/community/life/>

21. С каждым поколением уменьшается количество детей в семьях http://deti.mail.ru/beremennosty_i_rody/

22. Селивинова Е. Чайлдфри: без паники. Социологический взгляд. «Работа для меня — более интересная игрушка, чем ребёнок» // Частный корреспондент, 21 мая 2010 года. http://www.chaskor.ru/article/chajldfri_bez_paniki_-_sotsiologicheskij_vzglyad_17446

23. Телерадиокомпания «Петербург». «Открытая студия», Вымираем? Эфир от 16 февраля 2011 года. <http://5-tv.ru/programs/broadcast/506186/>

24. Уж лучше вы - к нам. Чем нам грозит «демографическая яма»? // Российская газета. 30.06.2010. <http://www.rg.ru/2010/06/30/demografia.html>

Миграционный фактор в формировании общероссийской идентичности

Омельченко Е.А.

Сложная миграционная ситуация последних 20 лет оказывает на формирование гражданской идентичности современных жителей России. Отсутствие четко сформулированной концепции миграционной политики Российской Федерации и продуманных мер по языковой, культурной и социальной адаптации мигрантов, прибывающих в нашу страну как из сопредельных стран, так и из государств традиционного зарубежья, способствуют росту межэтнической напряженности и формированию мигрантофобии.

Ключевые слова: миграция, интеграция, адаптация мигрантов, этническая идентичность, гражданская идентичность, этнокультурное разнообразие

Omelchenko E.A.

Factor of Migration in the Forming National Identity of People Living in Russia

The intensive growth of migration processes during the latest 20 years has contributed to some aggravation of inter-ethnic relations in Russia. Nowadays there is no legislation in Russia regulating the policy of adaptation and integration of ethnic migrants coming to our country from all over the world. Only those migrants who want to get Russian citizenship have to show their competence in Russian language, though there are many others who have lived in Russia for many years without knowing neither Russian language, nor any Russian culture, history, traditions or models of social behavior.

Key words: migration, integration, adaptation of migrants, ethnic identity, civic identity, ethno-cultural variety

Рост интенсивности миграционных процессов в конце XX – начале XXI столетия, усиление этносоциальной дифференциации в России постсоветского периода стали причинами определенного обострения межэтнических отношений. В экспертном сообществе не прекращаются дискуссии о проблеме этнической и гражданской идентификации жителей Российской Федерации. Эти дискуссии тем более важны в условиях глобализации мира и повышения интенсивности культурно-социальных процессов, которые угрожают потере идентичности, утрате уникальности отдельных народов и обществ.

К примеру, активно развивающийся и успешный московский мегаполис за последние два десятилетия привлек более двух миллионов новых жителей, многие из которых родились в других регионах России и зарубежных странах [1]. Значителен и фактор временной экономической миграции, участниками которой, как правило, становятся выходцы из граничащих с Россией государств, где образование на русском языке

перестало быть нормой и частью государственной политики. Следствием этого стали низкий уровень владения русским языком и отсутствие у приезжающих в Россию представлений о принятых в нашей стране нормах общения, российской культуре, этикете и законодательстве. Похожая ситуация складывается и в ряде других регионов и городов Российской Федерации – от Приморского края до Калининградской области. Да и в целом нельзя не отметить, что процессы, связанные с ростом числа иноэтничных иммигрантов, происходят не только в нашей стране, но и во многих европейских государствах, во всем мире.

Смешение людей, представляющих разные страны и культуры, повлекло за собой как большие возможности, так и серьезные проблемы, особенно в отношении социального единства общества. Во многих странах граждане выражают озабоченность, как правомерную, так и необоснованную, по поводу прибытия людей из других стран и культур. Одновременно увеличение доли инокультурного населения заставляет коренное большинство все чаще задумываться о собственной идентичности, приводит к росту этнического самосознания.

К сожалению, до сих пор не утверждена новая концепция миграционной политики Российской Федерации, проект которой активно обсуждался в экспертных и правительственных кругах на протяжении последних двух лет. В этом документе достаточно четко изложены задачи адаптации и интеграции международных мигрантов, число которых постоянно растет. Пока не решен вопрос (хотя первые шаги и сделаны Управлением содействия интеграции ФМС России) организации целевого обу-

чения трудовых мигрантов государственному языку. Нет законодательства, регулирующего необходимость минимального уровня владения русским языком для людей этой категории, демонстрации иммигрантами готовности к интеграции и соблюдению принятых норм поведения. Это отличает Россию от ряда европейских стран, где при рассмотрении вопроса о предоставлении вида на жительство и разрешения на долгосрочную трудовую деятельность иммигрант должен продемонстрировать знание не только государственного языка, но и основ культуры, истории, законодательства, этикета и норм поведения в данном обществе (наиболее яркие примеры – Голландия, Франция, Австрия, Испания). Правительства многих европейских государств также выдвинули требование к работодателям, привлекающим иностранных работников, обеспечить базовый уровень обучения государственному языку [2, 15].

Представляется, что нужно четко сформулировать на федеральном и региональном уровнях цели и задачи российской миграционной политики. Ее обязательной составляющей должны стать программы интеграции этнических иммигрантов в российское общество. Под интеграцией автор в данном случае понимает процесс формирования из иммигрантов и принимающих их жителей страны (города, поселения) единого сплоченного сообщества. Результатом успешной интеграции становится полноценное участие иммигранта в экономической, социальной, культурной и политической жизни общества.

Важно, что миграционный фактор становится одним из определяющих в процессе формирования идентичности современного рос-

сийского населения. Именно при контактах с вновь прибывающим населением – будь то мигранты из зарубежных стран или выходцы из так называемых «национальных республик» России – принимающее мигрантов «коренное» население (даже если оно может считаться таковым только во втором поколении) формирует свое отношение к представителям других этносов и культур. На данном этапе важно, чтобы поиск идентичности и осознание себя в новой этнокультурной и этносоциальной реальности происходили не в русле ксенофобии и националистического дискурса, а сопровождалась ростом гражданского самосознания, желанием выработать и принять на уровне гражданского общества и государственной политики нормы совместного жительствова в целях дальнейшего укрепления и развития страны.

Требует осознания и признания тот факт, что интенсивные миграционные процессы – реалии нынешнего времени, следствие глобализации мира, и эти новые реалии нельзя отрицать или не принимать во внимание. Интеграция – двусторонний процесс, который, безусловно, предполагает готовность прибывающих иммигрантов принимать нормы и традиции принимающего их общества. В свою очередь, принимающее общество должно быть готово к адаптации и учету фактора иноэтничности иммигрантов. Решающую роль здесь играет государственная политика – принятие мер по адаптации и интеграции мигрантов, содействие формированию единой российской нации при сохранении этнического и культурного многообразия.

По мнению автора, для решения задачи формирования единой российской нации и российской

гражданской идентичности необходимо, чтобы все жители России осознавали и принимали две следующие идеи. Во-первых: Россия внесла огромный вклад в мировую историю, культуру, в целом – в современную цивилизацию. Во-вторых: сила и уникальность российского государства и общества на протяжении многих лет заключалась как раз в его этническом и культурном многообразии, в традиции мирного сожительства и совместного развития разных народов, народностей, этносов и этнических групп.

Важную роль в решении поставленной выше задачи по формированию российской идентичности должна играть просветительская деятельность в российском обществе, а также образование как один из важнейших инструментов социализации личности и воспитания молодежи. Однако российская государственная система образования, даже с учетом принятых недавно новых стандартов начального и общего среднего образования, не обладает в полной мере ресурсами для решения задачи воспитания патриотизма и формирования гражданской идентичности у молодых жителей нашей страны. Несмотря на большой объем знаний по истории, географии, культуре России, предусмотренный образовательными стандартами, у ребенка, как показывает практика, не формируется целостное представление о том, насколько велика роль российского государства и общества в мировом историческом и цивилизационном процессе.

Конечно, отчасти эта ситуация вызвана отсутствием достаточных знаний по вышеуказанной теме у педагогов. Для решения этой проблемы кафедрой ЮНЕСКО Московского института открытого об-

разования, в частности, разработан экспериментальный учебный курс повышения квалификации «Россия в мире», цель которого – показать уникальность культурно-исторического пути России, вклад нашей страны в развитие мировой экономики, политики, культуры, научно-технического прогресса. Именно такая постановка вопроса может помочь формированию у населения России сильной общегражданской идентичности («я – россиянин, житель России, гражданин России»), в дополнение к не менее важной этнической идентичности («я – представитель того или иного этноса, народа»). Именно прочное сочетание гражданской и этнической идентичности позволит укрепить многонациональное российское общество.

Современные дети, как и большинство взрослых, плохо знакомы с этнокультурным многообразием России и мира, не знают и не осознают, например, что многонациональность нашей страны – неотъемлемый фактор ее развития на протяжении тысячелетия, а не следствие лишь миграционных процессов последних десятилетий. Элементов этнологических знаний и основ межкультурной коммуникации очень мало в современных образовательных программах. А ведь именно невежество формирует благодатную почву для появления и роста негативных этнических стереотипов, а иногда и фобий. Поэтому столь важно просвещение в вопросах этнического и культурного разнообразия современного мира, особенно в молодежной среде.

Установка на межкультурный диалог, признание фактора этнокультурного многообразия должны быть неотъемлемыми составляющими, основами гражданской идентичности жителей многонациональ-

ной России. При этом важно понимать, что формирование гражданского сознания, гражданской идентичности должно затрагивать не только лиц, имеющих российское гражданство. В ряде стран Европы в последнее десятилетие в оборот все чаще вводится расширительное толкование понятия «гражданская идентичность» (в английском языке это звучит как *civic citizenship*) [3]. Это понятие распространяется на всех жителей страны, вне зависимости от того, являются они в настоящее время официальными гражданами государства или нет. Такой инновационный подход предполагает повышенное внимание к правам и обязанностям мигрантов и общества: чем больше доступа к правам имеет человек, чем больше обязанностей принимает на себя, тем выше уровень его «гражданственности».

В заключение остановимся на нескольких основных выводах.

Первое: задача формирования гражданской идентичности жителей России требует четкого формулирования базисных ценностей и задач развития многонационального российского общества и государства в законодательных документах, включая концепцию национальной политики и концепцию миграционной политики Российской Федерации.

Второе: установка на принятие этнокультурного разнообразия и межкультурный диалог должны стать неременной частью российской идентичности, поскольку наше государство традиционно развивалось как многонациональное общество. Одновременно необходимо делать акцент на формировании у людей понимания значимости вклада России в мировую историю и культуру.

Третье: программы формирования российской идентичности дол-

жны стать частью интеграционных программ, направленных на включение международных мигрантов, которые проживают и работают на территории нашей страны, в российское общество. Понятие «гражданская идентичность» должно толковаться расширительно и распространяться на всех жителей страны, вне зависимости от наличия у них в настоящее время гражданства Российской Федерации.

Четвертое: государство должно внимательно относиться к полезным общественным инициативам и по возможности делегировать часть своих обязанностей, в том числе в рамках проектов по формированию российской идентичности и культуры межнацио-

нального общения, организациям гражданского общества.

Ссылки:

1. См. официальную статистику на сайте Федеральной миграционной службы РФ www.fms.gov.ru
2. *Papademetriou, Jeanne Batalova, and Will Somerville. Using Points Systems to Select and Integrate Migrants. / The Migration Policy Puzzle: Sharing Responsibilities for Managing Immigration and Integration. Athens, IMEPO: 2009.*
3. European Policy Centre. 2005. *Beyond the Common Basic Principles on IntegrationL the Next Steps. EPC Issue Paper 27 April. Available at*<http://www.theepc.be>.

Три поколения в семьях иммигрантов: Россия и Западная Европа

Синельников А.Б.

Статья основана на анализе опубликованной в открытом доступе в Интернете базы данных международного Европейского социального исследования, которое проводилось во многих странах, включая и Российская Федерация. Автор пришел к выводу о том, что в Западной Европе иммигранты из мусульманских стран испытывают значительные трудности с интеграцией. Даже их дети и внуки чувствуют дискриминацию по отношению к себе не реже, чем сами иммигранты. В России же эти проблемы существуют только для первого поколения иммигрантов.

Ключевые слова: иммиграция, интеграция, дискриминация, семья, поколения, религия

Sinelnikov AB.
Three generations in immigrants' families: Russia and Western Europe

The article is based on Internet free database of international European Social Survey (about many countries including Russian Federation). The author make a conclusion: there are serious problem of Moslem immigrants' integration in Western Europe. Their children and grandchildren feel discrimination not less than immigrants themselves. In Russia problem of integration is actual only for the first immigrants' generation.

Key words: immigration, integration, discrimination, family, generation, religion

В наше время Западная Европа заселяется иммигрантами из государств, еще недавно бывших колониями или полуколониями европейских держав, а Россия – выходцами из бывших союзных республик азиатской части СССР. Многие люди считают это новым Великим переселением народов. У такой исторической параллели есть основания. Для коренных народов западноевропейских стран, так же, как и для позднеантичного Рима характерны социально одобряемые однополые связи, частые произвольные разводы, массовые отказы от вступления в законный брак и от рождения хотя бы одного ребенка, а также другие негативные формы семейно-демографического поведения.

В России кризис семьи пока что зашел не так далеко, как в Западной Европе: гомосексуализм и добровольная бездетность еще не приобрели большой популярности, но проблемы с рождаемостью и прочностью браков не менее остры, чем в странах ЕС. За последние 20 лет (1992-2011) естественная убыль населения России (разница между числом родившихся

и умерших) составила более 13 миллионов человек [2]. Это сопоставимо с потерями в Великой Отечественной войне, если иметь в виду потери населения Российской Федерации, а не всего СССР. Примерно половина этих потерь была «компенсирована» миграцией, но такая «компенсация» фактически означает замену коренного населения пришлым. По мнению Е.М. Андреева и А.Г. Вишневого «...при стабилизационной стратегии во второй половине XXI века мигранты и их потомки с высокой степенью вероятности могут превзойти половину населения России» [3]. Данная стратегия – это прием такого числа иммигрантов, которое необходимо для полной компенсации естественной убыли населения и, соответственно, стабилизации его численности при условии, что рождаемость не будет повышаться.

В странах Западной Европы, которые из-за высокого жизненного уровня, более притягательны для иммигрантов, чем Россия, замена коренного населения пришлым происходит еще быстрее, чем у нас. Люди с либеральными политическими взглядами не видят в этом ничего плохого. Они до сих пор верят в теорию «плавильного котла», согласно которой, иммигранты, и, тем более, их дети и внуки рано или поздно непременно интегрируются в странах, где живут, и сольются (путем смешанных браков) с коренным населением. Эта теория основана на опыте иммиграции из одних европейских стран (и из России) в другие европейские странах, а также в Америку.

Но в наше время в страны европейской культуры прибывают главным образом выходцы из Азии и Африки. Применительно к ним теория плавильного котла явно не

адекватна. На смену ей пришла теория мультикультурализма, согласно которой иммигранты могут не ассимилироваться и не утрачивать свою этнокультурную идентичность. Но жизнь показала, что сосуществование разных культур и цивилизаций далеко не всегда является мирным и толерантным. Многие иммигранты отказываются не только ассимилироваться, но и просто интегрироваться в принявшее их общество. Они живут в отдельных кварталах, плохо знают язык страны, сохраняют тот же уклад жизни, что и на прежней родине. Например, весьма часты случаи принуждения дочерей к браку, хотя это законодательно запрещено не только в европейских [4], но и в некоторых мусульманских странах [5]. Создаются шариатские суды для разбора тяжб между мусульманами, что вызывает возражения местных властей против параллельной судебной системы, которая руководствуется законами, отличными от действующих в стране [6]. В Англии, Франции, Бельгии, Нидерландах и других европейских странах, представители коренного населения при первой возможности покидают гетто, созданные иммигрантами.

Школы, находящиеся в этих районах, превращаются в школы для детей иммигрантов, которые составляют там подавляющее большинство учеников. Качество образования во многих таких школах столь низкое, что их выпускники практически не в состоянии поступить в колледжи и университеты, и поэтому могут устроиться только на низко квалифицированную работу. Многие вообще не работают и живут только на социальные пособия, которые привлекают в Западную Европу гораздо больше иммигрантов, чем возможность найти работу.

В России такой развитой системы социальной помощи пока что нет. Поэтому в страну приезжают главным образом трудовые иммигранты, а не социальные иждивенцы. Для нашей страны не характерны иммигрантские гетто, которых так много в западноевропейских государствах. В этом отношении ситуация у нас лучше, чем на Западе. Однако, как в России, так и в Западной Европе в отношениях между коренным и пришлым населением существует напряженность, сопровождаемая эксцессами с обеих сторон. Во многих европейских странах есть националистические партии (например, Национальный фронт во Франции), целью которых является резкое ограничение легальной иммиграции и высылка незаконно прибывших иммигрантов. Российский аналог этих партий – движение против нелегальной иммиграции.

Об этом пишут многие авторы. Но мало кто из них в качестве аргументов ссылается на данные социологических исследований, с помощью которых можно рассмотреть ситуацию более детально и конкретно. Особенно интересны данные Европейского социального исследования (European Social Survey – ESS). ESS – это академический проект, целью которого является попытка описать и объяснить взаимосвязь между изменениями, которые сегодня происходят в социальных институтах Европы, и установками, верованиями и ценностями, а также поведением различных групп населения. Инфраструктура проекта финансируется Европейским научным фондом, а конкретная реализация обеспечивается научными фондами и институтами в каждой из стран-участниц. Россия приняла участие в исследовании

в 2006 г. (3 раунд проекта), в 2008 г. (4 раунд) и в 2010 г. (5 раунд). Общее число анкет в каждой стране за один раунд – от 1500 до 3000, в том числе в России – 2595 (5 раунд, 2010 г.). Анкеты заполнялись методом интервью со слов респондентов, которым зачитывались соответствующие вопросы.

Подробная информация об этом исследовании на английском языке есть на сайте: www.europeansocialsurvey.org. На территории Российской Федерации исследование проводилось Институтом сравнительных социальных исследований (www.cessi.ru). С анкетой на русском языке можно познакомиться на сайте www.ess-ru.ru. Координатор проекта от российской стороны – А.В. Андрееenkova. База данных ESS на английском языке есть в открытом доступе на сайте: <http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview> с возможностью построения таблиц в программе SPSS в режиме он-лайн даже если на компьютере пользователя этой программы нет – она есть на самом сайте.

Анкета ESS содержит вопросы о том, в какой стране родился сам респондент, а также его отец и мать, сколько лет он живет в стране своего нынешнего пребывания и т.д. В анкете есть вопросы и о том, следует ли допускать в страну иммигрантов и каких именно. Данные ESS показывают, что далеко не все население согласно принимать даже тех иммигрантов, которые принадлежат к той же национальности, что и большинство жителей страны. В частности, лишь 38% российских респондентов считают, что следует допускать в Россию много русских из других государств.

Правда, по данному показателю Россия уступает, причем лишь на 1% только Швеции, где 39%

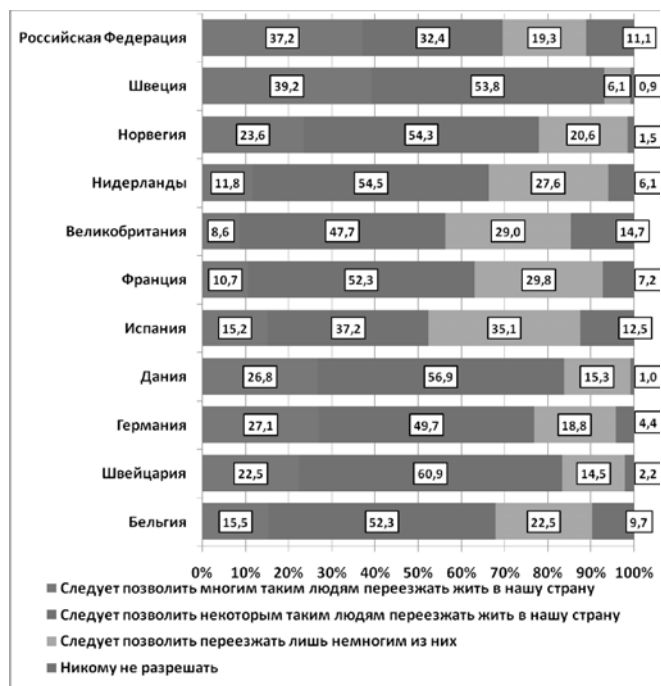

Рис. 1. Ответы на вопрос: «Следует ли позволить людям той же расы или национальности, что и большинство населения нашего государства, переезжать жить в нашу страну?». Рассчитано по базе данных ESS-2010.

респондентов считают, что страна должна быть открыта для многих шведов, желающих вернуться на родину (интересно, откуда?). Но разница между Россией и Швецией очень мала и, с учетом численности опрошенных, не значима, то есть, находится в рамках статистической погрешности данных выборочного исследования.

Жители других девяти европейских стран, в которых много иммигрантов из Азии и Африки, гораздо реже, чем россияне, соглашаются принимать даже своих соотечественников, если их окажется много. В Германии соответствующий показатель составляет 29% (речь идет главным образом об отношении к репатриации российских немцев на родину своих предков). Еще реже англичане соглашаются принимать значитель-

ное количество англичан (11%), а французы – большие массы французов (12%).

Примечание: данные на рис. 1-3 и 5-7 относятся к России и 10 другим странам, в которых проживает наибольшее число иммигрантов из неевропейских стран. Показатели рассчитаны по отношению к числу респондентов, которые сами родились в стране, где живут, и у кого оба родителя также ее уроженцы.

32% россиян полагают, что следует принимать лишь некоторых русских репатриантов, 19% считают, что ворота

страны должны быть открыты только для немногих соотечественников, а 11% полагают, что нельзя принимать никого из них. Для сравнения можно указать, что 13% англичан и 12% испанцев не желают пускать к себе на родину никого из иммигрантов или репатриантов своей национальности. В других европейских странах эти показатели ниже, чем в России.

Неприязнь к иммигрантам не всегда связана с расовыми, национальными (этническими), языковыми или религиозными различиями. Многие люди считают, что иммигранты и даже внутренние мигранты, то есть выходцы из других регионов той же страны, угрожают их благополучию. Для того чтобы уехать в другой город, и, тем более, в другую страну, надо быть готовым надолго рас-

статься с родителями, друзьями и родственниками, жить среди чужих людей, начинать жизнь «с нуля», не гнушаться тяжелой и не престижной работы, от которой отказываются местные жители, а также смириться с негативным отношением к себе, как к «чужаку». Беженцем, который спасается от войны, может стать любой, мигрантом – далеко не каждый. Люди, с «оседлым» складом характера, не склонные к переездам, часто не любят психологически чуждых им мигрантов-«кочевников».

Те из мигрантов, особенно молодых, которые приехали на новое место без семьи, или вообще не имеют ее, оказываются вне социального контроля со стороны супругов, родителей и родственников. Нередко бесконтрольность поведения приводит к пьянству, наркомании, беспорядочным половым связям. В большинстве случаев мигранты, особенно сразу после приезда, имеют низкий социальный статус, но не все из них готовы с этим мириться. По местным понятиям, они зарабатывают немного, хотя и заметно больше, чем там, откуда приехали. К тому же боль-

шую часть заработков приходится отсылать семьям, оставшимся на родине. А жить хочется не хуже, чем живут местные уроженцы. Стремление как можно скорее сравняться с коренными жителями, а то и превзойти их по уровню благосостояния толкает не-

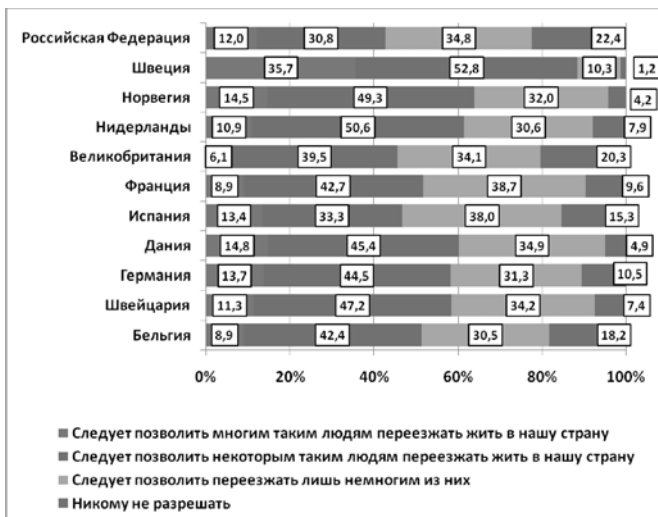

Рис. 2. Ответы на вопрос: «А как насчет людей, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения?». Рассчитано по базе данных ESS-2010.

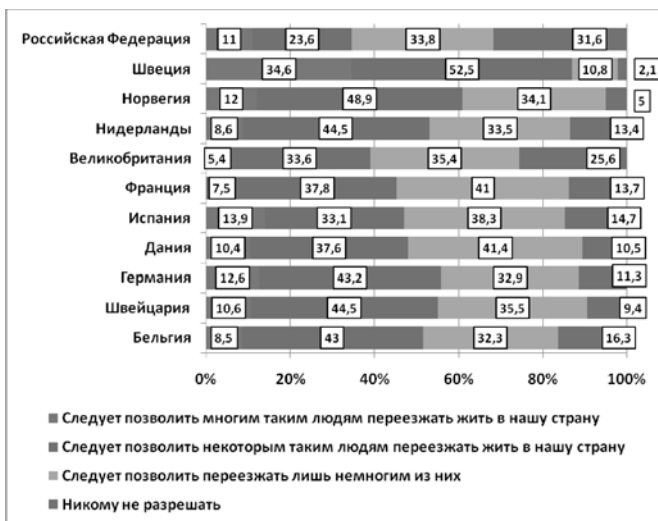

Рис. 3. Ответы на вопрос: «А если говорить о людях из более бедных стран за пределами Европы?». Рассчитано по базе данных ESS-2010.

которых мигрантов к воровству, грабежам, торговле наркотиками. Правда, уровень преступности среди мигрантов не всегда выше, чем среди местного населения, но оно (нередко с подачи СМИ) обращает на преступления мигрантов больше внимания, чем на такие же преступления коренных жителей.

Некоторые из приехавших женщин, чтобы быстрее заработать большие деньги, занимаются проституцией. В своих родных городах и деревнях они не могли бы так поступать: там есть социальный контроль со стороны семьи и соседей, и нет анонимности жизни в чужом большом городе. Не случайно представительницы этой древней профессии говорят своей коллеге - героине фильма «Интердевочка»: «Ты одна среди нас коренная ленинградка».

С точки зрения немалой части коренного населения, из-за мигрантов растет конкуренция на рынке труда, что понижает уровень его оплаты и повышает уровень безработицы. Наплыв мигрантов увеличивает спрос на жилье. Из-за этого и для местных жителей, которые хотят жить отдельно от родителей, снять квартиру становится труднее и обходится дороже. Поэтому уже в советское время коренные москвичи недолюбливали «лимитчиков» [7].

Обращая внимание на минусы миграции, местные жители не замечают, что мигранты делают за них всю «черную» работу: строят дома, асфальтируют дороги, подметают дворы, и т.д. Многие из них забывают и о том, что когда-то сами были мигрантами или родились в семьях мигрантов. Все эти проблемы обостряются, если мигранты отличаются от основной массы местного населения по расе, национальности, языку и (или) религии.

В России число людей, готовых принять многих иммигрантов других рас и национальностей, составляет лишь 13%, что в три раза меньше числа тех, которые согласны на таких же условиях принять русских иммигрантов и и репатриантов (38%). В то же время 22% считают, что иммигрантов других рас и национальностей вообще не следует принимать. Этот самый высокий показатель из 11 стран.

Лишь 12% российских респондентов согласны на массовый въезд в свою страну иммигрантов из бедных неевропейских стран, 24% считают, что можно принять лишь некоторых из них, 34% — что число этих людей должно быть незначительным, а 32% вообще не хотят допускать в Россию никого из этой категории иммигрантов [8]. Последний показатель является самым высоким среди 11 европейских стран, в которых проживают большие массы инкокультурных иммигрантов. Негативное отношение россиян к иммиграции подтверждается и данными опроса ВЦИОМ (Всероссийского центра изучения общественного мнения), проведенного в 2009 г. (1600 респондентов).

По данным опроса ВЦИОМ лишь 8% респондентов считают, что «запреты на иммиграцию следует отменить, чтобы любой желающий человек мог приехать жить в Россию». Это лишь на 4% меньше, чем по данным Европейского социального исследования, согласно которым 12% россиян согласны на прибытие в свою страну многих людей из самой нежелательной категории иммигрантов, то есть, выходцев из бедных неевропейских стран. Разница объяснима: принять многих не значит принять всех желающих.

Еще 12% полагают, что «следует смягчить иммиграционное

законодательство, и прежде всего процедуру регистрации приезжающих в Россию иммигрантов». 26% участников этого опроса убеждены в том, что «законы об иммиграции следует оставить такими, как они есть сейчас». По мнению 29% респондентов «законы об иммиграции следует ужесточить», а 10% полагают, что «иммиграцию, въезд в Россию на постоянное жительство иностранцев следует запретить полностью».

Последний показатель очень близок к данным Европейского социального исследования, согласно которым 11% россиян считают, что въезд в Россию на постоянное место жительства должен быть запрещен даже для русских жителей других государств. Это лишь на 1% отличается от данных ВЦИОМ: различие не выходит за рамки статистической погрешности.

Доля респондентов, которые считают, что ограничения на иммиграцию должны быть смягчены или вообще отменены (20%) в два раза меньше доли тех, кто считает, что эти ограничения должны быть ужесточены или что иммиграцию следует полностью запретить (39%). Чем же объясняется столь негативное отношение рос-

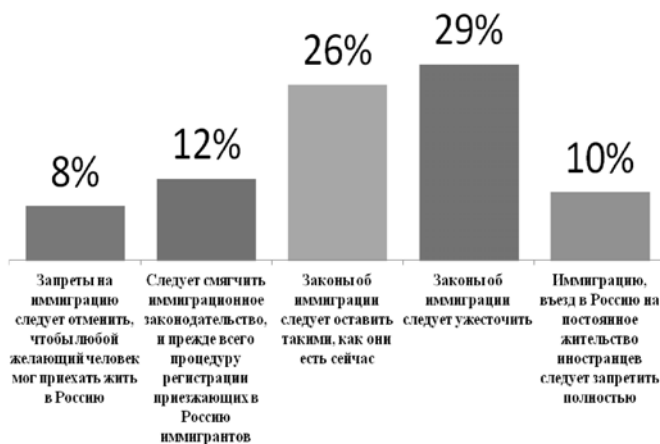

Рис. 4. Ответы на вопрос: «Какое из суждений о порядке иммиграции (въезда в страну) в Россию точнее отражает ваше мнение по этому вопросу?».

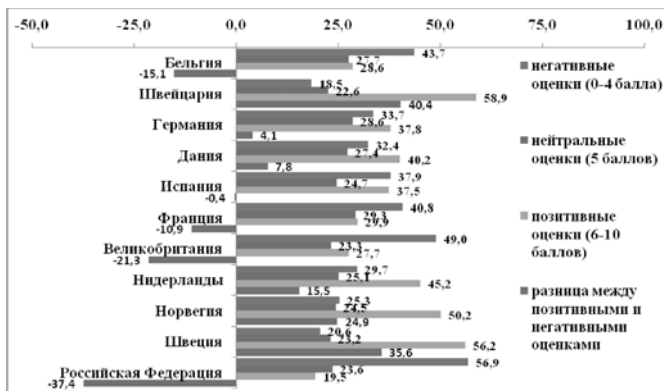

Рис. 5. Ответы на вопрос: «То, что люди из других стран переезжают жить в нашу страну, в целом хорошо или плохо сказывается на экономике нашей страны?» (в % к числу ответивших).

сиян и жителей других европейских стран к иммигрантам?

Данные опроса ВЦИОМ, проведенного в октябре 2009 г. <http://wciom.ru/>

В анкете ESS (вариант для России) есть вопросы:

«Как Вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в Россию, в целом хорошо или плохо сказывается на экономике России?»

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
 Плохо для экономики Хорошо для экономики

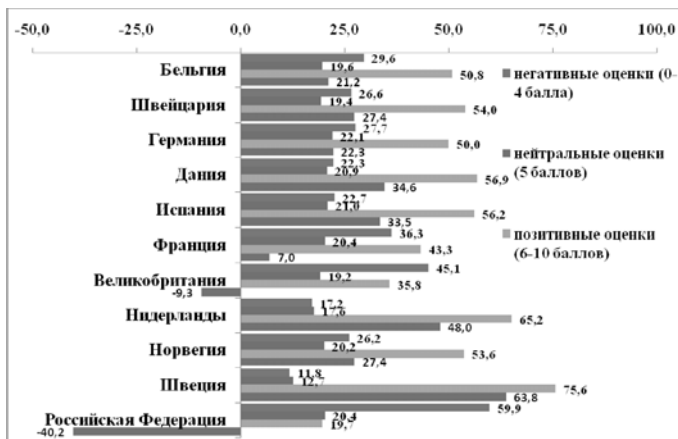

Рис. 6. Ответы на вопрос: «Приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру нашей страны?» (в % к числу ответивших).

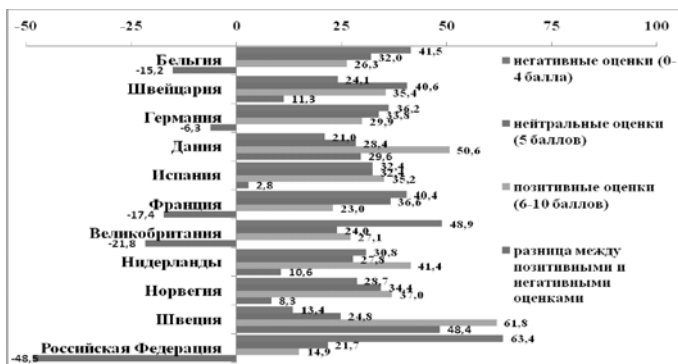
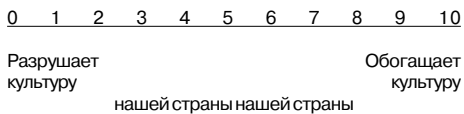
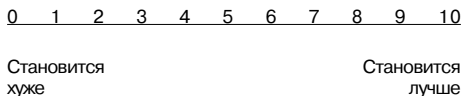

Рис. 7. Ответы на вопрос: «С притоком людей из других стран наша страна как место для жизни становится лучше или хуже?» (в % к числу ответивших)

«Как Вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру России?»

Как Вы считаете, с притоком людей из других стран Россия как место для жизни становится лучше или хуже?»

В вариантах анкеты для других стран указаны, соответственно, названия этих стран. В связи с самим характером таких вопросов, при обработке анкет в данном случае учитывались только мнения коренных жителей – уроженцев стран своего нынешнего проживания, у которых оба родителя также родились в этой стране. Варианты ответов от 0 до 4 баллов рассматривались как негативные оценки, 5 баллов (середина шкалы) – как нейтральная оценка, от 6 до 10 баллов как позитивные оценки. Основным показателем считалась разница между числом позитивных и негативных оценок. Если негативных оценок больше, чем позитивных, эта разница выражалась отрицательным числом и отображалась полоской левее вертикальной оси на графике.

Если негативных оценок больше, чем позитивных, эта разница выражалась отрицательным числом и отображалась полоской левее вертикальной оси на графике.

В России лишь 19,5% коренных жителей признают положительное влияние иммиграции на экономику страны: это меньше, чем в любой из 10 других европейских стран. Подавляющее большинство коренного населения нашей страны (56,9%) считает это влияние отрицательным: и по таким негативным оценкам мы оказываемся «впереди Европы всей».

Соответственно разница между негативными и позитивными оценками у нас выражается большой отрицательной величиной (-37,4%). Но и в некоторых других странах число негативных оценок превышает число позитивных оценок влияния миграции на экономику: в Великобритании – на 21,3%, в Бельгии – на 15,1%, во Франции – на 10,9%.

В данном случае мнения простых людей резко отличаются от мнений экспертов, которые, как правило, считают, что мигранты занимаются такими видами труда, от которых отказывается коренное население, но без которых экономика страны вообще не может существовать. Иначе обстоит вопрос с влиянием миграции на культуру страны.

В 9 из 10 европейских государств число коренных жителей, которые считают, что иммиграция скорее обогащает, чем разрушает культуру стран прибытия, превышает число тех, кто придерживается противоположной точки зрения. Только в Великобритании разница между числом позитивных и негативных оценок влияния иммиграции на культуру страны, выражается числом со знаком минус, но само это число невелико (-9,3%). В России же эта разница не только отрицательная, но и очень большая (-40,2%). Доля негативных оценок (59,9%) втрое превышает число позитивных (19,7%).

Иммиграция влияет не только на экономику и культуру, но и на многие другие стороны жизни. В качестве интегральной оценки отношения коренного населения к иммиграции в целом можно использовать ответы на вопрос:

«Как Вы считаете, с притоком людей из других стран Россия как место для жизни становится лучше или хуже?».

В нашей стране лишь 14,9% респондентов из числа коренных жителей в той или иной форме ответили на этот вопрос «лучше» (6-10 баллов), 21,7% отметили середину шкалы (5 баллов), что можно трактовать как нейтральные оценки, а 63,4% – «хуже» (0-4 балла). Разница между числом позитивных и негативных оценок выражается большим отрицательным числом (-48,5%).

В некоторых других европейских странах негативные оценки тоже преобладают над позитивными: в Великобритании на 21,8%, во Франции – на 17,4%, в Бельгии – на 15,2%, в Германии – на 6,3%. Однако эти различия заметно меньше, чем у нас.

Во всех европейских странах определенная, и нередко довольно значительная часть населения относится к приезду иммигрантов как к положительному явлению, однако в нашей стране такие «либералы» составляют лишь малую часть общества. В то же время доля противников иммиграции, особенно из бедных неевропейских стран, среди россиян заметно больше, чем среди жителей любого западноевропейского государства.

Данные ESS позволяют выяснить, в какой степени сами иммигранты чувствуют неприязнь к себе со стороны немалой части коренного населения. В анкете ESS есть вопросы о том, считает ли респондент, что принадлежит к группе населения, которая дискриминируется по тем иным основаниям.

С 24. Считаете ли Вы, что принадлежите к такой группе людей, которая испытывает в России дискриминацию, то есть предвзятое отношение, нарушение равных с другими прав?

(1) Да → ЗАДАЙТЕ ВОПРОС С25

(2) Нет → ПЕРЕХОДИТЕ К ВОПРОСУ С26

(8) Затрудняюсь ответить

С25. Что это за группа? По какому признаку эта группа дискриминируется?

УТОЧНИТЕ: К каким еще группам, испытывающим дискриминацию в России, Вы относитесь? /ОТМЕТЬТЕ ВСЕ, ЧТО НАЗОВЕТ РЕСПОНДЕНТ/

Цвет кожи или расовая принадлежность

Гражданство

Религия

Язык

Национальность

Возраст

Пол

Сексуальная ориентация

Физические недостатки, инвалидность

Другое /УТОЧНИТЕ, ЧТО ИМЕННО/

Отвечая на этот вопрос, респондент мог отметить одновременно несколько оснований для дискриминации. Иммигранты, их дети и внуки рассматривают себя как представителей дискриминируемой в стране группы, если отмечают хотя бы одно из пяти оснований (раса [цвет кожи], гражданство, религия, язык, национальность). Некоторые из них признают, что их самих не дискриминируют, но считают, что группа в целом дискриминируется.

В любой стране отношение к иммигрантам зависит от того, из какой страны они прибыли и можно ли считать их «инокультурными». Покажем это на примере польских и турецких иммигрантов в Германии.

Для получения более надежных показателей были суммированы данные 2-го, 3-го, 4-го и 5-го раундов ESS по Германии (в анкете 1-го раунда не было вопросов о том, в какой стране родились отец и мать респондента). С 2004 по 2010 гг. анкеты ESS заполнили 150 человек, которые родились в Польше, но на момент опроса жили в Германии. Из них считали себя представителями дискриминируемой группы только 13 респондентов (9%). Это – весьма низкий показатель. Среди 105 чело-

век, у которых отцы родились в Польше, но сами они появились на свет в Германии, лишь два респондента относили себя к дискриминируемым группам населения (2%).

С учетом величины данных показателей и групп респондентов, в % к численности которых они были рассчитаны, *t*-критерий Стьюдента, то есть, показатель достоверности различий между ними, равен 2,55. Это означает, что с гарантией на 99% можно быть уверенным в том, что дети польских иммигрантов в Германии дискриминируются реже, чем сами иммигранты.

Речь идет не об «отцах» и «детях» в буквальном смысле, а о первом и втором поколениях иммигрантов. В каждой семье опрашивался один из ее членов не моложе 15 лет. Термин «дети иммигрантов» означает, что респонденты уже не дети, но родились в этой стране в семьях иммигрантов.

Даже представители первого поколения иммигрантов подвергаются дискриминации довольно редко, вероятно, лишь в период изучения языка, получения гражданства и адаптации к условиям жизни на новом месте. Для их детей, которые родились и выросли в этой стране, проблемы адаптации уже не существует и они дискриминируются лишь в единичных случаях. Эта ситуация соответствует теории «плавильного котла», которая до сих пор вполне адекватна для иммигрантов из одних стран европейской христианской культуры в другие страны той же культуры.

В ином положении находятся турецкие иммигранты. Хотя Турция, в отличие от Польши, никогда не воевала с Германией, а турецкая иммиграция в эту страну началась еще в 1950-х годах,

турки, в отличие от поляков, до сих пор остаются в этой стране «инородным телом».

Среди 126 опрошенных турецких иммигрантов в Германии 30% считают себя дискриминируемой группой. Это – в три с лишним раза больше, чем у поляков. Однако важнее другое. Среди детей, чьи отцы – выходцы из Турции (81 человек), на дискриминацию жалуются 32%, то есть, даже несколько больше, чем представители первого поколения иммигрантов. Правда, разница между родителями и детьми очень мала (2%) и статистически не значима ($t = 0,3$). Гарантия достоверности различий составляет лишь 23%.

Отсюда следует вывод, что дети выходцев из Турции подвергаются в Германии дискриминации так же часто, как и их родители. Длительное проживание в Германии и даже рождение в этой стране и получение образования в немецких школах не ставит турок в равное положение с немцами. Причины дискриминации состоят не только в трудностях адаптации к новым условиям на первых порах жизни в стране, но и в культурно-религиозных различиях. А ведь Турция – самая ев-

ропейская из всех исламских стран. Она тесно связана с Европой по всей своей истории и долго добивалась приема в Евросоюз.

Среди проживающих во Франции выходцев из Алжира (111 рес-

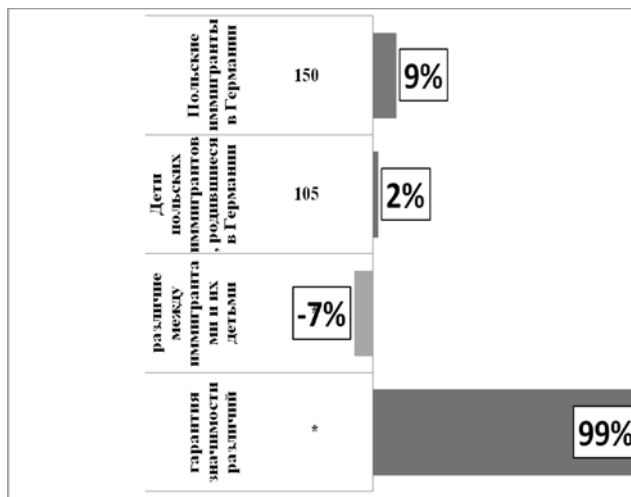

Рис. 8. Уровень дискриминации польских иммигрантов и их детей в Германии. Рассчитано по суммарным данным ESS 2004-2010 гг.

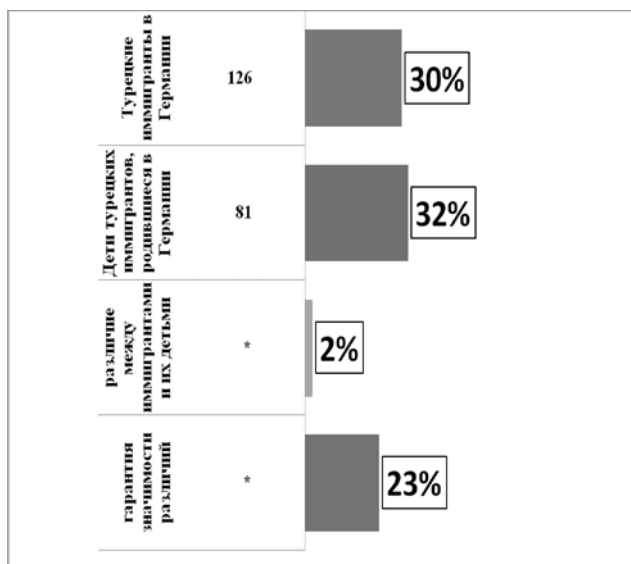

Рис. 9. Уровень дискриминации турецких иммигрантов и их детей в Германии. Рассчитано по суммарным данным ESS 2004-2010 гг.

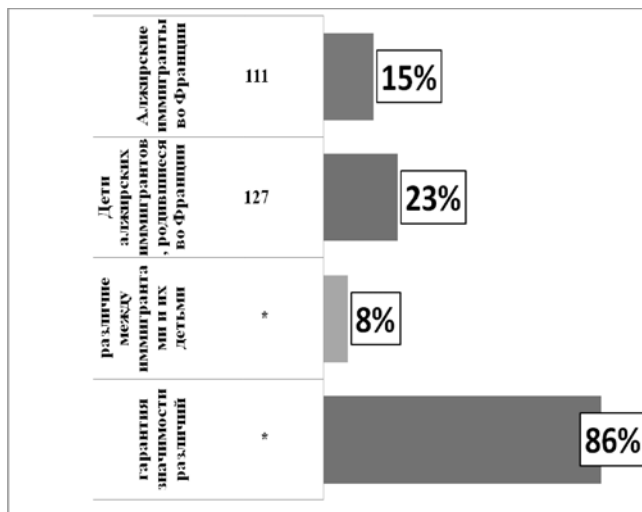

Рис. 10. Уровень дискриминации алжирских иммигрантов и их детей во Франции. Рассчитано по суммарным данным ESS 2004-2010 гг.

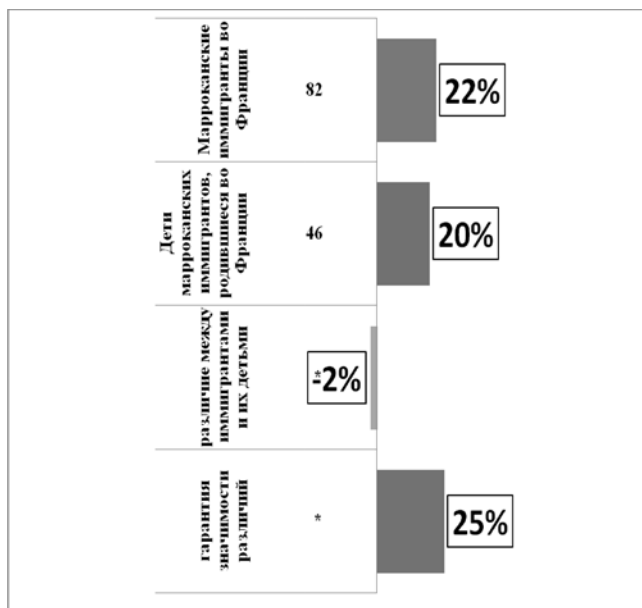

Рис. 11. Уровень дискриминации иммигрантов из Марокко и их детей во Франции. Рассчитано по суммарным данным ESS 2004-2010 гг.

пондентов) 15% считают, что принадлежат к дискриминируемой группе населения. Среди 127 респондентов, родившихся во Франции, отцы которых были уроженцами Алжира, данного мнения

гарантия достоверности различия составляет лишь 25%. Это означает, что отцы и дети дискриминируются одинаково часто.

В Великобритании среди респондентов-выходцев из Пакиста-

придерживаются уже 23%, то есть, в полтора раза больше. Различие между этими показателями составляет 8%.

Принято считать статистически значимыми различия при $t > 2$, что соответствует гарантии достоверности различий не менее, чем на 95%. В данном случае $t = 1,48$, что соответствует гарантии достоверности различий на 86%. Представляется, что такая гарантия достаточно высока и отражает реальную ситуацию: дети алжирских иммигрантов, которых во Франции очень много, сильнее ощущают дискриминацию, чем их родители, хотя, согласно теории «плавильного котла», ситуация должна быть противоположной.

Среди иммигрантов из Марокко считают себя дискриминируемой группой 22%, а среди их детей, родившихся во Франции эта цифра на 2% меньше и составляет 20%. Однако разница между этими двумя показателями невелика, $t = 0,32$, а

на считают себя дискриминируемой группой 19 %, а среди родившихся на британской земле детей иммигрантов – 36%, то есть, почти вдвое больше. Разница составляет 17%, при $t = 1,80$. Гарантия достоверности различия достигает 92%. Маловероятно, что такое большое различие носит случайный характер.

Сходное положение дел наблюдается и среди живущих в стране выходцев из Индии. 17% в первом поколении иммигрантов жалуются на дискриминацию своей группы, однако во втором поколении этот показатель достигает 27%. Различие между поколениями – 10%, критерий $t = 1,38$, гарантия достоверности различия составляет 83%, то есть, оно, скорее всего, не случайно.

В России, чтобы сформировать достаточно большие группы респондентов, пришлось объединить данные по выходцам из всей Азии (Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан), а также из Азербайджана. Всего их оказалось 104 человека, из которых 17 респондентов, то есть, 16%, считали себя дискриминируемой группой населения. Среди 24 человек, которые родились уже в

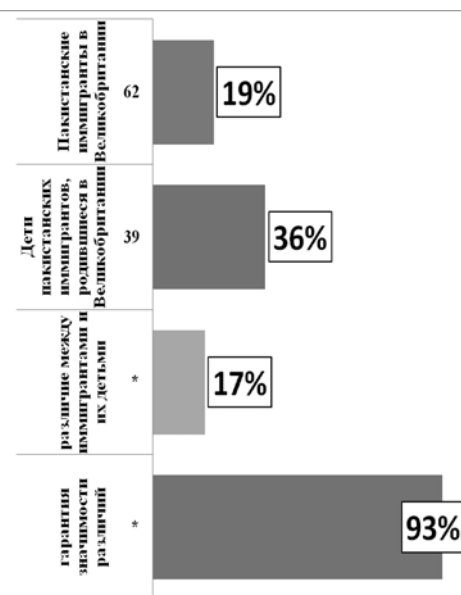

Рис. 12. Уровень дискриминации иммигрантов из Пакистана и их детей в Великобритании. Рассчитано по суммарным данным ESS 2004-2010 гг.

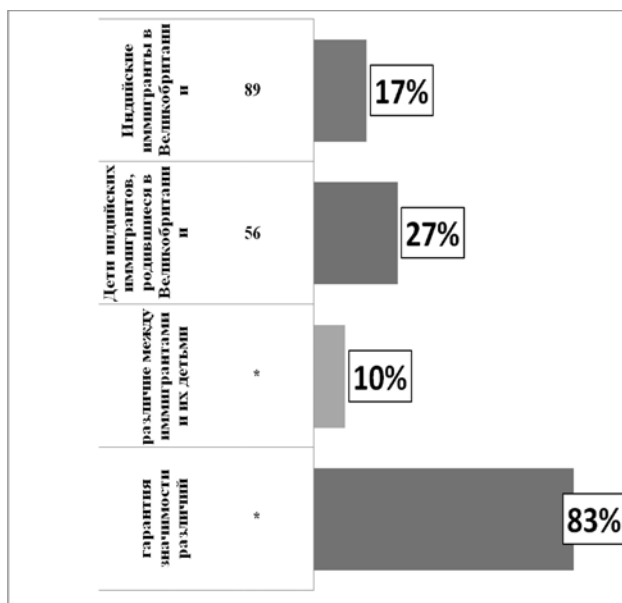

Рис. 13. Уровень дискриминации иммигрантов из Индии и их детей в Великобритании. Рассчитано по суммарным данным ESS 2004-2010 гг.

самой России, но чьи отцы были выходцами из этих стран, лишь один респондент (4%) относил себя

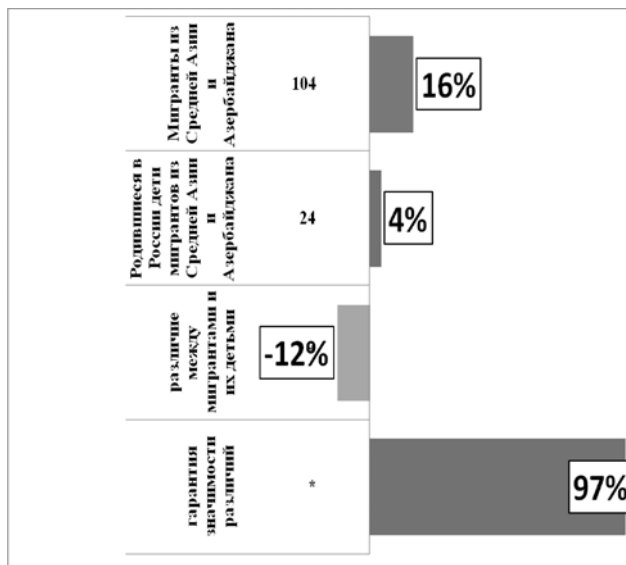

Рис. 14. Уровень дискриминации мигрантов из Средней Азии и Азербайджана и их детей в Российской Федерации. Рассчитано по суммарным данным ESS 2006-2010 гг.

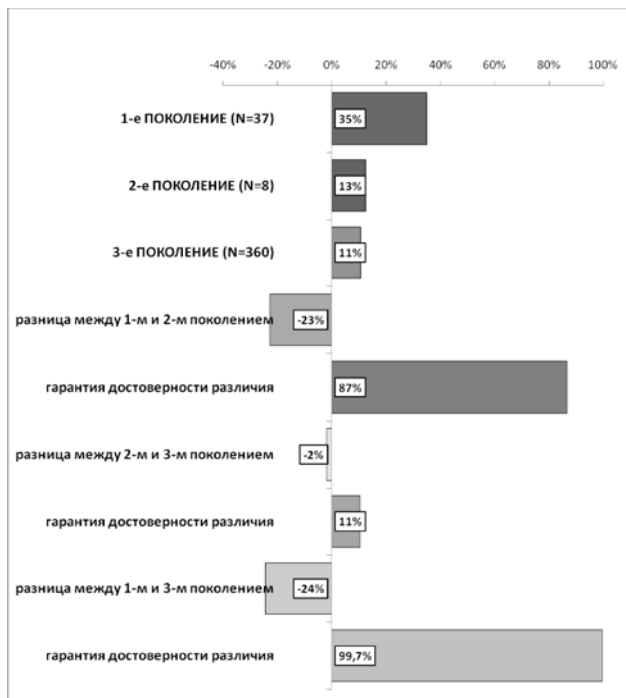

Рис. 15. Доля лиц, считающих себя дискриминируемой группой, среди трех поколений мусульман. Российская Федерация. Суммарные данные ESS за 2006, 2008 и 2010 гг.

к данной группе. Малое количество представителей второго поколения по сравнению с первым поколением может объясняться тем, что многие люди, приезжающие по торговым делам из Азербайджана, и особенно гастарбайтеры из Средней Азии, не берут с собой семьи. Если же они приезжают с женами и детьми, то эти дети родились не в России. Дети, которые родились на российской территории, как правило, еще не достигли 15 лет.

Различие показателей оказалось достаточно большим (-12%), то есть, дети мигрантов жалуются на дискриминацию в четыре раза реже, чем их родители. В данном случае термин «мигранты» более уместен, чем «иммигранты», потому что многие из них прибыли в Россию до распада СССР и не воспринимались коренным населением, как иностранцы. Критерий $t = 2,20$. Гарантия достоверности различия составляет 97%, что превышает общепринятый порог (95%) и убедительно показывает, что различие не случайно.

Хотя в данном случае речь идет о выходящих из мусульман-

ских регионов, их положение в России больше похоже на положение польских иммигрантов в Германии, чем на положение турецких иммигрантов в той же стране, алжирских и марокканских иммигрантов во Франции, индийских и пакистанских иммигрантов в Великобритании.

В России с дискриминацией сталкиваются только представители первого поколения мигрантов, а второе поколение испытывает ее на себе лишь в исключительных случаях. Правда, это относится к выходцам из стран «ближнего зарубежья». Среди респондентов ESS в России оказалось слишком мало китайцев, афганцев, африканцев и представителей других народов «дальнего зарубежья», чтобы можно было считать для них статистически значимые показатели.

Следует иметь в виду, что среди мигрантов из Азербайджана и Средней Азии много русских, а также других представителей русскоязычного населения, которым после распада СССР пришлось уехать в Россию. Отношение к этим мигрантам в России, да и в странах Западной Европы, более толерантное, чем к представителям неевропейских народов (см. выше, рис. 1, 2 и 3). Это показывают данные о первом, втором и третьем поколениях мусульман, живущих в тех или иных странах.

По суммарным данным 3-го, 4-го и 5-го раундов ESS из 37 респондентов-мусульман, которые родились за границей, считали себя дискриминируемой группой насе-

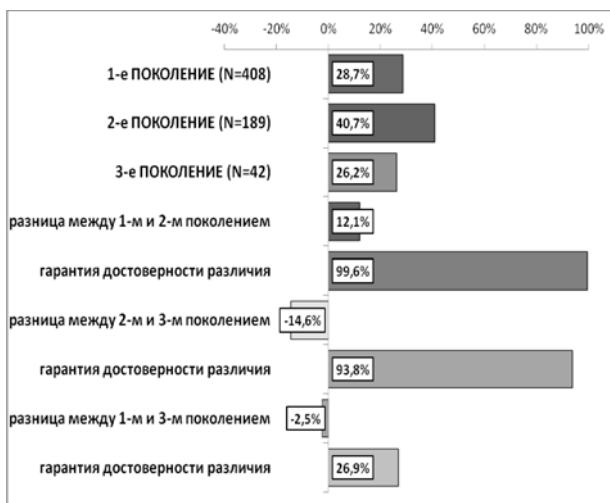

Рис. 16. Доля респондентов-мусульман, считающих себя дискриминируемой группой. Германия (2002, 2004, 2006, 2008 и 2010 г.г.) Франция (2002, 2006, 2008 и 2010 г.г.) и Великобритания (2002, 2008 и 2010 г.г.) суммарно. Рассчитано по базе данных ESS.

ления 13 человек, то есть, 35% от общего их числа. Среди родившихся в России мусульман, отцы которых не были уроженцами нашей страны (восемь человек), лишь один респондент относил себя к дискриминируемым группам населения (13%). Из 360 мусульман, которые являются коренными жителями России в третьем и последующих поколениях лишь 39 человек (11%) указали на дискриминацию своей группы.

Разница между первым и вторым поколением составляет 23%. Несмотря на малочисленность групп эта разница статистически достоверна с гарантией на 87%. Разница между первым и третьим поколением достигает 24%, а гарантия значимости этого различия — 99,7%.

В то же время разница между вторым и третьим поколениями ничтожна (2%) и статистически не значима. Отсюда можно сделать вывод, что в России дискриминацию чувствуют на себе только му-

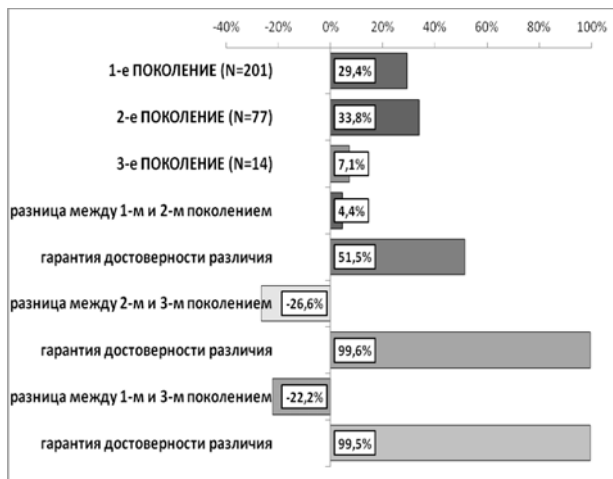

Рис. 17. Доля респондентов-мусульман, считающих себя дискриминируемой группой. Германия. Суммарные данные ESS за 2002, 2004, 2006, 2008 и 2010 гг.

сульмане-иммигранты, а их дети, родившиеся уже в нашей стране, оказываются в таком же положении, как и представители коренных мусульманских народов Российской Федерации, которые сталкиваются с негативным отношением к себе довольно редко. Правда, отношение к чеченцам отличается от отношения к татарам, но по данным ESS такой детальный анализ вряд ли возможен, да и сам этот вопрос относится к проблеме внутренней, а не внешней миграции, которой посвящена статья.

Иначе обстоит дело в крупнейших странах Западной Европы: Германии, Франции и Великобритании. Если суммировать данные по этим трем государствам, то картина будет выглядеть следующим образом.

В первом поколении мусульман-иммигрантов считают себя дискриминируемой группой 29%, во втором, среди их детей – 41%, то есть, на 12% больше. Гарантия достоверности этого различия чрезвычайно высока (99,6%). В третьем поколении, то есть, среди

внуков иммигрантов, число упоминаний в анкетах о дискриминации уменьшается на 15% и составляет «все-го лишь» 26%. Гарантия того, что это уменьшение не случайно и отражает реальную тенденцию, составляет 93,8%.

Тем не менее, уровень дискриминации для третьего поколения лишь на 3% ниже, чем для первого. Это небольшое различие не является статистически значимым. Третье поколение иммигрантов находится в лучшем

положении по сравнению со вторым (то есть, с отцами), но не в лучшем, а в примерно одинаковом положении по сравнению с первым поколением иммигрантов, то есть, со своими дедами. Это не соответствует теории «плавильного котла».

Поскольку для ответов на вопросы анкеты ESS требуется достаточно хорошо знать язык страны проживания, эти данные могут преуменьшать уровень дискриминации иммигрантов. Тем не менее, они показывают, что этот уровень достаточно высок, а дети и даже внуки иммигрантов сталкиваются с дискриминацией не реже, чем их родители.

Во всех этих трех странах, вместе взятых, численность респондентов-мусульман третьего поколения невелика (42 человека). Это значительно меньше, по сравнению со вторым (189 человек) и особенно с первым поколением (408 человек). Надо иметь в виду, что опросу подлежали лишь те потомки иммигрантов, кому было не менее 15 лет. Кроме того, есть ос-

нования полагать, что далеко не все дети и, тем более, не все внуки иммигрантов являются мусульманами, особенно если они происходят от смешанных браков. Этот вопрос будет рассмотрен ниже (см. рис. 20, 21, 22, 23 и 24).

Данные по Великобритании, Франции и Германии суммированы, чтобы получить статистически более надежные показатели. Однако ситуация в каждой из этих стран специфична и ее следует рассматривать отдельно.

В Германии уровень дискриминации для первого поколения мусульман-иммигрантов составляет 29%, для второго несколько больше – 34%. Но разница между поколениями невелика и статистически не значима. Дети иммигрантов дискриминируются примерно в такой же степени, как и сами иммигранты. Однако для третьего поколения, то есть, для внуков иммигрантов, уровень дискриминации равен лишь 7%. Это на 27% меньше, чем во втором поколении (отцы) и на 22% ниже, чем в первом поколении (деды). Гарантия достоверности различий в обоих случаях превышает 99%.

Дети мусульман-иммигрантов в Германии встречают негативное отношение к себе со стороны ко-

ренного населения примерно столь же часто, как и их родители, но внуки, оставаясь мусульманами, сами почти всегда превращаются в коренных жителей. Они сталкиваются с дискриминацией в Гер-

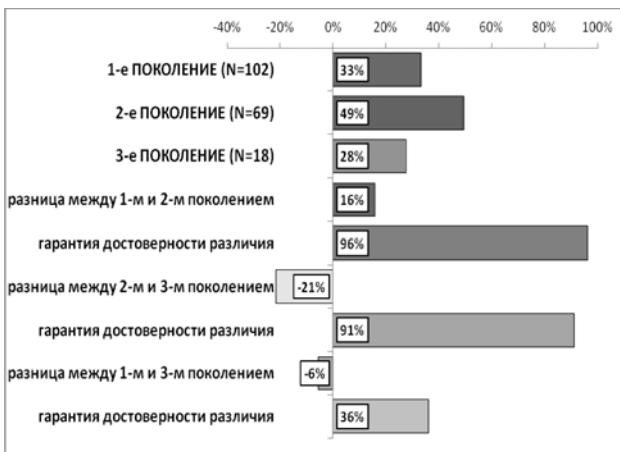

Рис. 18. Доля респондентов-мусульман, считающих себя дискриминируемой группой. Франция. Данные ESS за 2002, 2006, 2008 и 2010 гг.

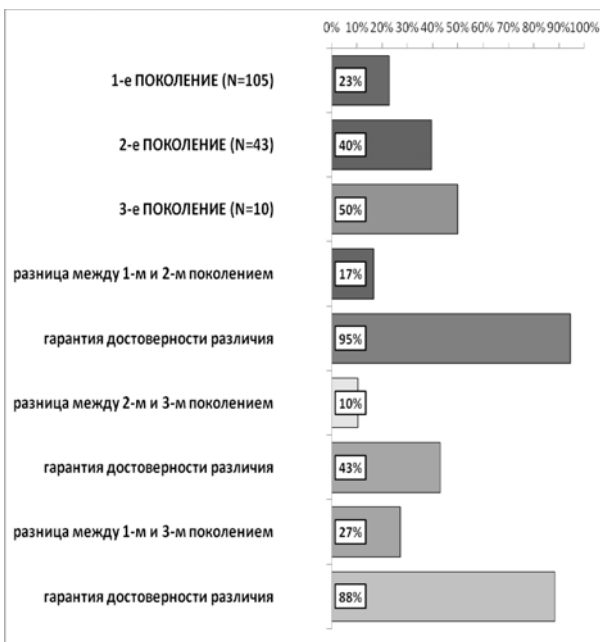

Рис. 19. Доля респондентов-мусульман, считающих себя дискриминируемой группой. Великобритания. Суммарные данные ESS за 2002, 2008 и 2010 гг.

мании не чаще, чем представители коренных мусульманских народов России – в своей стране.

Иная картина наблюдается во Франции. В первом поколении живущих в этой стране мусульман каждый третий (33%) считает себя представителем дискриминируемой группы населения. Во втором поколении этого мнения придерживается уже каждый второй (49%). Разница между поколениями достигает 16%. С гарантией на 96% можно быть уверенным в том, что такое различие отражает реальную ситуацию: дети иммигрантов ощущают дискриминацию чаще, чем сами иммигранты.

Среди третьего поколения французских мусульман всего лишь 28%, то есть, немногим более четверти, продолжают считать себя дискриминируемой группой населения. Это на 21% меньше, чем во втором поколении, причем статистическая гарантия достоверности такого различия достигает 91%. Но если сравнивать третье поколение с первым (то есть, внуков с дедами), то разница между ними невелика и статистически не значима.

Среди британских мусульман, родившихся в других странах, 23% считают себя дискриминируемой группой населения, а среди второго поколения мусульман – уроженцев самой Великобритании, такое мнение разделяют уже 40%, то есть, в 1,7 раза больше. С гарантией почти на 95% можно утверждать, что различие между первым и вторым поколениями не является случайным: дети жалуются на дискриминацию чаще, чем родители.

В третьем поколении британских мусульман уровень дискриминации достигает уже 50%, что более, чем вдвое, превышает аналогичный показатель для первого

поколения. Значимость этого различия гарантирована на 88%.

В то же время, хотя показатель для третьего поколения на 10% выше, чем для второго, статистическая значимость этого различия, с учетом небольшой численности респондентов в обеих сравниваемых группах, гарантирована лишь на 43%. Иначе говоря, в Великобритании дети и внуки мусульман-иммигрантов ощущают дискриминацию примерно в одной и той же степени. Во Франции же, и особенно в Германии третье поколение мусульман находится в лучшем положении, чем второе.

Различие между этими тремя странами во многом объясняется тем, что их мусульманские диаспоры созданы выходцами из разных государств.

Среди немецких мусульман подавляющее большинство составляют выходцы из наиболее европеизированной исламской страны – Турции, а также их дети и внуки.

Большую часть исламской уммы во Франции составляют иммигранты и потомки иммигрантов из Алжира, Марокко и Туниса. Эти страны Магриба в прошлом были французскими колониями и испытывали на себе влияние европейской культуры, но все же в меньшей степени, чем Турция при светском режиме Кемаля Ататюрка и его преемников.

Основу мусульманской общины в Великобритании составляют переселенцы из Пакистана и члены их семей [9]. Эта страна не только в географическом, но и в культурно-цивилизационном отношении находится гораздо дальше от Европы, чем Турция и страны Магриба. В период британского правления, да и в последующие времена европеизация затронула лишь тонкий слой социальной элиты. В Пакистане очень сильны по-

зиции радикального ислама, в частности, движения Талибан, что влияет и на пакистанскую диаспору в Великобритании. Поэтому дети, и даже внуки пакистанских иммигрантов часто не хотят или не могут интегрироваться в британское общество.

Следует отметить, что уровень дискриминации первого поколения мусульман-иммигрантов (по их мнению) в России (35%) весьма близок к аналогичным показателям во Франции (33%) и Германии (29%). С учетом численности соответствующих групп респондентов, различия между Россией и этими странами статистически не значимы. Заметные различия существуют только в отношении мусульман, родившихся в стране. У нас – это представители коренных мусульманских народов Российской Федерации, а в странах Западной Европы – дети и внуки иммигрантов.

Тот факт, что в Германии дети мусульман-иммигрантов жалуются на дискриминацию примерно столь же часто, а в Англии и Франции – значительно чаще, чем их родители, отчасти можно объяснить особенностями восприятия. Иммигранты, принимая решение о переезде в другие страны, знали от ранее поселившихся там друзей и родственников, что их ожидает тяжелая работа и не слишком любезный прием со стороны местного населения и были к этому морально готовы.

Способность смириться с отношением к себе, как к человеку второго сорта, и считать подобное положение дел *нормальным*, по крайней мере, для первого этапа жизни в чужой стране, – это неотъемлемая часть иммигрантской психологии, равно как и готовность заниматься тяжелыми и не престижными видами труда, от которых отказывается коренное

население. Для иммигрантов подобные минусы жизни на новом месте перевешиваются самим фактом переезда в Россию из Средней Азии, в Германию – из Турции, во Францию – из Алжира, в Англию – из Пакистана.

Но такие психологические черты далеко не всегда наследуются детьми и внуками. Они выросли уже в Европе (или в России), учились или продолжают учиться в местных школах, хорошо знают язык страны, в которой живут. Они сравнивают себя по материальному положению не с родственниками, оставшихся на далекой родине их отцов и дедов, а со своими знакомыми из числа коренного населения, и видят, что живут намного хуже последних. Многие из них считают свою бедность и низкий социальный статус результатом дискриминации. Такая логика рассуждений часто встречается у детей и внуков выходцев из неевропейских (в первую очередь – мусульманских) стран. Они интегрируются в европейское общество намного труднее, чем дети и внуки иммигрантов, переселившихся из Восточной Европы в Западную.

Нередко в конфликтах между иммигрантами и коренным населением виновны обе стороны, хотя и не всегда в одинаковой степени. Многие из местных жителей смотрят на иммигрантов и даже на внутренних мигрантов, как на людей с низким социальным статусом. Тем не менее, отношение к мигрантам своей (и близких к ней) национальности и, тем более, к их детям, смягчается по мере их интеграции. Однако «инокультурных» иммигрантов препятствием для интеграции служит их религия, которая не позволяет многим из них принять систему ценностей общества, в котором они живут.

Роль религиозного фактора оп-

ределяется тем, в какой степени люди следуют предписаниям своей религии, и насколько отказываются от религии вообще. В анкете ESS есть вопросы о религиозной принадлежности:

C17. Считаете ли Вы себя последователем какой-либо религии, вероисповедания?

- (1) Да → ЗАДАЙТЕ ВОПРОС C18
- (2) Нет → ПЕРЕХОДИТЕ К ВОПРОСУ C19
- (8) Затрудняюсь ответить

C18. Какой именно? /НЕ ЧИТАТЬ. ВОЗМОЖЕН ОДИН ВЫБОР/

- (03) Православное христианство
  - (01) Католичество
  - (02) Протестантизм
  - (04) Другая ветвь христианства
  - (06) Ислам
  - а **переходите к вопросу c21**
  - (05) Иудаизм
  - (07) Восточные религии
  - (08) Другие не-христианские религии
  - (98) Другое /УТОЧНИТЕ, КАКОЙ _____
  - (77) Отказ от ответа
- СПРОСИТЕ, ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ НЕ ОТНОСИТ СЕБЯ НИ К КАКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КОНФЕССИИ (коды 2, 8 в Вопр. C17)

C19. А когда-нибудь раньше Вы считали себя последователем какой-либо религии?

- (1) Да → ЗАДАЙТЕ ВОПРОС C20
- (2) Нет → ПЕРЕХОДИТЕ К ВОПРОСУ C21
- (8) Затрудняюсь ответить

C20. Какой именно? /НЕ ЧИТАТЬ. ВОЗМОЖЕН ОДИН ВЫБОР/

- (03) Православное христианство
- (01) Католичество
- (02) Протестантизм
- (04) Другая ветвь христианства
- (06) Ислам
- (05) Иудаизм
- (07) Восточные религии
- (08) Другие не-христианские религии
- (98) Другое /УТОЧНИТЕ, КАКОЙ/ _____

Частоту отхода от той или иной религии (y) можно определить по формуле:

$$y = x : (x + z) \times 100\%$$

где, x - число респондентов, которые в прошлом были последователями данной религии, но в настоящее время не принадлежат ни к какой религии или не ответили на этот вопрос;

z - число респондентов, которые в настоящее время являются последователями данной религии

В Англии частота отхода от религии составляет 26% у христиан и только 5% у мусульман, во Франции соответственно 22% и 9%, в Германии - 23% и 4%. В других европейских странах христиане (как католики, так и протестанты) также порывают со своей религией в несколько раз чаще, чем мусульмане. Различия между мусульманами и христианами статистически значимы (при 95% гарантии) во всех государствах, кроме Швеции и Дании, где число мусульман-респондентов очень невелико.

В России у христиан отход от религии очень редкое событие. По данным ESS-2010, из 2595 респондентов 1362 человека указали, что в данный момент являются христианами (из них 1345 - православными). 45 человек сообщили, что были христианами в прошлом (в том числе 44 - православными), но в настоящее время не принадлежат ни к какой религии или не ответили на вопрос о религиозной принадлежности. Частота отхода от христианства определяется как:

$$45 : (45 + 1362) \times 100\% = 3\%$$

Этот показатель в 6 раз меньше, чем в Англии и Германии, в 7 раз меньше, чем во Франции, в 10 раз меньше, чем в Бельгии и Нидерландах.

Число респондентов, которые на момент опроса были мусульманами, в нашей стране в 2010 г. составило 142. В выборку не попало ни одного человека, который в прошлом исповедовал ислам, а в настоящее время не принадлежит ни к какому вероисповеданию. Частота отхода от своей религии у российских мусульман равна 0%. Во всех вышеупомянутых странах Западной Европы этот показатель у мусульман все-таки выше нуля,

хотя и во много раз ниже, чем у христиан.

Российские мусульмане в большинстве своем не отличаются высоким уровнем религиозности [10]. Среди них несравненно меньше сторонников исламского фундаментализма, чем в странах Ближнего и Среднего Востока (откуда прибывает основная масса мусульман-иммигрантов в Европу), но от своей религии они практически никогда не отказываются. В России ислам является одной из традиционных религий, мусульмане не воспринимаются окружающим населением как «инородное тело» и сами не считают себя таковыми.

В то же время, те из мусульман – иммигрантов и их потомков в странах Западной Европы, которые хотят интегрироваться, нередко видят, что их религия, которая для этих стран не является традиционной, может мешать интеграции. Поэтому некоторые из них отходят от ислама. Таких людей немного: от 3% до 15% из общего числа мусульман в разных государствах.

Отход от ислама обычно означает не переход на христианство, а уход от религии вообще. Это показывают данные о турецких иммигрантах в Германии, которые можно сопоставить как с аналогичными показателями по всему населению этой страны, так и по населению самой Турции – един-

Рис. 20. Частота отхода от религии среди христиан и мусульман. Рассчитано по базе данных ESS 2010 г.

* гарантия достоверности различия между мусульманами и христианами? 95%

** гарантия достоверности различия между мусульманами и христианами < 95%

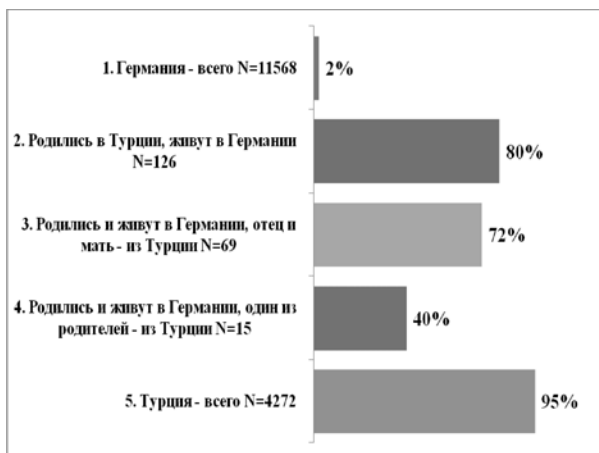

Рис. 21. Доля МУСУЛЬМАН среди взрослого (от 15 лет и старше) населения Турции (2004-2008) и Германии (2004-2010), а также среди турецких иммигрантов и их детей в Германии (2004-2010), в %. Рассчитано по базе данных ESS за соответствующие годы. (N – число респондентов в соответствующих группах).

ственного мусульманского государства, которое приняло участие в Европейском социальном исследовании (в 2004 и 2008 гг.).

В населении Турции 95% составляют мусульмане, 2% представители других религий (главным об-

Рис. 22. Доля ХРИСТИАН среди взрослого (от 15 лет и старше) населения Турции (2004-2008) и Германии (2004-2010), а также среди турецких иммигрантов и их детей в Германии (2004-2010), в %. Рассчитано по базе данных ESS за соответствующие годы. (N – число респондентов в соответствующих группах).

Рис. 23. Доля НЕРЕЛИГИОЗНЫХ людей среди населения Турции (2004-2008) и Германии (2004-2010), а также среди турецких иммигрантов и их детей в Германии (2004-2010), в %. Рассчитано по базе данных ESS за те же годы. (N – число респондентов в соответствующих группах).

разом езиды) и 3% - нерелигиозные люди. Но даже в первом поколении турецких иммигрантов доля мусульман уже заметно меньше, чем в самой Турции – она составляет 80%. Этот показатель незначительно уменьшается (до 72%) у детей, родившихся уже в Германии, у которых оба родителя – выходцы из Турции.

Однако среди родившихся в Германии детей, у которых только один из родителей является турецким иммигрантом, доля мусульман составляет лишь 40%. Речь идет главным образом о смешанных турецко-немецких семьях, хотя в некоторых случаях отец может быть выходцем из Турции, а мать – этнической турчанкой, родившейся в Германии, или наоборот.

Выше уже упоминалось, что для мусульман отход от ислама, как правило, не сопровождается переходом в христианство. Доля христиан в населении Турции близка к нулю. Очень мало их и в первом поколении турецких иммигрантов (1%), да и во втором поколении (3%), когда речь не идет о детях из смешанных семей. В смешанных семьях данный показатель несколько выше (13%), но даже и эта цифра в четыре раза ниже, чем во всем населении Германии (52%). Немецкое, да и в целом западноевропейское, общество не религиозно и не требует от иммигрантов перехода в христианство. Чтобы интегрироваться, не надо креститься – проще отойти от религии вообще.

Уже в первом поколении турецких иммигрантов 18% не религиозны, это в два с половиной раза меньше, чем во всем населении Германии (45%), но в шесть раз

меньше, чем во всем населении Германии (45%), но в шесть раз

больше, чем в самой Турции (3%). Такое большое различие можно объяснить либо тем, что из Турции часто эмигрируют не религиозные люди, которые предпочитают западный, светский образ жизни и не хотят жить в мусульманской стране, тем более, что влияние радикального ислама там, как и в других ближневосточных государствах, в последние годы усиливается. Возможно также, что в подобной обстановке мало кто решается даже в анонимной анкете признать себя не религиозным человеком в Турции или другой мусульманской стране, но признает себя таковым после переезда в Европу, в том числе и в Германию. Впрочем, даже и там легче заявить о том, что никогда не был верующим, чем признаться, что отошел от ислама.

Доля нерелигиозных людей среди турецких иммигрантов, живущих в Германии, повысилась с 11% в 2004-2006 гг. до 27% в 2008-2010 гг., то есть на 16%, а доля мусульман, соответственно, сократилась – с 87% до 71%. Гарантия того, что такое изменение не является случайным, составляет 97%.

Правда, такое резкое изменение произошло только в первом поколении иммигрантов. Среди детей, у которых оба родителя – выходцы из Турции, доля нерелигиозных увеличилась с 18% в 2004-2006 гг. до 25% в 2008-2010 гг., то есть лишь на 7%. С учетом численности групп, такое повышение не является статистически значимым.

Среди детей иммигрантов из однонациональных турецких семей доля нерелигиозных составляет (по данным за весь период с 2004 по 2010 г.) 22%, что лишь на 4%

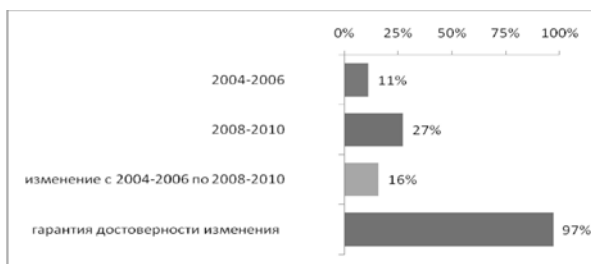

Рис. 24. Изменение доли НЕРЕЛИГИОЗНЫХ людей среди иммигрантов из Турции, живущих в Германии, с 2004-2006 по 2008-2010 гг., в %.

больше, чем в поколении родителей. Эта разница статистически не значима. Отсюда можно сделать вывод о том, что нерелигиозные люди имеют дополнительные стимулы покинуть Турцию (вероятно, также и другие исламские страны) и вероятность эмиграции в Европу для них выше, чем для верующих мусульман. Однако дети эмигрантов, родившиеся уже в Европе, не имеют дополнительных (по сравнению со своими родителями) стимулов для отхода от ислама. Исключение составляют дети, рожденные в смешанных семьях. В Германии 47% среди них не религиозны – это близко к аналогичному показателю для всего населения страны (45%) и более чем вдвое больше, чем среди детей, у которых оба родителя – выходцы из Турции (22%). Гарантия достоверности различия между детьми из однонациональных турецких и смешанных семей составляет 92% для долей нерелигиозных (22% и 47%) и 98% – для долей мусульман (72% и 40%). Таким образом, самым сильным фактором для того, чтобы дети иммигрантов не оказались мусульманами, является вступление их родителей в смешанные браки.

По данным ESS за 2004-2010 гг., у 69 из 84 детей турецких иммигрантов, родившихся в Германии, оба родителя были выходца-

ми из Турции (82%), а у 15 детей (18%) – только один из родителей. У 12 из этих 15 детей иммигрантами из Турции были отцы и лишь у троих – матери. Мужчины из мусульманских народов женятся на женщинах из мусульманских народов значительно чаще, чем мужчины из немусульманских народов – на женщинах из мусульманских народов [11].

Хотя Турция – наиболее европейская из мусульманских стран, доля смешанных браков у турецких иммигрантов в Германии не очень велика, по крайней мере, в первом их поколении. Однако во втором и, тем более, в третьем поколении смешанных браков может быть гораздо больше. Тем не менее, смешанные браки не могут привести к полной ассимиляции мусульманских иммигрантов в Европе хотя бы потому, что число последних постоянно пополняется вновь прибывшими.

Перспективы превращения мусульманского меньшинства в большинство зависят не только от масштабов иммиграции из исламских стран в Россию и государства Западной Европы, но и от различий в демографическом поведении мусульман и остального населения. Эту проблему следует рассмотреть в отдельной статье.

Ссылки:

1 Работа выполнена по проекту РГНФ №10-03-00243а «Социокультурные модели семей в контексте демографической политики: особенности репродуктивного и социализационного поведения».

2 Рассчитано по: Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб./ Росстат. – М., 2010. С. 68; Россия“ 2012: Стат. справочник/ Росстат. – М., 2012. С. 8.

3 Андреев Е., Вишневский А. Население России через 100 лет. Статья первая // Демоскоп Weekly. № 151 - 152. 22 марта - 4

апреля 2004. <http://demoscope.ru/weekly/2004/0151/tema05.php>

4 Рахимов Азамат. Берн против браков по принуждению // Швейцарские новости на русском. Каждый день. Берн, 05.03.2012. <http://www.nashagazeta.ch/news/13056>

5 Алиев М. В Азербайджане за принуждение женщины вступить в брак установлена уголовная ответственность // Trend. 15 ноября 2011. <http://www.trend.az/news/society/1957495.html>

6 Ремизов Д. Добровольный шариат // Росбалт, 11/03/2012. <http://www.rosbalt.ru/federal/2012/03/11/955801.html>

7 Синельников А.Б. Что более приемлемо для населения: стимулирование рождаемости или приток иммигрантов // Демографические исследования. Отв. ред. проф. А.И. Антонов. М.: КДУ, 2009. С. 179-191.

8 См. также анализ более ранних данных 3-го раунда ESS за 2006 г. – Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М. Национально-гражданская идентичность и межэтническая толерантность // Россия в Европе: по материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование». Под общ. ред. А.В. Андреевской и Л.А.Беляевой. М.: Academia, 2009. С. 194-224.

9 Трофимова О. Мусульмане и ислам в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. №10. 2009. С. 52-62.

10 Синельников А.Б., Антонов А.И., Медков В.М. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). М.: КДУ, 2009. С. 25-52.

11 Волков А. Г. Этнически смешанные семьи и межнациональные браки // Семья и семейная политика. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения, 1991. С. 68-86.

Город в пространстве социального неравенства

Вершинина И. А.

Рост городов – одна из основных современных тенденций. В статье анализируется влияние глобальных процессов на социальную структуру городов.

Ключевые слова: социология города, город, неравенство, социальная структура, глобализация, трущобы.

Vershinina I. A.

Urban Areas in the space of the social inequality
The expansive growth of cities is one of the main trends today. The impact of global processes on the social structure of cities are examined in the article.

Key words: urban sociology, city, inequality, social structure, globalization, slums.

Особенно ярко крайности социального неравенства проявляются в мегаполисах, включающих как районы трущоб, так и элитные кварталы. Современные города – это места, где многие социальные проблемы стоят гораздо острее, чем в сельской местности.

В 2008 г. впервые в истории число городских жителей сравнялось с числом жителей сельских районов, а затем и превысило его. На сегодняшний день население земного шара является преимущественно городским. Данное событие является прямым последствием стремительной урбанизации, темпы которой значительно выросли, начиная со второй половины XX века. При этом горожане живут на территории, площадь которой составляет всего лишь 3% поверхности суши [1]. Согласно прогнозам, к 2050 году число горожан достигнет 6,4 миллиарда, в то время как численность сельского населения сокращается, и к середине столетия будет составлять всего 2,8 миллиардов человек [2: 1]. Города растут быстрее всего в регионах с высокой рождаемостью – в развивающихся странах.

Прирост городского населения произойдет в первую очередь благодаря Азии. Ожидается, что к 2050 г. число горожан лишь в этом регионе увеличится на 1,8 миллиарда человек, хотя он по-прежнему, как и африканский будет относиться к числу наименее урбанизированных [2: 1]. На сегодняшний день уже существует значительная разница в степени урбанизации стран в зависимости от региона. В наиболее промышленно развитых странах горожане стали превосходить число сельских жителей еще в середине XX века. По данным на 2007 г. 74% жителей развитых стран проживали в городах, тогда как в развивающихся число горожан значительно ниже – 44% [2: 1-2]. Урбанизация, одновременно продолжаясь в обеих группах стран, к 2050 г. увеличит долю городских жителей до 86% и 67% соответственно. К сожалению, большинство новых горожан будут принадлежать к малообеспеченным слоям населения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Любопытно, что ситуация в России будет развиваться в противоположном направлении. Наша страна входит в число наиболее урбанизированных государств, занимая в этом рейтинге шестое место [1]. Однако по прогнозам экспертов, в ближайшее время доля городского населения в Российской Федерации не только не вырастет, но и наоборот, сократится. Прогнозируется, что в период с 2007 г. по 2025 г. городское население уменьшится на 8 миллионов человек [2: 8]. Кроме России, схожие тенденции наблюдаются в Японии, Корее, Украине, что объясняется убылью населения.

Когда рассматриваются проблемы урбанизации, то, как правило, в первую очередь речь идет о

мегаполисах с населением, превышающим 10 миллионов человек. В настоящее время на сегодняшний день 11 из 19 таких городов расположены в Азии (Токио, Бомбей, Дели, Шанхай, Калькутта, Дакка, Карачи, Осака, Пекин, Манила, Стамбул), еще 4 – в Латинской Америке (Мехико, Сан-Паулу, Буэнос-Айрос, Рио-де-Жанейро), два – в Северной Америке (Нью-Йорк, Лос-Анджелес), один – в Африке (Каир) и один – в Европе (Москва) [2: 2]. Однако в мегаполисах проживает лишь 9% городского населения, и его доля в ближайшее время вырастет очень незначительно. Больше половины городских жителей приходится на небольшие населенные пункты с общей численностью менее полумиллиона человек.

Правительства разных стран пытаются в меру своих возможностей контролировать процесс урбанизации, проводя соответствующую политику. Однако более половины стран по-прежнему неудовлетворенны сложившейся ситуацией и хотели бы значительных изменений в расселении своих граждан. Успешность проведения подобной политики сильно зависит от региона. Развитые страны, имеющие возможность потратить на ее проведение значительные средства, в целом удовлетворены пространственным размещением своего населения на данный момент времени. О необходимости кардинальных изменений говорят лишь в 37% этих стран [2: 12]. В развивающихся странах неудовлетворенность намного выше – 56%, а в отдельных регионах просто катастрофически высока, например, в Африке она достигает 74%.

Одно из направлений политики в сфере урбанизации – принятие различных мер по сокращению

миграционных потоков в большие города. Среди развивающихся стран значительно выросло число тех, кто уделяет внимание этому вопросу: с 44% в 1976 г. до 74% в 2007 г. [2: 12]. Подобная политика осуществляется в 83% стран Океании, 78% африканских, в Азии – 71% и в 68% стран Латинской Америки. В развитых странах, уже столкнувшихся с проблемой старения населения и вытекающей из нее нехваткой трудовых ресурсов, картина несколько иная. Миграционные потоки жестко контролировались в 55% стран в 1975 г., а затем, к 1996 г., их число сократилось до 26% [2: 12]. К 2007 г. их число опять возросло и достигло 39%. В конце XX в. – начале XXI в. развитые страны вновь вернулись к политике ограничения числа мигрантов, что было спровоцировано обострением социального напряжения.

Американский социолог Р. Парк в начале XX века утверждал, что социальные проблемы – это, прежде всего, проблемы города. Р. Парк проанализировал социальные процессы и явления, многие из которых продолжают оставаться в центре внимания современной социологии. В сферу его интересов попали такие вопросы, как миграция, маргинальность, девиантное поведение и многие другие. По мнению американского ученого, расширение городов является источником многих социальных проблем: «Рост города заключает в себе не просто прибавление численности, но и все те сопутствующие изменения и движения, которые неизбежно сопряжены с попытками каждого индивида найти свое место в хитросплетениях городской жизни. Расширение новых районов, увеличение числа профессий и родов занятий, непредсказуемое

возрастание цен на землю, – все это составляет процесс роста города и может быть измерено через изменение положения индивида по отношению к другим индивидам и к сообществу в целом» [10: 12]. Интенсивная урбанизация началась относительно недавно, однако, этот процесс продолжается, поэтому многие социальные проблемы еще далеки от своего разрешения.

Активный рост городов начался примерно 200 лет назад в наиболее развитых западных странах. Данное явление стало результатом нескольких причин:

- повышения производительности сельскохозяйственного труда;
- индустриальной революции;
- развития инфраструктуры и появления новых коммуникационных технологий;
- снижения смертности;
- относительно стабильной политической ситуации.

Однако наиболее интенсивная стадия этого процесса начинается только в XX веке. В 1950 году было всего два мегаполиса, то есть города с численностью населения более 10 миллионов человек, – Токио и Нью-Йорк. Сегодня их уже насчитывается 26, из них 21 находится в развивающихся странах. По прогнозам Организации Объединенных Наций к 2015 году должно появиться еще 15 мегаполисов [16: 6]. В настоящее время на планете уже более 400 городов с населением, превышающим один миллион человек, причем две трети из них находятся также в развивающихся странах [16: 3-5].

Процесс урбанизации шел в XX веке столь стремительно, что иногда даже говорят об урбанистической (urban) революции, хотя термин гораздо менее распространен, нежели «демографическая революция». На сегодняшний день рост

Диаграмма 1

численности мирового населения и рост городов – это две составляющие одного и того же процесса, так как прирост численности городского населения более, чем в полтора раза превышает прирост населения в целом [4: 108–113]. В 1900 году 86% населения земли проживали в сельской местности, в 2000 году – уже 52%, в 2008 году впервые в истории человечества большинством на планете оказались горожане [16: 3–5; 7: 1]. По прогнозу ООН, уже к 2030 году более 60% людей будут жить в городах (см. Диаграмму 1). В течение следующих нескольких десятилетий мы станем свидетелями беспрецедентного прироста населения в городах развивающихся стран.

Города постоянно притягивают новых жителей, так как предлагают уникальные возможности по повышению дохода, мобилизации политических действий и предоставлению более широкого доступа к образованию, медицинским и социальным службам. Открывая возможности для создания богатства и процветания, города стали движущей силой глобальной торговли и локомотивом экономического роста. Но одновременно в городах возникают новые и усугубляются уже существующие социальные проблемы. Половина человечества в современном мире уже живет в малых и больших горо-

дах, а в предстоящие 50 лет, согласно прогнозам, в городах будет проживать две трети населения мира. Поэтому неудивительно, что социальные проблемы в городах привлекают все больше и больше внимания. Одновременно возрастают

усилия, прилагаемые для их решения. В частности, Организация Объединенных Наций инициировала создание Всемирного форума городов, заседания которого проходят каждые два года. Его Первая сессия состоялась в 2002 г. в Найроби (Кения), и по мере того, как менялось его место проведения, расширялись масштабы и повышался статус Форума (Барселона – 2004 год, Ванкувер – 2006 год, Нанкин – 2008 год, последняя Пятая сессия состоялась в 2010 году в Рио-де-Жанейро). Шестой Всемирный форум городов должен пройти в сентябре 2012 года в итальянском городе Неаполь.

Социальные проблемы в городах схожи вне зависимости от их места расположения. Генеральный консул Бразилии в Шанхае Маркос Карамуру де Паива, выступая на Форуме в Нанкине в 2008 году, в преддверии очередной сессии, которая должна была пройти у него на родине, сказал, что «Сегодня в Бразилии, да и в других странах мира, надо заново продумать и пересмотреть основные положения относительно того, каким должен быть город, в котором мы хотим жить. У нас один дом – наша планета. Мы меняем адреса, но при этом потребляем одинаковую продукцию широкого международного спроса, мы совершаем поездки, пользуясь одними и теми же

методами, мы потребляем одни и те же природные ресурсы, и мы вместе развиваемся» [12: 6]. Его поддержал Президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва, сказав, что городское пространство – это «место коллективных действий, которое принадлежит всем городским жителям, богато разнообразием культур и социальные функции которого направлены на обеспечение всеобщего распределения благ, услуг и возможностей» [12: 3]. Это вполне соответствует тем целям, которые Организация Объединенных Наций ставит перед собой в области городского развития [12: 2]:

- свести к минимуму рост нищеты в городах;
- обеспечить бедным слоям городского населения права на получение основных услуг, таких, как жилье, чистая вода и санитария;
- добиться экологически безопасного, «умного» роста городов и их развития.

Кроме этих проблем, ставших уже традиционными, на последней сессии Форума городов в Рио-де-Жанейро также обсуждались серьезные проблемы, стоящие перед городской молодежью, поскольку наиболее высокие демографические показатели по молодежи характерны для развивающихся стран.

ООН во многих своих докладах называет одной из главных проблем современных городов рост числа жителей трущоб. Условия проживания определяются как неблагоприятные, если отсутствует, по крайней мере, одно из четырех основных жилищных

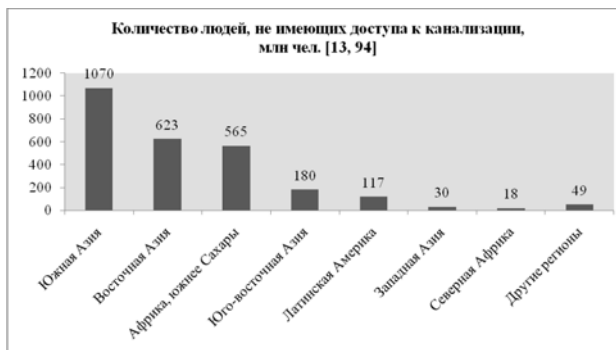

Диаграмма 2

удобств: чистая вода, улучшенная санитария, прочность жилья, достаточная жилая площадь¹. Из-за чрезвычайно высоких темпов урбанизации возникают проблемы с созданием жизненно важной инфраструктуры. В одном из крупнейших городов Индии, Мумбаи, например, масштабность проблемы санитарии можно оценить по тому, что в бедных районах на тысячу жителей приходится всего два туалета [3: 112].

В 2005 году в трущобах жили 30% всех жителей городов, и этот показатель практически не менялся с 90-х годов [9: 4]. Однако в последнее время масштабы проблемы существенно изменились, причем, несмотря на все усилия, прилагаемые Организацией Объединенных Наций не в лучшую сторону. На сегодняшний день 62% населения малых и больших городов в Африке к Югу от Сахары, живут в трущобах, в Южной и центральной Азии обитатели трущоб составляют 43% городского населения [9: 4]. Один миллиард на нашей планете уже живет в трущобах и в их ряды ежедневно вливаются новые и новые тысячи людей. Учитывая то обстоятельство, что рост мирового населения происходит за счет увеличения численности населения тех стран, для

которых проблема существования трущоб наиболее актуальна, можно сказать, что мы сидим на социальной бомбе с часовым механизмом, который незаметно отсчитывает время во многих перенаселенных, пораженных нищетой уголках нашей планеты, уже и без того перегруженной различными проблемами (см. Диаграмму 2). По прогнозам Организации Объединенных Наций численность обитателей трущоб утроится и достигнет к 2050 году 3 миллиардов [9: 5]. Это будет уже значительно больше, чем 30% населения земли, а следовательно, рост трущоб идет быстрее, чем рост народонаселения.

Рио-де-Жанейро с его многочисленными холмами и горами поражает своей красотой, поэтому неудивительно, что он был выбран местом проведения чемпионата мира по футболу 2014 года и летних Олимпийских игр 2016 года. Однако у столицы Бразилии есть и темная сторона – фавелы, густо населенные жилые кварталы, где стены домов исчерканы надписями и рисунками, многие из них со следами от пуль, и где улочки настолько узкие, что зачастую по ним нельзя проехать на машине. В настоящее время в Рио-де-Жанейро примерно 12% семей живут без водопровода, свыше 30% семей не имеют канализации, и только две трети семей официально подключены к сети энергоснабжения [13: 23]. Великолепный мост Рио-Нитерой протяженностью 13 км – самый длинный мост в странах Западного полушария и шестой по длине в мире – раскинулся над водой, которая отдает запахом нечистот, поскольку бытовые и сточные отходы зачастую сбрасываются прямо в реки, дренажные каналы и отстойники.

Рио-де-Жанейро возглавляет список городов с отсутствием за-

щиты населения от насилия. Н. – Ресенде, руководитель Центра прав человека, открытого для фавел в столице Бразилии говорит следующее: «Прежде чем пригласить к себе кого-нибудь в гости, всякий раз надо договариваться с наркоторговцами. Каждую неделю полиция устраивает облавы, и повсюду раздаются выстрелы» [13: 23]. Шоссе, ведущее из города в аэропорт, иногда перекрывается из-за перестрелок, и это считается нормальным явлением. Наиболее серьезные проблемы в трущобах – убийства людей и агрессивные действия скорее в отношении личности, а не в отношении собственности. Это диаметрально противоположно тому, что происходит в официально застроенной, вполне благополучной части города.

Однако сегодня далеко не все города конкурируют между собой только за право проведения международных спортивных и других крупных мероприятий в стремлении повысить в мире свою репутацию. Многие из них соперничают, пытаясь привлечь зарубежные инвестиции и известных зарубежных специалистов, чтобы произвести у себя преобразования, в частности, решить проблему трущоб. Наиболее заметных успехов добились страны Азии и страны Африки южнее Сахары.

В Восточной Азии резкое сокращение доли обитателей трущоб произошло в основном за счет улучшения водоснабжения и санитарии в Китае. Аналогичным образом расширение доступа к воде и санитарии в Индии способствовало успешному развитию в Южно-Азиатском регионе в целом. Африка южнее Сахары, несмотря на некоторые достижения, остается регионом, где трущоб сохраняется больше всего, прежде

всего, из-за отсутствия достаточного количества питьевой воды.

Преимущества городской жизни, которые как магнит притягивают новых людей, распределяются крайне неравномерно. Для городской бедноты многие из них являются недоступными или просто не существуют, в частности, наличие и доступ к медико-санитарным службам не гарантируют доступность и использование услуг здравоохранения. Горожане, уровень доходов которых близок к прожиточному минимуму, значительно больше страдают от широкого круга болезней и проблем со здоровьем. Семьи с самым низким уровнем доходов в городских поселениях подвергаются наибольшему риску негативных последствий для здоровья, таких как ранняя детская смертность, поскольку имеют меньший доступ к услугам здравоохранения, например, квалифицированной помощи при родах. Некоторые городские жители несоразмерно страдают от неудовлетворительного состояния здоровья, и эта несправедливость в отношении здоровья проистекает из расхождений в социальных и бытовых условиях жизни. Причем, эта проблема существует во всех городах мира вне зависимости от места их расположения. Например, в Нью-Йорке, где качество медицинского обслуживания находится на довольно высоком уровне, в 2001 году средняя продолжительность жизни в беднейших кварталах была на восемь лет короче, чем в самых богатых кварталах этого города [14: 12]. Таким образом, современные города по всему миру имеют и теневую сторону, которая, как правило, в развитых странах менее очевидна, чем официальная, но, тем не менее, существует.

Типичными проблемами многих городов являются отсутствие или

плохо спланированные системы водоснабжения, канализации и транспортных дорог. ООН выделяет несколько потенциальных опасностей жизни в городе и связанных с ними рисков для здоровья [14: 4]:

- неблагоприятные жилищные условия и условия скученности проживания;
- проблемы с безопасностью пищевых продуктов и воды;
- неудовлетворительная работа санитарно-гигиенических служб и служб удаления твердых отходов;
- загрязнение воздуха;
- перегруженный транспорт.

Многие города в современном мире вынуждены принимать во внимание тройную угрозу:

1) возможность быстрого распространения инфекционных заболеваний при скученности проживания в антисанитарных условиях;

2) хронические неинфекционные заболевания «процветают» при глобализации нездорового образа жизни, который напрямую связан с жизнью в городе – курением, неправильным питанием, сидячим образом жизни и чрезмерным употреблением алкоголя;

3) дополнительное бремя на здоровье городских жителей накладывают несчастные случаи, травмы, дорожно-транспортные происшествия, акты насилия и преступления.

Таким образом, в городах концентрируются риски и опасности для здоровья. Воздействие неблагоприятных событий, таких как загрязнение воздуха или повышенный уровень шума, природных катаклизмов усиливается в плотно населенных городских поселениях. Воздействие на здоровье, связанное с изменением климата, создает дополнительные факторы риска для городов. Но не только

изменение климата негативно сказывается на качестве жизни в городах, существует и обратная связь: рост городов способствует ухудшению экологической ситуации. По мере концентрации человеческой активности в городах, изменяется характер использования земли, воды, энергии и других естественных ресурсов. Сегодня, когда более половины населения планеты живет в городах, города уже потребляют львиную долю мировых ресурсов и генерируют большую часть отходов. Городские центры служат источником двух основных категорий воздействий на углеродный цикл и систему климата, а именно – изменений, связанных с выбросом аэрозоль, парниковых газов и твердых отходов; а также изменений, связанных с землепользованием [4: 4].

Изменение климата создает новые проблемы для городских территорий и их растущего населения. Городские территории, с их высокой концентрацией населения, промышленности и инфраструктуры, скорее всего, столкнутся с наиболее жесткими воздействиями изменения климата. Если городские территории растут быстро и не соответствуют текущим и будущим ресурсам, а также не учитывают будущие последствия изменения климата, качество жизни большого количества людей ставится под угрозу. Повышение средней температуры воздуха в летний период приводит к снижению качества жизни людей в теплых регионах, если у них отсутствует система кондиционирования воздуха; кроме того, возможно негативное влияние на состояние здоровья малолетних и пожилых жителей городов, отмечается значительный рост числа смертельных случаев.

Изменение климата также напрямую влияет на материальную инфраструктуру города – его сети зданий, дорог, канализации и энергетические системы – что, в свою очередь, влияет на благосостояние и образ жизни его жителей. Некоторые ученые говорят о возможной смене климатических условий в Европе. По крайней мере, на протяжении нескольких последних лет отмечается более жаркое лето и более холодная зима, чем привыкли европейцы. Более резкий климат требует увеличения энергетических затрат: летом для кондиционирования, зимой – для отопления. Влияние изменения климата будет особенно заметно в расположенных низко над уровнем моря прибрежных зонах, где находятся многие из крупнейших городов мира. Хотя к таким территориям относится только 2% общей территории суши, в данных зонах проживает приблизительно 13% мирового городского населения [4: 22]. Урбанизация предлагает множество возможностей развития комплексных стратегий по смягчению последствий и адаптации к климатическим изменениям.

Образ жизни бедных слоев городского населения более подвержен влиянию изменения климата, по сравнению с другими социальными группами, в связи с их проживанием на территориях незапланированной застройки и территориях с риском наводнения. Таким образом, климатические изменения могут усилить существующее неравенство и, в конечном итоге, разрушить социальную структуру городов, привести к росту числа бедных.

Население развивающихся стран в значительно большей степени подвержено влиянию негативных последствий климатических

изменений. Стихийные бедствия – штормы, наводнения, засухи, ураганы и так далее – имеют наиболее разрушительные последствия в густонаселенных районах трущоб. Число жертв стихийных бедствий неуклонно растет (см. Диаграмму 3), значительно

опережая рост численности населения, и подавляющее большинство из них приходится на развивающиеся страны – более 97%.

Города также служат источником весьма тревожных тенденций в области социальной маргинализации и отчуждения. Это одни из самых жестоких и порочных сторон социального неравенства в больших городах.

В стремлении вызвать симпатии международного сообщества и повысить репутацию своего города в мире власти зачастую идут на нарушение общепризнанных прав человека при помощи дискриминационных мер, которые они проводят в жизнь в законодательном порядке. Например, в Лондоне, чтобы не допустить пребывания большого количества лиц без определенного места жительства в парках и зонах отдыха скамейки, предназначенные в дневное время для отдыха граждан, ночью обливают водой или же убирают. Согласно данным Национальной коалиции в защиту бездомных, в Соединенных Штатах, где в 2004 г. проводилось исследование по 224 городам, в 43% городов попрошайничество запрещено в установленных общественных местах, в 45% городов запрещено просить милостыню и в 21% городов существует полный запрет на попрошайничество [5: 18]. В Швейцарии с ап-

Диаграмма 3

реля 2008 года полиция наделена правом на месте налагать штраф на выручку нищего. Подобные законы принимаются с целью снизить уровень преступности и улучшить имидж города. Хотя такие меры, как прямой запрет на копание в мусорных баках (принятые, например, в законодательном порядке во многих городах Северной Америки) и блокирование мусорных свалок, фактически лишают бездомных горожан возможности доступа к тому, что служит для них, как бы дико это ни звучало, основным источником существования.

Таким образом, «облагораживание» города и связанная с этим культура сегрегации, а также жилые кварталы за глухими заборами, способствующие развитию этого процесса, приводят к разрушению разнообразия культур и кварталов совместного проживания людей с разными доходами» [5: 17]. Подобная политика находит свое выражение в различных формах дискриминации наименее социально защищенных категорий граждан, что служит показателем неспособности общества обеспечить интересы неимущего населения. К наиболее обездоленным горожанам относятся обитатели трущоб; мигранты; лица без определенного места жительства, в том числе цыгане; религиозные, сек-

суальные и этнические меньшинства; группы населения, в отношении которых дискриминация проводится по причине происхождения или невостребованности профессии; лица с ограниченными возможностями, психическим расстройством, ВИЧ/СПИДом; лица, занимающиеся предоставлением сексуальных услуг; домашняя прислуга; лица преклонного возраста; беженцы; женщины, особенно одинокие женщины, матери-одиночки и женщины из числа этнических меньшинств и дети, особенно беспризорные дети. Они значительно больше других испытывают на себе несправедливость, различные формы изоляции и маргинализации. Города, приукрашенные путем косметического ремонта, превращаются в привилегированные зоны, в городские кварталы, где процветают дискриминация, неравенство и неприязнь.

Подобный путь развития многими исследователями рассматривается как деструктивный, лишь усугубляющий социальные проблемы, но не решающий их. Есть альтернативные пути развития городов и повышения в них качества жизни. Один из таких примеров – Монреальская хартия, которая обязывает местные органы самоуправления Канады развивать основные принципы соблюдения прав и взаимных обязанностей населения и местной власти. В хартии говорится, что «город Монреаль является как территорией, так и жизненным пространством, где необходимо способствовать укреплению среди городского населения таких ценностей, как человеческое достоинство, расовая терпимость, мир, равенство и справедливость» [5: 21]. Такая политика побуждает малые и большие города стремиться к созданию более равноправной, справедливой, мно-

гонациональной, процветающей и устойчиво развивающейся городской окружающей среды.

Глобализация экономики и проведение неолиберальной политики привели к еще большему углублению неравенства в доходах и возможностях как между городами, так и между городскими жителями. Однако, по мнению Э. Пеналосы, бывшего мэра столицы Колумбии Боготы, несмотря на то, что в условиях рыночной экономики невозможно достичь равенства доходов, вполне реально добиваться равенства качества жизни, в особенности для детей [11: 11].

Литература

1. Россия и Украина вошли в список 25 стран мира с самым большим числом горожан // <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=9415>, дата обращения 07.10.2010.

2. World Urbanization Prospects: The 2007 Revision // Сайт Организации Объединенных Наций, http://www.un.org/esa/population/publications/wup2007/2007WUP_Highlights_web.pdf, дата обращения 09.02.2011.

3. Дэвис М. Планета трущоб // Логос. 2008. № 3.

4. Города и изменение климата: направления стратегии. Глобальный доклад о населенных пунктах 2011 года. Лондон – Вашингтон, 2011.

5. Котхари М., Чоудхри Ш. Неравенство в городах обозначает неравенство жизни // Мир городов. Декабрь 2009/ Январь 2010. № 5.

6. Кроссет Б. Доклад Фонда Организации Объединенных Наций в области народонаселения «Народонаселение мира в 2010 году. От конфликта и кризиса к возрождению: поколения перемен» // Сайт Организации Объединенных

Наций URL:<http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2010.pdf>, дата обращения 31.07.2011.

7. *Мартин Дж.* Доклад Фонда Организации Объединенных Наций в области народонаселения «Народонаселение мира в 2007 году. Использование потенциала урбанизация» // Сайт Организации Объединенных Наций URL:<http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2007.pdf>, дата обращения 31.07.2011.

8. *Мичел М.В.* в новом докладе отмечается прогресс в достижении Целей развития тысячелетия // Мир городов. Декабрь 2009/ Январь 2010. № 5.

9. ООН-Хабитат – залучшее будущее городов. Брошюра. 2009 // Сайт «ООН-Хабитат» Организации Объединенных наций URL:<http://www.unhabitat.org/pmss/getElectronicVersion.asp?nr=2648&alt=1>, дата обращения 28.09.2011.

10. *Парк Р.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Том 5. № 1.

11. *Пеналоса Э.* Почему в городах необходимо добиваться равенства // Мир городов. Декабрь 2009 – Январь 2010. № 5.

12. Право на город: ликвидация неравенства в городах. Пятая сессия всемирного форума городов. 2009 // Сайт «ООН-Хабитат» Организации Объединенных наций URL:<http://www.unhabitat.org/pmss/> дата обращения 28.09.2011.

13. *Роллник Р.* Рио рассчитывает на спорт в вопросе ликвидации неравенства в городах // Мир городов. Декабрь 2009/ Январь 2010. № 5.

14. «Скрытые» города: выявление и устранение несправедливости в отношении здоровья в горо-

дах». Доклад Всемирной организации здравоохранения, Центра ВОЗ по развитию здравоохранения, Кобе, и Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам. ООН ХАБИТАТ, 2010 // Сайт «ООН-Хабитат» Организации Объединенных наций URL:<http://www.unhabitat.org/pmss/> дата обращения 28.09.2011.

15. *Crow B., Lodha S.K.* The Atlas of Global Inequalities. Berkeley and Los Angeles, London: University of California Press, 2011.

16. *Palen J.J.* The Urban World. London: Paradigm Publishers, 2008.

Ссылки:

1 Семья, проживающая в неблагоприятных жилищных условиях, – это семья, лишенная одного или более коммунальных удобств из числа следующих пяти удобств: 1) прочное жилье (капитальное сооружение, обеспечивающее защиту от экстремальных погодных условий); 2) достаточная по размеру жилая площадь (не более трех человек на одну комнату); 3) доступ к чистой питьевой воде (доступная и поступающая в достаточном объеме вода без затраты особых усилий); 4) доступ к улучшенным санитарным условиям (отдельный или совместный туалет на несколько человек в умеренном количестве); 5) право собственности на жилье и гарантия защиты от принудительного выселения. В связи с тем, что информация по вопросам права собственности на жилье в отношении большинства стран в базе данных ООН-ХАБИТАТ отсутствует, для определения семьи, проживающей в неблагоприятных жилищных условиях применяются лишь первые четыре показателя и только для оценки соотношения количества городского населения, проживающего в трущобах [6, 29].

Природная среда как фактор удовлетворенности местом жительства и показатель качества жизни в городах¹

Староста П., Столбов В.П.

В статье содержатся материалы международных социологических исследований, посвященных оценкам городскими жителями состояния природной среды в местах их проживания. Природная среда в настоящее время является важным параметром качества жизни, респонденты в Канаде, Польше, России и Болгарии оценивают ее как социальную ценность, но отношение к сохранению и воспроизводству окружающей природной среды остается еще на низком уровне, все меры по ее сохранению переключаются в большинстве своем на властные структуры.

Ключевые слова: природная среда, качество жизни, социологические исследования, зависимые и независимые переменные, проэкологическое отношение, коэффициент Пирсона, тест Дункана

Starosta P., Stolbov V.P.

Environment as the factor of satisfaction the residence and quality of life in cities

In article materials about the international sociological researches devoted to estimations by city dwellers of a condition of environment in places of their residing contain. Environment is estimated as social value, but the relation to its preservation and reproduction remains at low level.

Key words: environment, quality of life, the sociological researches dependent and independent variables, the proecological the relation, factor of Pirsona and the test of Dunkana

¹ Статья написана в рамках научно-исследовательского проекта РФНФ N 09-03-54705 а/ц

Окружающая природная среда в настоящее время становится важной предпосылкой оценки удовлетворенности местом жительства и качества жизни в городах. Этой проблеме было посвящено международное социологическое исследование в рамках международного проекта «Модели социального участия и социальная структура местных общин в Болгарии, Канаде, Польше и России». В каждой стране были выбраны для обследования городские поселения с числом жителей менее 1500, от 1500 до 5000 человек и с более чем 5000 человек. Все опросы, основывавшиеся на случайных выборках, были проведены в Поддебице, Добронь и Земковице, административная область Серадзь (Польша), в пп. Ильинское и Лух, Ивановская область (Россия), в Гавраилово, Бисма, Котел, бывшая область Сливен (Болгария), в Сант-Донатане, Сант-Жан-де-Дье, Сант-Сиприене, Сант-Бландине, в Восточном Квебеке (Канада). Анкетированием было охвачено 1932 респондента, в том числе в польских – 617, российских – 400, болгарских – 599, канадских – 326 человек, проживающих в обследуемых городских поселениях. Собранные данные соответствуют требованиям к представительности выборки только для рассматриваемых городских общин, но они не представительны для отдельных стран.

В процессе исследования важно было выяснить статистическую

картину, отражающую оценки отношения респондентов к месту своего проживания, что позволило бы судить о состоянии их удовлетворенности (неудовлетворенности) местом жительства. О своем положительном отношении к месту проживания заявили 66,3% респондентов в исследуемых городских поселениях и только 2,5% выразили отношение неудовлетворенности к месту проживания.

Для выяснения наиболее значимых параметров, определявших удовлетворенность местом проживания и влияющих на качество жизни горожан, были выбраны 15 независимых переменных, как то: отношения внутри семьи респондента; социальные отношения на месте проживания; наличие квартиры (дома); доходы, получаемые в данное время; работа в месте проживания; качество здравоохранения; условия для отдыха и развлечения по месту жительства; качество естественной окружающей среды; качество транспортных услуг между местом жительства и внешним миром; качество услуг для населения; деятельность общественных административных служб; деятельность школ и образовательных учреждений; деятельность местной церкви; деятельность мэра (главы администрации); деятельность политических партий. Эти независимые переменные соотносились к зависимой переменной (общим уровнем удовлетворенности местом жительства)

Исследования показали, что значения переменных, определявших оценку отношения жителей к месту проживания, в отдельных странах были различными.

В канадских городских поселениях отношение жителей к месту проживания определялось, прежде всего:

- качеством социальных отношений в данном месте - (0,254),

- качеством услуг для населения - (0,209),

- возможностями работы - (0,157)

- качеством работы местных структур власти - (0,172).

В польских городских поселениях отношение жителей к месту жительства характеризовалось:

- качеством социального отношения - (0,174),

- материальным положением респондентов - (0,180)

- качеством работы местных органов власти - (0,213).

В болгарских и российских городских поселениях самыми важными факторами, определявшими отношение к месту жительства, являлись:

- качество социальных отношений, существующее в семьях респондентов (соответственно 0,171 и 0,323),

- качество социальных отношений в месте жительства (соответственно 0,163 и 0,299)

Для выяснения интегральной связи между зависимой переменной и независимой переменной (состояние окружающей природной среды) использовался линейный коэффициент Пирсона (r) [1, С.257, 399]. Исследование этой взаимосвязи показало, что ранг переменной «состояние окружающей природной среды» среди 15 независимых переменных, находится в первой четверке значимых параметров качества жизни. Такое положение свидетельствует о том, что качество природной среды в оценке респондентами качества жизни социально значимо.

Вместе с тем, выяснение интегральной связи между зависимой переменной и состоянием природной среды показало на дифференциацию отношения к состоянию природной среды среди городских поселений в исследуемых

странах. Так, для канадских поселений этот показатель не детерминирует дифференциации отношения жителей к месту проживания (0.08), для польских - природная среда играет незначительную роль (0.08) в определении отношения к месту проживания (польские респонденты оценивают ее как важное условие для отдыха и развлечений). Иная ситуация в оценках респондентов болгарских и российских малых сельских и городских поселений, где состояние природной среды в большей степени дифференцирует их отношение к месту жительства. Однако это не означает, что качество природной среды в российских и болгарских городских общинах выше, нежели в Канаде. В Восточном Квебеке оценки окружающей природной среды являлись самыми высокими и наиболее однородными (0,81). Примерно 92% канадских респондентов положительно оценивали качество природной среды в их месте жительства. Однородность оценок не различала, таким образом, отношения респондентов к месту проживания. Другими словами, в Канаде качество окружающей среды не представляет никакой главной угрозы, следовательно, не порождает различного отношения. Оно не является критерием, значительно отличающим качество жизни в данном месте. В болгарских и российских городских и сельских поселениях качество окружающей среды оценивалось как очень критическое. Во многих из этих поселений вопросы экологии отражают основную угрозу и нерешенную социальную проблему. На такое положение указывают также и данные Фонда «Общественное мнение», проводившего опросы в 2007 году, 72% населения России обеспокоены экологической ситуацией в

Таблица 1
Распределение ответов на вопрос: Как Вы оцениваете экологическую обстановку там, где живете?, в %

	2005 год	2006 год	2009 год	2010 год
В целом	13%	12%	7%	4%
благополучно	31%	29%	31%	30%
Скорее благополучно	46%	47%	49%	50%
Скорее неблагополучно	9%	10%	9%	14%
Близка к катастрофе	1%	2%	4%	2%
Трудно сказать				

стране, при этом 60% опрошенных россиян считают, что за последние годы экологическая обстановка в стране ухудшилась [2]. Мониторинг ВЦИОМ о состоянии экологической обстановки в РФ, составленный за период с 2005 по 2010 гг., подтверждает вышеуказанную тенденцию и выглядит следующим образом (табл. 1) [3, С.6].

Исходя из анализа данных составленного мониторинга, можно видеть, что количество ответов респондентов, характеризующих состояние природной среды в стране как благополучное, сокращается (с 13% до 4%), и увеличивается процент ответов, характеризующих состояние природной среды в стране, как близкое к катастрофе (с 9% до 14%).

У респондентов опасения вызывают такие факты, как антисанитария в населенных пунктах, вредное воздействие на природу производственных объектов и техники. Например, в пос. Ильинское вызывает тревогу заполнение шахт после вывода ракетного оборудования, списанной продукцией, содержащей вредные химические элементы; непродуманное и повсеместное использование химических препаратов на полях приводит отрицательным эффектам в окружающей природной среде; низкое качество состояние воды

может привести к заболеваниям различного рода среди населения; нередко неконтролируемая вырубка лесных массивов вблизи мест проживания сокращает возможности сбора лесных продуктов и т.д. Следовательно, ухудшение экологии в местах проживания людей является существенным критерием, различающим качество жизни в определенном месте.

Значимость природной окружающей среды определяется поведенческой позицией (активной или пассивной) самих жителей, т.е. формированием у них проэкологического отношения. Для выяснения данной проблемы необходимо было изучить вопрос об интенсивности такого отношения и его структуре. Достижение этой цели предполагало построение шкалы, составленной из положительных ответов респондентов на вопросы, касающиеся оценки качества природной окружающей среды; обращения с природной окружающей средой как с общепризнанной ценностью; общественного поведения, направленного на сохранение и поддержание природной среды. Шкала включала все существенные измерения отношения к природной среде. Среди вопросов, заданных респондентам, были следующие:

1. Обсуждаются ли темы, касающиеся защиты экологии и угроз для цивилизации, в кругу Ваших знакомых и друзей, (ДА – НЕТ)

2. Скажите, с каким из следующих утверждений Вы согласны:

- важно развивать деловую деятельность, даже, если иногда она наносит вред, для окружающей природной среды;

- защита окружающей природной среды так важна, что ее не следует приносить в жертву экономическим проблемам?

3. Удовлетворяют ли Вас те усилия, которые предпринимают влас-

ти и жители, чтобы сохранить желаемое качество окружающей среды в месте проживания? (ДА – НЕТ)

Анализ табличных данных показал, что, в общем, уровень проэкологического отношения в обследованных поселениях был довольно низким. По 5-бальной шкале, где минимум был 0, а максимум 5, средние значения для всех проанализированных стран оставались ниже теоретического центра шкалы. Самое высокое проэкологическое отношение было отмечено респондентами в поселениях Восточного Квебека (2,3–2,5), жители польских поселений были на втором месте (в среднем 2,120), болгарские респонденты – третьими (в среднем 1,756), и российские респонденты – четвертыми (в среднем 1,660).

Примененный при анализе интенсивности проэкологических отношений тест Дункана [4], позволил обнаружить статистически существенные отклонения в степени экологического отношения между канадскими, с одной стороны, болгарскими и российскими респондентами в малых городских поселениях, – с другой стороны. Это означало, что уровень проэкологического отношения в исследованных поселениях России и Болгарии был вполне схожим и значительно отличался от уровня подобного отношения, обнаруженного в канадских поселениях. Уровень проэкологического отношения в польских поселениях изменялся в статистически значимой величине как по отношению к уровню в канадских, так и к уровню в российских и болгарских городских поселениях. Отклонения между польскими (2.120) и канадскими (2.531) респондентами, а также между польскими (2.120), с одной стороны, болгарскими (1.756) и российскими (1.660), – с другой, намного меньше, чем между ка-

надскими и российскими, болгарскими респондентами.

Проекологическое мнение, формируемое среди жителей указанных выше поселений, выяснялось посредством постановки вопросов, содержащих оценочные измерения:

1. Окружающая среда является таким важным вопросом, что ей нельзя жертвовать ради экономического развития (измерение отношения к ценности).

2. Качество окружающей среды является определенным атрибутом места проживания (оценочное измерение отношения).

3. Положительная оценка попыток, предпринимаемых местными властями и жителями для сохранения качества окружающей природной среды в месте проживания (оценочное измерение отношения).

4. Разговоры о защите окружающей природной среды среди знакомых и друзей (поведенческое измерение отношения).

5. Участие в действиях, направленных на защиту окружающей среды (поведенческое измерение отношения).

Результаты показали, что жители обследованных поселений сильно вовлечены в создание общественного мнения по отношению к окружающей среде, но, вместе с тем, как показали социологические данные, они не участвуют в коллективных действиях, нацеленных на защиту окружающей среды. Таким образом, преобладающим отношением является отношение наблюдателя, а не непосредственного участника. Так, по данным Всероссийского опроса 2007 года 70% респондентов возлагают ответственность за экологическую ситуацию в своем регионе на местные власти, а 40% - на предприятия, фабрики и заводы [2].

Окружающая природная среда, как общепризнанная ценность,

противовес безжалостному первенству экономических ценностей, в большей мере, представлена в ответах респондентов восточно-европейских стран (от 83% до 76%), чем в Квебеке (10%). Вариации в этом отношении между Болгарией, Польшей и Россией статистически незначительны (соответственно 83,2%, 79,3%, 75,8%).

Исследования показали на различные мнения касательно оценочного измерения отношения качества природной окружающей среды в месте проживания респондентов. Так, жители канадских поселений более удовлетворены природной средой в местах своего проживания (92,5%), чем респонденты, представляющие восточно-европейские поселения. Последние очень редко упоминают природную окружающую среду в качестве положительного фактора в местах их проживания (Болгария - 0,5%, Польша - 10,4%, Россия - 6,5%).

Оценочное измерение ответственности и заботы со стороны власти и самих жителей за состоянием природной среды в местах их проживания показало, что положительно к этому относятся в поселениях Восточного Квебека - 81,6%, польских - 49,2%, болгарских - 17%, российских - 9,8% респондентов.

Можно, следовательно, признать, что общий низкий уровень экологического отношения в изученных поселениях формируются исходя из полного отсутствия участия респондентов в местных действиях, направленных на решение проблем окружающей среды. Самое высокое положение, занимаемое канадскими респондентами на шкале экологического отношения, получается, в основном, вследствие высокой оценки, приписываемой жителями Восточного Квебека качеству окружающей сре-

ды и озабоченности, которую демонстрируют жители общины по месту жительства.

Исследование позволило выделить два фундаментальных типа экологического отношения. Первый из них характеризуется направленностью на экономические ценности и, одновременно, высокой степенью удовлетворенности качеством окружающей среды в месте проживания, и другой – с сильной направленностью на экологические ценности и низким уровнем удовлетворенности качеством окружающей среды по месту жительства. Первый тип отношения наблюдался в Восточном Квебеке, второй – во всех проанализированных восточно-европейских общинах.

В свою очередь, учитывая степень (интенсивность) отношения к природной среде по шкале от 0 до 5 баллов и склонность респондентов перекладывать ответственность за решение проблем окружающей среды на различные организации, можно различать ряд основных типов экологического сознания и поведения.

Первый тип характеризовался слабой силой проэкологической ориентации и склонностью возлагать ответственность за решение экологических проблем по месту жительства исключительно на органы власти. Этот тип отношения не был многочисленно представлен во всем исследуемом населении. Его можно было чаще всего обнаружить в России. Так, по данным упомянутого Всероссийского опроса 2007 г., 70% респондентов возлагают ответственность за экологическую ситуацию в регионе на местные власти [2]. Этот тип отношений реже всего встречался в восточном Квебеке.

Второй тип характеризовался одинаково слабой силой отношения и склонностью перекладывать от-

ветственность за вопросы окружающей среды, как на жителей, так и на власти. Доля этого типа среди респондентов составила до 18 %.

Третий тип характеризовался средней интенсивностью отношения и склонностью возлагать ответственность за решение этих проблем исключительно на власти. Он проявился у 29 % респондентов и был наиболее обычным в Канаде (36,7 %) и в России (34,6 %) и наименее обычен в Болгарии (22,3 %).

Четвертый тип характеризовался средней интенсивностью проэкологического отношения и возложением ответственности за вопросы окружающей среды, как на власти, так и на жителей (27,6 % респондентов). Этот тип можно было чаще всего обнаружить среди болгарских респондентов (39,2 %) и наиболее редко среди польских (15,2 %).

Пятый тип, характерным для которого являлась высокая интенсивность отношения и ответственность только со стороны власти, был заявлен 17,5 % из всех респондентов. Этот тип отношения можно было обнаружить чаще всего в Польше (25,5%) и реже всего в Болгарии (9,1%).

Шестой тип характеризовался также высокой интенсивностью экологического отношения, склонностью возлагать ответственность за экологические проблемы, как на власти, так и на жителей. Он был заявлен 19,3% респондентов. Это отношение преобладало в польских общинах (24,7%), и наиболее слабо, было представлено в России (10,6%).

Если принять во внимание нормативное и эмоциональное измерение отношения, и ориентации на учреждения или граждан, или учреждения, как организации, ответственной за решение экологических вопросов, то будет оче-

видно, что в качестве результата такого комбинированного анализа переменных получатся определенные характеристики, которые существенно различают респондентов из отдельных стран.

Доминантной моделью экологического отношения канадских респондентов является первенство экономических ценностей перед экологическими ценностями. Респонденты оценивают относительно высоко состояние окружающей среды в их местах проживания, осознавая организационную ответственность за сохранение окружающей среды в соответствующем состоянии в структурах власти.

Привычная модель отношения преобладала у польских и российских респондентов. А именно, польские и российские респонденты отдают приоритет экологическим ценностям над экономическими ценностями, они дают отрицательную оценку современному состоянию окружающей среды в их месте жительства и пытаются возложить ответственность за состояние окружающей среды в основном на органы власти.

Другая модель экологического отношения преобладала в болгарских поселениях. Жители болгарских общин, подобно польским и русским, оценивают экологические ценности более высоко, чем экономические. Что касается настоящего состояния окружающей среды, то они оценивают его весьма отрицательно. Однако в отличие от польских и российских жителей, они не перекладывают полную ответственность за поддержание хорошего состояния окружающей природной среды в их месте жительства исключительно на власти.

В исследовании ставился вопрос и о факторах, определяющих степень интенсивности отношения

к природной среде в указанных малых городских и сельских поселениях. С этой целью были выполнены log-линейные уравнения регрессии, где зависимой переменной являлась позиция респондента на шкале отношения. В качестве независимых переменных были следующие: количество жителей, продолжительность проживания на данной территории, уровень образования, годовой доход, частота поездок за пределы территории, уровень местного политического участия или отчуждения, статус профессии, частота просмотра телевизора и прослушивания радио, степень принятия традиционной жизненной ориентации.

Степень проэкологического отношения можно объяснить двумя моделями.

Первую из них можно назвать рационализированной моделью. Она предполагает, что высокое проэкологическое отношение может наблюдаться в основном среди лиц с высоким образованием, имеющих высокий профессиональный статус, с высокими доходами, пространственно подвижными, часто использующими средства массовой информации. Эта модель предусматривает тип личности, который имеет положительное отношение к окружающей среде вне зависимости уровня образования.

Вторую модель можно назвать традиционной моделью. Она предполагает существование личности с низким социальным положением, невысоким уровнем образования, низкой степенью мобильности, низким уровнем использования средств массовой информации и высоким уровнем принятия традиционных ценностей.

Степень проэкологического отношения дифференцируется в указанных странах. Так, в Болгарии она возрастает вместе с ростом

размера поселения, в Канаде растет вместе с ростом размера поселения и меньшей склонностью жителей использовать средства массовой информации, в Польше, чем больше размер города или села и чем меньше доходы респондентов, и, наконец, в России интенсивность проэкологического отношения тем больше, чем ниже доходы респондентов.

Исходя из всего вышесказанного, сделаем следующие выводы:

Во-первых, окружающая природная среда наряду с качеством социальных отношений и качеством работы организационных структур - один из главных факторов, определяющих отношение к месту жительства. Однако она еще уступает таким ценностям как качество социальных отношений, качество работы местных властей или уровень материальной жизни респондентов.

Во-вторых, проэкологическое отношение не характеризуется еще слишком большой интенсивностью, оно проявляется, в основном, вокруг эмоционального и нормативного компонента.

В-третьих, в структуре проэкологического поведения в отдельных странах проявляются некоторые вариации. Так, в Канаде экономические ценности ценятся больше, чем экологические. Одновременно, состояние окружающей среды в этой стране оценивается много выше, чем в восточно-европейских странах. Жители болгарских, польских и российских малых сельских и городских поселений высоко оценивают окружающую среду как ценность, они выражают отрицательное мнение о состоянии окружающей среды в их месте проживания.

В-четвертых, результаты статистического анализа позволяют сделать предположение, что про-

экологическое отношение определяется, прежде всего, не качествами индивидов, а характерными чертами местных сельских и городских поселений.

Примечания

1. Коэффициент Пирсона (r) – коэффициент способствующий выяснению связи между зависимой переменной и независимыми переменными.

2. Тест Дункана способствует выявлению структуры социоэкологического комплекса и процесса установления зависимости между его элементами, приспособлению (адаптации) людей к среде их обитания. Социально - экологический комплекс состоит из ряда компонентов: население, среда, технология, культура, социальная организация. В данном тесте выявляется независимая переменная (коллективная адаптация людей к среде) и прослеживается характер ее связи с зависимыми переменными (технология, среда, социальная организация).

Литература

1. SPSS. Искусство обработки информации. М.- СПб – Киев. 2005. С.257, 399.

2. Экология в России: оценка ситуации [Электронный ресурс].- <http://www.regnum.ru/news/560269.html>

3. Экология хуже всех. Данные ВЦИОМ (опрошено 1600 человек в 42 регионах РФ). / Хронометр – Иваново.17.08.2010. N33. С.6.

4. Duncan O. Introduction to Structural Education Models (Введение в структурные модели уравнений). Чикаго. 1966); он же. Social Organization and the Ecosystem: Handbook of Modern Sociologie (Социальная организация и экосистема. Учебник современной социологии. Чикаго. 1964).

ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Карл Шмитт: общество и государство

Афанасьев В. В.

К. Шмитт разработал важное для современной политологии понятие «политического врага» и рассматривал гражданское общество и государство как две враждующие социальные силы. Шмитт проследживает эволюцию европейских политических форм через призму взаимодействия государства и общества, соотношение которых, по его мнению, в истории Европы постоянно менялось. При этом общество понимается как сфера частных, семейных интересов, которые не совпадают с государственными интересами. Ключевые слова: Карл Шмитт, понятие политического, понятие схожести, мировая политика.

Afanas'ev V.V.

Carl Schmitt: Society and State

K. Schmitt worked great for a modern political science concept of «political enemy» and considered the civil society and the state as the two warring social forces. Schmitt traces the evolution of European political forms through the prism of interaction between state and society, the relation which, in his opinion, in the history of Europe is constantly changing. The society is understood as the sphere of private, family interests, which do not coincide with the public interest.

Key words: Carl Schmitt, the concept of the political, the concept of similarity, the global policy.

Карл Шмитт (1888–1985) - известный немецкий юрист, внесший важный вклад в развитие политической социологии XX века. Его работы «Понятие политического» (1932), «Земля и Море» (1942) и другие стали известны далеко за пределами Германии. Шмитт разработал важное для современной политологии понятие «политического врага» и рассматривал гражданское общество и государство как две враждующие социальные силы.

Государство и общество

Шмитт проследживает эволюцию европейских политических форм через призму взаимодействия государства и общества. Общество для него это сфера частных, а лучше сказать семейных интересов, которые не всегда совпадают с государственными интересами. Эти понятия он взял из юридических наук, где традиционным является деление

права на частное и государственное.

При этом соотношение государства и общества в истории Европы постоянно менялось. Так, по мнению Шмитта, имела место смена «абсолютного» государства XVIII века, которому не противостояло общество, на «нейтральное» государство XIX века, стоявшего над обществом и, наконец, на «тотальное» государство XX века, в котором государство и общество проникают друг в друга. Дуализм государства и общества ведет к дуализму диктатуры и парламентаризма, мероприятия и нормы, приводит к борьбе исполнительной и законодательной власти.

Шмитт различает стадии перехода от конституционного государства к партийному государству и от партийного государства к тотальному государству. Конституционное государство XIX века, по его мнению, состояло из правительства, монархической бюрократии и армии, которым противостояло гражданское общество. В этот период государство и общество находятся в состоянии баланса сил. Этот баланс нарушается когда наступает господство парламентского правового государства. Задача парламента состояла во внедрении образованной буржуазии в монархическое государство. Важным моментом здесь становится участие народных представителей в правительстве.

В тот момент, когда правовое государство побеждает монархическое, оно превращается в плюралистическое партийное государство. Сформированное парламентом правительство, резко теряет теперь свою эффективность и занимается бесконечными дискуссиями. Партийное государство является переходом к тотальному государству.

Критика либерализма

Шмитт борется с либерализмом и формулирует важные проблемы развития европейской демократии в условиях становления массового общества. Считая войну наивысшим выражением политики, он не боится показать все ее опасности и негативные стороны, в то время как либералы стремятся сделать политику безопасной, безобидной и даже удобной. Не случайно у Шмитта в основе политической деятельности лежит готовность человека к смерти.

Шмитт обратил внимание на то, что благодаря распространению либерализма снижается политичность общественной жизни. В то же время развивается процесс «тотализации» государства, благодаря развитию в тени либерализма демократии. Таким образом, Шмитт различает «аполитический» либерализм, который он еще называет денатуратом политики и его врага в лице «политической» тотальной демократии.

Согласно Шмитту не существует либеральных теорий политики, а есть только либеральная критика политики. Смысл либерализма он видит в борьбе против насилия со стороны государства. Причиной либерализма является индивидуализм, основанный на абсолютизации свободы личности. Либерализм считает задачей государства и политики создание условий для индивидуальной свободы и устранение всех ее преград.

Либерализм не способен на радикализм, на решительность, которая так важна в политике. Для него типична двойственность, поляриность мышления, в нем отсутствует жесткая сердцевина и принципиальность. Либерализм мечется между этикой и экономикой, ставя во главу угла то одно,

то другое. Для него характерен как этический пафос, так и экономическая деловитость. Он не хочет видеть сущности политического в борьбе этики и экономики. Может показаться, что либерализм стоит на позициях экономики, но на самом деле он не может сделать выбор между этикой и экономической. Согласно либеральной доктрине государство подлежит подчинению или индивидуалистической морали или экономическим категориям.

В области внешней политики либерализм стремится создать мировую систему, которая бы раз и навсегда исключила войну между народами, как нечто неэтичное. На деле же эта система представляет собой ничто иное как инструмент экономического империализма. Современный экономический империализм, являющийся реальным воплощением либерализма, пытается подменить понятия и не называет врага врагом, а «нарушителем мира», а войны ведет под моральными лозунгами «крестовых походов».

Благодаря либерализму возникает сфера, лишенная политики, состоящая из дискуссий, а не из борьбы, из человечества, а не из государств, из программ, а не из самоутверждения, из экономического контроля, а не из политического господства. Шмитт упрекает либерализм в непоследовательности, в игнорировании деления на друзей и врагов, которое является сущностью политического¹.

В качестве альтернативы либерализму, по мнению Шмитта, может выступить лишь коллективизм. Важное значение при этом имеет отношение человека к смерти. Если индивидуализм считает, что человек сам должен распоряжаться своей жизнью, то коллективизм призывает пожертвовать

ею ради коллектива. Политический коллективизм выступает не только за самопожертвование, но и готов жертвовать жизнями других людей.

Тоталитарная демократия

В отличие от других современных ему исследователей Шмитт обратил внимание на то, что демократическое правление с неизбежностью ведет к «тотализации» государства, когда ранее нейтральные по отношению к политике области религии, культуры и экономики становятся ареной политической борьбы.

Либерализм способствовал тому, что сфера политического, ранее имевшая свои четкие границы, стала размываться. Одновременно с этим процессом начали политизироваться другие сферы общественной жизни. Но распространение политики на другие сферы, как и использование их для достижения политических целей, означает для Шмитта не что иное, как начало процесса «тотализации» государства.

По мнению немецкого ученого, демократическим государство становится в тот момент, когда заканчивается процесс «располитизации» общества, начатый либерализмом. Осуществление демократии связано с устранением либерализма и его главного продукта – буржуазного правового государства. Демократия является процессом уничтожения этого государства. Если либерализм Карл Шмитт считает антиполитическим, то демократию – слишком политической, слишком навязчивой, стремящейся как можно шире трактовать политические проблемы.

Демократия останавливает процесс деполитизации, начатый ли-

берализмом и меняет партийное государство на тотальное государство, в котором государство и общество глубоко проникают друг в друга. Тем самым стираются противоречие между государством и обществом, между государством и экономикой, а политика проникает во все сферы человеческого мышления и деятельности. Таким образом, по Шмитту для устранения дуализма государства и общества необходимо создание тотального государства, абсолютной монархии, которая отличается от прежнего абсолютизма тем, что вовлекает в политику весь народ, всего человека.

Кризис парламентаризма

Анализируя политику Веймарской Германии Шмитт приходит к выводу, что наступил кризис парламентаризма. Он рассуждает следующим образом. Важным принципом парламентаризма является открытость. Депутаты должны быть представителями всего народа, а не отдельных партий. Законодатель должен быть отделен от того, кто следит за соблюдением законов.

Но это в теории, а на практике, происходит все наоборот. Дискуссии становятся пустой формальностью, партийные лидеры обо всем договариваются заранее, так, что результаты голосования можно точно предсказать. Решающим является не суть дела, а возможности получить те или иные выгоды, при этом речи служат только для прикрытия корыстных интересов отдельных групп. В результате гарантированные конституцией права постоянно нарушаются, а новые законы возникают благодаря произволу отдельных групп и тем самым дискредитируются. Происходит формализация права, когда любая команда сверху легко об-

лекается в форму закона и легализуется, утверждается парламентом и становится обязательной для судий. Постепенно законами становятся отдельные мероприятия правительства, хотя они в принципе не должны зависеть от последних.

Все это ведет в конечном счете к превращению правого государства в «сложный абсолютизм»². От власти закона быстро приходят к власти организаций, занимающихся законодательством. Одновременно происходит нарушение политического единства государства. Партии трансформируются в организации, тотально контролирующие своих членов.

Идея парламента, как центра открытых дискуссий, ведущих к принятию правильных законов предполагает, что в нем должна быть собрана вся элита нации. Депутат должен быть интеллигентным, иметь хорошее образование и отстаивать независимую позицию. На деле же все депутаты стремятся провести точку зрения своей партии. Всех, кто сопротивляется этому, принуждают всевозможными методами. Политический вес фракций определяется исключительно числом их мандатов. Проводить публичные дискуссии в парламенте, отражая интересы всех классов невозможно. Постепенно парламент теряет свой представительский характер и превращается в аппарат обычного министерства.

Диктатура партий

Парламентская система немыслима без партий, которые должны объединиться в парламенте, признанного координировать многообразие их политических волей. Партии основаны на принципе свободной пропаганды своих идей и программ. Они не должны быть слишком жесткими поскольку мо-

гут помешать необходимым социальным преобразованиям.

На практике же партии Веймарской Германии, по мнению Шмитта, представляют собой хорошо организованные образования, имеющие сильную, состоящую из оплачиваемых функционеров бюрократию и сеть более мелких организаций, находящихся под их влиянием. Каждая партия стремится развиваться в идеологическом, экономическом направлении и по возможности расширять сферу своего политического влияния. Все это приводит к тому, что государственное единство начинает страдать от укрепления партий. Государственная воля становится зависимой от частных, порой сиюминутных интересов.

Правительства, основанные на союзах наиболее влиятельных партий, как правило не способны проводить последовательную государственную политику, но в состоянии никого другого не подпустить к власти. Участвующие в этих правительствах партии всячески добиваются для себя экономических выгод и хотят получить как можно больше хорошо оплачиваемых мест в органах власти различного уровня. Партии же, которые действительно отстаивают государственные интересы, вынуждены принять эти правила игры, чтобы не быть полностью отстраненными от политики.

Аналогичные проблемы намечаются и в подборе кадров для государственной службы. Вместо того, чтобы выбирать на ответственные посты наиболее добросовестных и ответственных чиновников, эти места распределяются между партийными функционерами. Шмитт постоянно подчеркивает, что депутаты должны избираться непосредственно избирателями, а не выдвигаться от партий.

В то же время благодаря различного рода барьерам, мелкие партии лишаются возможности участвовать в работе парламента.

Во время выборов все больше выбирают не независимых кандидатов, а представителей партий по партийным спискам. Граждане, не состоящие в партиях, должны выбирать одну их существующих партий, хотя они не поддерживают их программ и их лидеров. Выборы превращаются в раздел государства на несколько хорошо организованных социальных комплексов. Депутаты становятся функционерами, получающими указания извне, как правило, от руководства своих партий, и полностью не зависят от граждан, интересы которых они якобы представляют. Обсуждение законов превращается в пустой фарс. Политические партии используют все политические инструменты для борьбы с другими партиями, а все партии вместе борются с государством³.

Государство теперь полностью подчиняется экономике, которая определяет не только всю внутреннюю политику, но и почти полностью политику внешнюю. Любая государственная экономическая программа приносит выгоды отдельным фирмам, которые в свою очередь выделяют средства на функционирование своих партий. Попытки уйти государства из этого замкнутого круга заранее обречены и ведут в конце концов к полному разрушению государственного единства, к «бегству от политики», к кризису и распаду государства⁴.

Парламент, партии и выборы не соответствуют большому заложенному в них изначальному смыслу. Выход из сложившейся ситуации Карл Шмитт видит на путях усиления социальной однородности общества. Только она способна привести к ситуации, когда фи-

зическое насилие больше не требуется. Но достижение социальной однородности не может происходить безболезненно, поскольку обществу необходимо будет избавиться от таких своих членов, которые каким-то образом не будут вписываться в общий стандарт поведения и мышления.

Другим решением сложившихся в Веймарской Германии политических проблем немецкий ученый считает отмену многопартийности, которая угрожает государственному единству. Дело в том, что государственное единство нельзя передавать в частные руки, никаким посредникам, в лице ли партий, или каких-либо других организаций. Даже незначительная потеря государственного единства приводит общество к гражданской войне, то есть к такому состоянию, когда государство может распасться, а обществу погибнуть. Чтобы избежать этого необходимо, по мнению Шмитта, харизматический диктатор, способный объединить вокруг себя остатки государственно мыслящей политической элиты и остановить сползание общества в пучину перманентной гражданской войны, способной не оставить камня на камне от бывшего государственного могущества.

Шмитт предлагает два варианта: первый – переход к однопартийной системе, второй – создание большого национального мифа, способного вытеснить миф о демократии и парламентаризме. Безвыходность политической ситуации в Германии того времени состояла в том, что легальными конституционными мерами невозможно было сохранить политическое единство общества. Поэтому, по Шмитту, необходим диктатор, который бы поставил себя выше конституции, и отменил бы ее. Легитимность «суверенному дик-

татору» должен дать народ, поскольку именно он является основой любой власти и конституции. Народ имеет право отказаться от прежней конституции⁵. Субъектом политических решений в этом случае может выступить наиболее организованная политическая группа, которую Шмитт склонен называть не партией, а «орденом».

Понятие схожести

Важное значение в политической теории Карла Шмитта играют понятия вождизма⁶ и схожести. Понятие схожести является элементом, объединяющим вождя и его свиту. Наличие схожести способствует тому, что противоречия между вождем и его свитой становятся невозможными, поскольку они представляют собой явления одного порядка, внутренне близкие друг другу. Свита вождя – это такие же вожди, только более мелкого масштаба. Сходство вождя и его свиты объединяет их в единое целое.

Не желая говорить открыто о расовой тематике, Шмитт использует понятия схожести в значении единой расы, единой этнической природы, единых привычек и убеждений. Это понятие играло в тогдашней Германии важную роль поскольку помогало выявить врагов народа, то есть тех, кто так или иначе был против немецкого государства. Понятие схожести было для Шмитта гарантом политического единства общества, лежало в основе взаимного доверия вождя и его свиты, помогало не перерасти власти вождя в тиранию произвола.

Идентичность, по Шмитту, – это основанная на понимании своей внутренней схожести способность народа к политическим действиям⁷. Однако политическое единство общества проявляется не в идентичности, а в репрезента-

тивности. Демократия тесно связана с понятиями схожести и идентичности, с представлением о равенстве людей. Идентичность отражает общность главы государства и его граждан, правительства и подвластных. Все они равны. Это равенство связано с принадлежностью к конкретному народу, что означает для Карла Шмитта отказ от либерального индивидуализма.

К сожалению, после прихода к власти нацистов, понятие схожести стало интерпретироваться как одинаковость, как биологическое равенство, как расовая гомогенность. Социальную гомогенность стали понимать как родство крови, как биологическое сходство, что в корне отличалось от шмиттовского понятия схожести. В то же время стремление к схожести и диктатуре вождя являются для Шмитта теми основными условиями, которые способны вывести Германию из политического кризиса.

Схожесть, по мнению Шмитта, должна лежать и в основе права. Современное общество настолько усложнилось, умножились возможности для новых конфликтов, так что прежняя система социальных норм уже не работает. Судьи в своих решениях не могут ссылаться на эти нормы, что создает массу юридических проблем. В данной ситуации все судьи должны быть подчинены государственной партии, которой доверено сохранение политического единства общества.

Идеалом правового государства является сведение всей государственной жизни к юридическим формам. В результате этого происходит политизация юстиции. Карл Шмитт высказывался против превращения политики в юриспруденцию. Он предлагает полностью отказаться от теории правового государства, которая, по его

мнению, является продуктом эпохи господства либерального индивидуализма. Именно тогда право начали сводить к «позитивистскому нормативизму», в то время как право не существует вне государства и те, кто пытается поставить право на первое место, втайне хотят разрушить государство.

Понятие схожести Шмитт использует и для интерпретации международной политики. В работе «Национал-социализм и международное право» (1934) он утверждает, что международное право должно учитывать особенности конкретных народов. В международных делах речь идет не только об установлении определенных правил, но и о том, как народы привыкли жить, какие нормы и ценности у них существуют. Международное право не должно быть только сводом абстрактных правил, применимых для всех времен и народов, а должно в первую очередь учитывать специфику каждого государства, особенности культуры каждого народа. Необходимо стремиться к единству юридических норм и народных обычаев.

Друг – враг

Несмотря на то, что в своих работах Карл Шмитт поднимает множество важных для политической социологии проблем, тем не менее наибольший интерес представляет его трактовка сущности политики⁸. Сопоставляя политическую сферу с экономикой и религией, он приходит к выводу об относительной самостоятельности этих сфер. В каждой сфере имеются свои закономерности и принципы. Так в экономической сфере речь идет о получении прибыли и оптимизации издержек, в религии главное – спасении души отдельного человека. Что же касается собственнос-

тей политической сферы, то до Шмита не давалось уловить ее специфику в такой ясностью, как это сделал немецкий ученый. По его мнению, в сфере политики речь всегда идет о бесконечной борьбе за выживание, которая приводит к постоянному образованию коалиций и союзов, с одной стороны, и к войнам – с другой стороны. То есть политики должны всегда искать себе друзей, чтобы бороться со своими врагами.

Особое внимание Шмитт уделяет понятию врага, который, по его мнению, не обязательно должен быть плохой или некрасивый, но в силу того, что он враг, его следует уничтожить. Враг – «не конкурент и не противник, ненавидимый в силу чувства личной антипатии. Враг – это борющаяся совокупность людей, противостоящая другой совокупности»⁹. Речь не идет и о личной неприязни. Враг может оказаться вполне симпатичным и добрым, но тем не менее в силу политических причин он должен быть элиминирован¹⁰.

Политические проблемы могут возникнуть в любой сфере, если противоречия обостряются до такой степени, что люди готовы начать борьбу не на жизнь, а на смерть. Часто пугают политические противоречия с экономической конкуренцией, но Карл Шмитт убедительно показывает, что в отличие от экономической конкурентной борьбы, которая не связана с уничтожением людей, политические противоречия всегда ведут к военным конфликтам и к борьбе с внутренними врагами. В политических конфликтах часто вопрос стоит о том «кто – кого», и если врага не уничтожить, то он уничтожит тебя. То есть бытие чужого является отрицанием собственного бытия, поэтому необходимо врагу дать отпор и одержать над ним победу. Шмитт пишет: «На-

прашивается трактовка врага как злого и безобразного... Морально злое, эстетически безобразное или экономически вредное само по себе еще не является врагом в политическом смысле. Морально доброе, эстетически прекрасное и экономически полезное не становится автоматически политическим другом»¹¹.

Понятие врага всегда предполагает реальную возможность войны. Причем, войны могут вестись как между политическими единицами и так и внутри политических единиц (гражданская война). «Понятия «друг», «враг», «борьба» получают реальный смысл благодаря тому, что они связаны с реальной возможностью физического убийства. Война следует из вражды, ибо эта последняя есть отрицание чужого бытия. Война есть только крайняя реализация вражды. Она... всегда остается реальной возможностью»¹².

Политический конфликт созревает тогда, когда люди начинают делиться на друзей и врагов, поэтому политические понятия имеют часто полемический смысл. Выдающиеся политики являются как мастерами в создании коалиций, в дружбе, так и во вражде – в умении побеждать своих политических противников.

Карл Шмитт считает, что любое политическое действие – это всегда боевое действие, а задача политиков состоит в том, чтобы в каждый момент вновь и вновь обращаться к вопросу о том, кто является другом, а кто является врагом. Можно сказать, что это их право и основная обязанность состоит в том, чтобы решать это за других: «Война имеет свои собственные, стратегические, тактические и другие правила, которые предполагают политическое решение о том, кто есть враг. В войне противники открыто противостоят

друг другу, обычно отличаясь даже униформой, когда проблем врага уже решена, и ее не нужно решать каждому солдату. Вот почему верны слова одного английского дипломата: «Политик лучше подготовлен для борьбы, чем солдат, ибо он сражается всю жизнь, в то время как солдат лишь в исключительных случаях».¹³

Определенная жесткость политики состоит в том, что в случае, если кто-то будет объявлен врагом, он должен быть готов к тому, что против него могут быть направлены все средства государственного принуждения.

Карл Шмитт о международной политике

Шмитт выступает против пацифистских теорий, предлагающих исключить войну из средств международной политики: «Война - это вообще не цель и даже не содержание политики, но как реальная возможность она присутствует всегда, определяет мышление и формирует специфическое политическое поведение»¹⁴. Народ не должен специально искать себе друзей и врагов, но нельзя и избегать войны любой ценой.

Для Шмитта внутреннее право имеет приоритет перед международным правом. По его мнению, нельзя подгонять внутренние законы страны под международные нормы и требования, а, наоборот, международное право должно в первую очередь учитывать национальное законодательство и обычаи конкретных стран. Шмитт приходит к выводу, что отношения родственных народов всегда лучше отношений чуждых друг другу народов. Здесь можно видеть некоторую аналогию с понятием схожести, которое использует Шмитт для анализа внутренней политики. Также как и внут-

ри государства схожесть граждан позволяет избегать множества социальных конфликтов, также и схожесть народов позволяет надеяться на то, что между ними не будет военных конфликтов.

Успешно могут сотрудничать между собой только те государства, которые близки друг другу по крови, по языку, по своим привычкам и традициям. И, наоборот, сильно отличающиеся друг от друга народы как правило конфликтуют. Поэтому народы должны, вступающие в политические союзы должны учитывать степень культурной близости государств, родственность народов их составляющих. Гомогенные политические союзы гарантируют минимальный потенциал политических и других конфликтов, а также способны сохраняться более длительное время.

Европейские нации могут создать новый политический союз, поскольку они обладают достаточной культурной однородностью и этнической близостью. Он говорит о «семье» европейских народов, о едином «европейском доме», подчеркивая тем самым их духовную, культурную и историческую общность. Новый европейский порядок должен опираться на дух этой общности и только он способен гарантировать политическое существование европейским нациям в будущем.

В своей теории «больших пространств» Карл Шмитт развивает идею том, что мелкие сухопутные государства стремятся объединиться в «государство-континент», создать единое «большое пространство» - империю, как некое наднациональное политическое образование. В книге «Государственный суверенитет и открытое море» (1941) Шмитт утверждает, что в мировой политике имеет место борьба двух больших пространств: англосаксонского (Англия и Америка) и

евразийского (Германия и Россия).

Партизан, как представитель континентальных народов, призван бороться против демократии, так как связан с землей, он является единственным оружием сухопутных государств в борьбе с морскими¹⁵. Шмитт обращает внимание также и на дуализм кочевых и оседлых народов. «Номос земли», по его мнению, противоположен «Номосу моря», поэтому имеет место извечная борьба Суши и Моря¹⁶. Связь с землей порождает консерватизм и традиционализм, связь с морем — либерализм и анархию.

Анализ политической социологии Карла Шмитта, показывает, что он внес в современную политическую социологию целый ряд новых понятий и трактовок политических процессов. Даже краткое знакомство с его политической концепцией позволяет сделать вывод о том, что она по-новому трактует такие понятия как демократия, правовое государство, тоталитаризм и др. Кроме того, многие политические проблемы Веймарской Германии во многом напоминают процессы, происходившие в России после распада Советского Союза. Все это позволяет предположить, что концепция Карла Шмитта может быть использована для анализа современной российской политики.

Ссылки:

1 Schmitt C. *Der Begriff des Politischen*. Berlin, 1963. S. 26.

2 Schmitt C. *Legalitdt und Legitimitdt*. Mьnchen, 1932. S. 24.

3 Все это прекращается после демократического поворота к тотальному государству, который приводит к тотальному разложению общества.

4 За всеми этими явлениями Шмитт видит кризис идеи «всеобщей воли», которая высказывалась во многих демократических теори-

ях, в частности у Ж.Ж. Руссо. «Всеобщая воля» заменяется суммой волей отдельных личностей, в чем проявляется кризис европейской либеральной буржуазной политики.

5 В связи с приходом в 1933 году к власти в Германии национал-социалистов прежняя конституция была легально отменена. Несмотря на внешнюю легитимность перехода государственной власти в руки нацистов, Шмитт отмечал, что в данном случае имела место политическая революция. Во время выборов 5 марта 1933 года немецкий народ сделал свой выбор и выбрал себе нового вождя. В результате партия Гитлера стала той организацией, которая составила на тот момент ядро немецкого государства.

6 Понятие вождизма в свою очередь распадается на понятие вождя и его свиту.

7 Schmitt C. *Verfassungslehre*. Mьnchen, 1928. S. 205.

8 Речь идет прежде всего о его работе «Понятие политического» (1932).

9 Шмитт К. Понятие политического. М., 2011. С. 23.

10 Иногда врагов путают с научными оппонентами. Как в экономике нет врагов, а есть только конкуренты, так и в науке есть только оппоненты, с которыми ведется научная дискуссия.

11 Шмитт К. Понятие политического. М., 2011. С. 22.

12 Там же. С. 27.

13 Там же. С. 27.

14 Там же. С. 27.

15 Кроме теории партизан, как формы политической и военной тактики континентальных народов Карл Шмитт предложил теорию «прав народа», направленную против либеральной теории «прав человека».

16 Schmitt C. *Land und Meer. Eine weltgeschichtliche Betrachtung*. Leipzig, 1942.

Современная Восточная Европа: границы понятия и геополитическая организация

Бовдунов А.Л.

В статье критически рассматриваются концепты «Восточной Европы» и «Центральной Европы». Устанавливаются границы этих понятий, а также их геополитические коннотации. Автор рассматривает эти географические образы в качестве правящих дискурсов, обладающих значительным геополитическим измерением. Рассматривается геополитическая структура Восточной Европы с введением дополнительных этносоциологического и цивилизационного уровней. Автор предлагает исследовать возможность альтернативной геополитической организации Восточной Европы.

Ключевые слова: географический образ, геополитика, дискурс, ориентализм, социология, Восточная Европа, Центральная Европа, мягкая сила, этносоциология.

Bovdunov A.L.

Contemporary Eastern Europe: the boundaries of the concept and geopolitical organization

The article critically examines the concepts of "Eastern Europe" and "Central Europe". The boundaries of the concepts as well as their geopolitical connotations are established. The geographical images are evaluated by the author as ruling discourses having serious geopolitical dimension. The geopolitical structure of Eastern Europe and its additional ethnosociological and civilizational levels are examined. The author proposes to research the possibility of Eastern Europe's alternative geopolitical organization.

Key words: geographical image, geopolitics, discourse, orientalism, sociology, Eastern Europe, Central Europe, soft power, ethnosociology.

Восточная и Центральная Европа как географические образы

Когда заходит речь о Восточной Европе, как правило, никому не нужно пояснять, с чем мы имеем дело, это понятие уже нагружено неким смыслом, который не позволяет задавать на первых порах этот вопрос. Однако то, что ни в социальных науках, ни в практической политике не существует единообразного представления о границах этого явления, заставляет поразмыслить на этот счет. Неопределенность и размытость самого понятия «Восточная Европа» во многом обусловлены двойственной природой этого концепта. С одной стороны, оно постоянно используется в современной международной политике, международно-политической и внутривосточной практике. В этом контексте оно само по себе обладает определенной силой воздействия и может рассматриваться в терминологии отечественного географа Д.Н. Замятина как географический образ (1), аффектирующий действия как внешнеполитических, так и внутривосточных.

ческих акторов. Такой образ отражает не конкретную географическую реальность, но скорее является частью ментальной карты, «созданного человеком изображением части окружающего пространства, отражающего мир, как его представляет себе человек» (2), то есть социальным представлением об определенной части пространства.

Ларри Вульф в своем знаменитом труде «Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» отмечает, что «Восточная Европа» с тех самых пор, когда это понятие входит в язык политиков, всегда рассматривалась как нечто ущербное по отношению к Европе Западной. На «Восточной Европе» так же как на «Балканах» лежит печать недоразвитости, агрессивности, неустойчивости, отставания в развитии и несоответствия общепринятым европейским социальным, политическим, культурным и экономическим стандартам. Такой географический образ схож с рассматриваемый Эдвардом Саидом образом «Востока» как сконструированной западными европейцами реальности, за которыми скрываются колониалистские интенции Запада (3). Сам ориентализм, говорит Вульф, «это стиль, с помощью которого Запад подавлял, перекраивал и подчинял себе Восток» (4). Современный российский исследователь Восточной Европы Алексей Миллер в предисловии к изданию его книги на русском языке отмечает, что «Вульф описывает создание образа Восточной Европы как проект полуориентализации, в котором главной характеристикой обществ этой части континента становится некое переходное состояние между цивилизованным Западом и варварским Востоком, когда усвоение Запада

оказывается поверхностным, а основа этих обществ оказывается варварской» (5).

Если до эпохи Просвещения граница между цивилизацией и варварством проходила по линии Север-Юг, то с началом Нового Времени и появлением ориенталистского дискурса в сознании людей Запада происходят существенные перемены, позволяющие им поместить образ значимого Другого на Восток, таковым Другим оказываются, как показывает Ивэр Нойманн, Османская империя, а потом Россия (6). Восточная Европа, «открытая» в таком качестве в начале XVIII века, сначала воспринималась как «внутренний Восток», или «Восток Европы», непосредственно примыкающий к османским владениям и территории России. Появившиеся тогда элементы восточноевропейского дискурса до сих пор довлеют над сознанием людей Запада, из века в век разделяя Европу на две половины. Действительно, в XVIII веке впервые появляется и затем уже не исчезает представление о Восточной Европе как о «варварском крае» и «Склавонии», территории преимущественно со славянским населением; вызванный восстанием Ракоши интерес к венграм как со стороны поддерживающей ее французской короны и ее географов, так и со стороны ученых, поддерживавших Габсбургов, привносит в формирующийся образ восточной окраины континента и противоречивое представление об изначальной дикости, элементах «азиатчины» и свободолюбии здешних народов, стремящихся разорвать оковы рабства (7). Изданный в 1720 году в Амстердаме Atlas Historique кроме вышеупомянутых моментов отражал еще один важный элемент, который закрепится в представле-

нии западноевропейцев, а потом и американцев о Восточной Европе, а именно восприятии ее как чего-то архаичного. Территории, относящиеся к этому региону, в отличие от Европы Западной, в этом атласе обязательно подписаны как современными, так и древними латинскими названиями (например, Венгрия и Паннония, Болгария и Мезия, Валахия и Дакия). Такое обозначение и отсылка к архаике служат маркером «восточноевропейскости», что показывает пример Богемии, древнего латинского названия которой не существует, но поскольку авторы атласа стремятся отнести ее к Восточной Европе, то они такое название (*Boiohemum*) просто выдумывают (8). То, что такое представление о Восточной Европе не только не преодолено, но продолжает культивироваться западными СМИ и кинематографом, мы можем наблюдать в нашей повседневной жизни, читая западную прессу и смотря их кинофильмы, об этом же говорят как исследования российских ученых, например, работа Н.Н. Ключко «Образы Европы в современных национальных дискурсах (на примере антропоморфной метафорики)» (9), так и публикации западноевропейских исследователей (10) и их восточноевропейских коллег (11).

Обращаясь к дискурсивному анализу, Вульф (в меньшей мере) и Сайд в (большой) следуют за Фуко в стремлении вскрыть властные дискурсы, конституирующие отношения господства и подчинения (12). Дискурс «ориентализма» или Восточной Европы, отделяя низших от высших, «цивилизованных» от «дикарей», устанавливает специфические властные отношения, в которых восточноевропейцам всегда уготована роль ведомых, тех, кто подчиняется, ци-

вилизуется, рискуя так и никогда не цивилизоваться, пока данный дискурс не будет снят.

Другие дискурсы могут, наоборот, «европеизировать» различные культуры и страны. Для Восточной Европы характерным примером может служить дискурс эллинизма, благодаря которому Греция оказалась вне этого географического образа. Как показал Мартин Берналь, эта интеллектуальная традиция, наоборот, устранила из европейского восприятия Греции все следы восточных, азиатских и даже африканских влияний не только в современной греческой, но и древнегреческой культуре (13).

Учитывая те коннотации, которые несет с собой образ Восточной Европы, неудивительно предпринимаемые интеллектуальными и политическими элитами стран этого региона попытки по элиминации этого дискурса. Создание дискурса Центральной Европы восточноевропейскими интеллектуалами во второй половине XX века можно интерпретировать именно так. Существовавшие ранее представления о Центральной Европе в их не германистских версиях, связанные с движением австрославизма, утратили свою идеологическую силу с исчезновением самой Австро-Венгрии. Одним из первых, если не самым первым, кто попытался оживить дискурс Центральной Европы в ее новом понимании, стал Милан Кундера в статье «Похитенный Запад или трагедия Центральной Европы». За ним потянулись и другие представители интеллигенции, создавшие миф о «Центральной Европе», которая по уровню культуры и цивилизованности ничем не уступала Западной, но была насильственно вырвана из привычного для себя культурного, политического и экономического контекста «с приходом Красной

Армии» (14). Само диссидентское движение, выступившее под «центрально-европейскими» знаменами», пользовалось как материальной, так и политической и информационной поддержкой стран Запада, прежде всего США.

Политической целью правящих элит стран «Восточной Европы» после падения социалистической системы стало окончательное избавление от слова «восточный», символизировавшего коммунистическое прошлое. Последовало насаждение «центрально-европейской региональной идентичности» (15). Компромиссом с этой интенцией и принятым ранее названием региона стало понятие «Центральной и Восточной Европы», хотя Госдепартамент США из политических соображений в 1994 году отказался и от него, приняв инструкцию, в которой предписывалось использовать вместо понятия «Центральная и Восточная Европа» определение «Центральная Европа» (16).

И термин «Восточная Европа», и термин «Центральная Европа» имеют преимущественно политическое наполнение. Пытаясь дать этому понятию наполнение географическое, чешский геополитик Оскар Крейчи сталкивается с тем, что этот регион не имеет естественных геополитических границ и поэтому говорит преимущественно об идее Центральной Европы (17). Как пишет Алексей Миллер: «Политологи практически едины в том, что самостоятельного политического субъекта по имени Центральная Европа нет и не было. Но очевидно, что Центральная Европа существует как идеологический феномен» (18).

То же представление, дублирующее изменения в региональной саморепрезентации элиты региона, отражается и в отечественных работах, особенно в тех, где уделяется немного внимания понима-

нию восточноевропейскости и центральноевропейскости как правящих дискурсов, например, в делении пространства этой части Европы, предлагаемом в трудах отечественного ученого Э.Г. Задоржнюк, где под «Восточной Европой» понимаются бывшие республики СССР, а под «Центральной Европой» – «пояс государств между Балтикой и Адриатикой, стран бывшего социалистического содружества» (19).

Важным отличием современного образа Центральной Европы, культивируемого в странах региона, является понимание России как чужого. И. Нойман отмечает, что для этого дискурса Центральной Европы Россия всегда будет выполнять важную функцию «конституирующего Чужого», как виновник «трагедии Центральной Европы» и как «угроза ее будущему» (20). Разнообразные местные изводы центральноевропейской идеи, будь это польская «ягелонская идея» или не столь масштабные и претендующие на экспансию в восточном направлении ее собратья в других странах региона, характеризуются противопоставлением себя России, в результате чего эти страны становятся удобным плацдармом для НАТО и США, а все рассуждения о своей исключительности лишь оттеняют атлантистские устремления элит этих государств (21). Центральноевропейский дискурс утверждает свое господство как дискурс атлантистский и, таким образом, приводит к атлантистской доминации в этом регионе.

Геополитическая организация Восточной Европы

Традиционно геополитика рассматривала Восточную Европу в качестве ключевого региона. Те-

зис одного из «отцов-основателей» этой дисциплины Дж. Х. Маккиндера: «Тот, кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Хартленд, кто контролирует Хартленд, тот контролирует Мировой остров, кто контролирует Мировой Остров, управляет всем миром» (22), является актуальным и по сей день, по меньшей мере, в той степени, в которой остается по-прежнему актуальной парадигма классической геополитики. Американский социолог, политолог и геополитик Джеймс Берхем обозначил Восточную Европу в качестве главной цели США в годы «Холодной Войны», что, по мнению современного геополитика Фрэнсиса Семпа, предвосхитило успешные действия администрации Рейгана в этом направлении (23). Не отрицает важности этого региона и Збигнев Бжезинский, уделяя внимание интеграции «Центральной Европы» в евроатлантические структуры как одной из важнейших частей проекта, который бы позволит сохранить атлантистскую ориентацию всего континента в целом и продолжить экспансию на восток в сторону, прежде всего, Украины (24). Другие американские геополитики и после падения «железного занавеса» продолжали настаивать на применении концепции «буферной зоны». Так Сол Козн утверждал, что для американской политики в Европе «ослабление связей между Западной и Восточной Европой будет более жизненным решением (25)», чем любой другой принцип, который может быть положен в основание геополитической организации региона.

Напомним, что возникновение Восточной Европы в качестве самостоятельной категории геополитического анализа отмечается Маккиндером только после окон-

чания Первой мировой войны, когда на пространстве, ранее контролирувавшемся четырьмя континентальными империями: Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской вследствие военного поражения и революций возникает совершенно новое геополитическое пространство небольших национальных государств. Пояс этих новых государств «Восточная Европа» рассматривается Маккиндером как «буферная зона», позволяющая океаническим державам, прежде всего Великобритании и Франции, а потом и США искусственно отделять Россию и Хартленд от сил континентальной Европы во главе с Германией. Похожей точки зрения придерживался и один из основателей американской политической географии и геополитики И. Боумэн, для которого вопрос поддержания независимых как от Германии, так и СССР восточноевропейских государств приобретал значение поддержки демократии (26).

Каким образом организовано геополитическое пространство Восточной Европы? Представляется возможным выделить несколько уровней его геополитической структуры, имеющих непосредственное отношение к внешней политике и геополитической ориентации государств этого региона. Первый уровень – государственный, к нему следует отнести не только сами государства этого региона, но и различные построенные на государственной базе формальные и неформальные объединения, такие как региональные межгосударственные группы, например Вышеградскую группу, активность наднациональных и межгосударственных объединений общеевропейского и более высокого уровня, действующих на данной

территории, а также действия и интересы внерегиональных держав на территории Восточной Европы. Во всех случаях мы имеем дело с понятием государства, которое после Вестфальского мира остается единственным носителем суверенитета, обладает легитимным правом на насилие и является наиболее важным и общепризнанным актором международных отношений и наиболее универсальной и общепризнанной политической формой общественной организации. Даже исключительный случай такой наднациональной структуры как ЕС подтверждает это правило, ЕС был основан государствами, входят туда тоже государства, именно они передают часть своего суверенитета наднациональным органам, но эта передача остается их суверенным решением, к которому их с правовой точки зрения никто не может принудить.

В состав Восточной Европы входит множество национальных государств, каждое из которых обладает собственной традицией внешней политики, по-своему ведет себя на международной арене, имеет различные национальные интересы, обладает различным экономическим и военным потенциалом. Латвия, Литва, Эстония, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Румыния, Болгария, Албания, Сербия, Черногория, Македония, Хорватия – все это страны Восточной Европы. Большинство из этих государств, кроме Сербии и Македонии – члены НАТО. Если ЕС как объединяющее европейский континент образование, которое можно расценивать в качестве наднациональной структуры, играющей самостоятельную роль в современных международных отношениях, не включает в свой состав страны Западных Балкан (Хорватию, Сер-

бию, Черногорию, Македонию, Албанию), то восточноевропейских государств, не вошедших в НАТО, всего два – это Сербия и Македония. Таким образом, зона влияния такой изначально атлантической структуры как НАТО, если мы будем рассматривать страновой уровень геополитической организации Восточной Европы, гораздо больше. Восточноевропейским странам свойственна в настоящее время проамериканская геополитическая ориентация. Все они, за исключением Сербии, попадают в возникшее в практической политике понятие «Новая Европа».

Деление Европы на «старую» и «новую», введенное в широкий оборот в 2003 году министром обороны США Дональдом Рамсфельдом во время событий в Ираке, изначально исходило из ярко выраженной проамериканской ориентации восточноевропейских стран. Место современной Восточной Европы в геополитической структуре мира, если мы ограничимся только страновым уровнем, можно обозначить как зону влияния США. Можно было бы сказать, что концепция атлантического контроля за «буферной зоной», впервые обозначенная Маккиндером, воплощается здесь на практике. Эти страны составляют «санитарный кордон», выстроенный между Россией и континентальным ядром ЕС. Значительная часть современных восточноевропейских элит, в том числе геополитики, ориентированы строго атлантически (27). Руководство стран Восточной Европы рассматривает себя в качестве передового форпоста Запада и атлантизма на Востоке. Некоторые из этих стран, прежде всего Польша, активно проявили себя в подготовке «оранжевой революции» на Украине (28). Согласно замыс-

лу Вашингтона, они должны стать проводниками американских интересов и планов США по трансформации постсоветского пространства. Им уделяется значительная роль в сколачивании различных антироссийских «интернационалов» (пример «Содружества демократического выбора»). В этих странах собирается разместиться американская ПРО. Также Страны Восточной Европы являются площадкой базирования американских фондов, которые, являясь на бумаге национальными, работают в интересах США в самой Восточной Европе и на пространстве СНГ (29). В новейших планах американской внешней политики странам Восточной Европы по-прежнему уделяется значительное место. Руководитель исследовательских программ центра исследований европейской политики в Вашингтоне В. Митчелл отмечает, что восточноевропейцы «принесли в деятельность ЕС больше атлантизма и рыночных подходов». Брюс Джексон, глава Института переходных демократий, ведущую роль в создании антироссийского блока уделяет Турции и Польше. Глава близкой к ЦРУ частной аналитической фирмы Stratfor Джордж Фридман прогнозирует возвышение Польши в ближайшие 20-30 лет, которая для США станет союзником, сопоставимым по важности с Японией, Южной Кореей и Израилем (34). Последнее пророчество особенно интересно, ведь различного рода прорицания больше характеризуют состояние умов в настоящее время, чем то, что действительно может произойти в будущем.

Другим уровнем геополитической структуры Восточной Европы является пласт межэтнических отношений, уровень этносоциологический. Было бы не правильно

опускать вопрос этносоциологической структуры региона, учитывая, какое важное значение в нем играет этнический фактор. Важность его подтверждает тот факт, что вхождение в европейские структуры благодаря этническому фактору привело в некоторых случаях только к дальнейшему отчуждению Восточной и Западной Европы. Примером может быть проблема выселения после Второй Мировой войны восточноевропейских немцев из Польши и Чехии, а также экспроприация их имущества. Казалось бы, уже забытый, этот вопрос стал снова предметом горячего обсуждения, причем на самом высоком уровне сразу после вступления этих стран в ЕС (30), что негативно повлияло на отношения этих стран и Германии.

Практически для всех государств Восточной Европы, кроме Чехии и Словении, характерно наличие серьезных групп этнических меньшинств, большинство из которых ассоциируют себя с другими странами региона (исключение составляют не имеющие собственной государственности цыгане). Даже в Хорватии, где значительная часть сербского населения была выселена в ходе этнических чисток в начале и середине 90-х, до сих пор сохраняется серьезное сербское этническое меньшинство (4,54% населения (31)). Для сравнения в 1991 году сербы составляли 12,1% населения Хорватии (32).

Наличие трансграничных меньшинств или, как в случае Польши – этнических движений кашубов и силезцев, настаивающих, что они являются отдельными этносами, влияет как на внутреннюю, так и на внешнюю политику этих государств. Территории проживания этносов и народов в Восточной Европе не совпадают с терри-

ториями национальных государств, это в сочетании с высоким уровнем националистических настроений в большинстве восточноевропейских обществ превращает этот фактор в существенный источник международных споров и конфликтов. Прецедент Косово вызвал волну автономистских и сепаратистских настроений в регионах, компактно заселенных трансграничными меньшинствами. В Македонии, Сербии и Черногории – это албанцы. В Румынии, Словакии, сербской Воеводине – это венгры. Венгерское руководство начиная с 90-х годов и по сей день оказывает существенную поддержку венгерским общинам за границей, что вызывает возмущение и опасения со стороны властей и обществ, прежде всего Словакии (33) и Румынии (34). Невозможно адекватно оценивать серьезные геополитические изменения, не принимая в расчет этнические процессы, которые иногда оказывают на них существенное влияние. Так, например, вступление Румынии в НАТО во многом подогревалось стремлением оказаться в одном военно-политическом блоке с Венгрией, чтобы не дать ей возможность использовать механизмы Альянса в разрешении вопроса трансильванских венгров Румынии. Стремление Македонии вступить в НАТО также объясняются отчасти и сложной межэтнической обстановкой в стране, сепаратистскими настроениями в среде албанского меньшинства, когда единственной надеждой на сохранение государства и поддержание мира в регионе оказывается возможность войти под опеку сильной военно-политической международной структуры, какой на территории Европы в целом и Балкан в частности обладает пока только НАТО (40).

Третий уровень геополитической структуры Восточной Европы – цивилизационный. Если принять наиболее популярную и современную модель цивилизаций, предложенную С. Хантингтоном (41), то можно отметить на этот раз цивилизационную неоднородность Восточной Европы. Этот регион – поле соприкосновения трех цивилизаций, православной, западнохристианской и исламской. Даже если не соглашаться напрямую с многими моментами у Хантингтона, стоит признать наличие этих как минимум трех социокультурных моделей, базирующихся на моделях религиозных.

Часть народов и этносов этого региона – болгары, сербы, черногорцы, румыны, другие восточно-романские этнические группы (влахи Тимока, куцовлахи, аромумы, исторумыны и др.), славяне-македонцы, часть албанцев, часть русинов – традиционно являлись православными, в цивилизационном плане представляя то, что Оболенский называл «византийским содружеством наций» (42). Позже они так или иначе попали под власть Османской империи, что также наложило свой отпечаток на культуру и самовосприятие этих народов. Осознание ими себя в качестве европейцев произошло довольно поздно, преобладающим среди элит данное представление стало лишь в XIX веке, когда, по словам выдающегося румынского историка Николая Йорги, произошел окончательный отказ от восстановления в той или иной форме Византийского проекта и византийской, православной социокультурной модели, служившей до этого нормативным образцом для православных государств (43). Усиленная европеизация и модернизация породила, однако, почти сразу противостояние запад-

ников-модернистов и самобытников-традиционалистов, по модели схожее с русским противостоятелем славянофилов и западников (44), а с ними, ко всему прочему, и модели альтернативного государственного устройства, внешней политики и геополитической ориентации, связанные с ярким подчеркиванием своей православной идентичности.

Народы, относящиеся по типологии Хантингтона к западно-христианской цивилизации, прежде всего поляки и венгры, и соответственно, польское и венгерское государство традиционно отличались своеобразием исторического развития. Серьезные связи с Востоком, представление о восточном происхождении венгров, доктрина сарматизма в Речи Посполитой, согласно которой и польская шляхта имела отличное от крестьян, не славянское, но восточное, сарматское происхождение (45), влияние Османской империи, в военном соприкосновении с которой находились оба государства, взаимное влияние и вражда польско-литовского и московского государств отдаляли эти страны от Западной Европы. Иначе в Восточной Европе шли процессы социально-экономического развития. Т.н. «второе издание крепостничества» по мнению И. Валлерстайна было вызвано их помещением на периферию европейской мир-экономики XVI-XVII, когда Восточная Европа, прежде всего Польша стала источником зерна, что привело к усилению эксплуатации крестьянства. В то же время ряд территорий региона оставался выключенным из европейской мир-экономики (46). Несмотря на родство религий и культур между западно-христианскими восточное и западноевропейскими странами существуют серьезные исторические различия.

Особняком стоят боснийцы-мусульмане, горане, торбеши, кучи, болгары-помаки, турки, мусульманская часть албанцев, принадлежащие к совершенно иному социокультурному миру, иной, исламской цивилизации. Значение мусульманского фактора в Восточной Европе, особенно на Балканах, возрастает во многом вследствие демографических причин. На фоне общего падения численности населения в мусульманских общинах наблюдается демографический рост. По мнению Джеффри Саймона, старшего научного сотрудника Института национальных стратегических исследований в Университете национальной обороны США, демографические процессы на Балканах таковы, что во многих регионах, прежде всего в Албании, Боснии и Герцеговине, Косово, скоро подавляющее большинство населения будут составлять мусульмане (47). Эти процессы будут происходить на фоне существенного роста мусульманских общин в государствах Западной Европы и России, что не сможет не повлиять на переоценку мусульманского фактора этими странами (48).

С введением в анализ геополитической организации Восточной Европы цивилизационного фактора становится возможным рассмотрение моментов, связанных ролью этого фактора в геополитике, его влиянием на геополитическую ориентацию государств, настроения общества, выстраивание геополитических союзов и возникновение конфликтов по линиям разлома между цивилизациями. Концепции конфликта и диалога цивилизаций могут быть с успехом применены и в анализе геополитической организации Восточной Европы, тем более что даже самый конфликтный регион Восточной Европы,

Балканы, ярко продемонстрировавший схему «столкновения цивилизаций» в 1990-е, обладает и многовековым опытом диалога и взаимного существования различных культур, который может быть понят только при корректном исследовании этносоциологического и цивилизационного уровней геополитической структуры региона. Балканская специфичность состоит в чувстве одновременной принадлежности каждого жителя Балкан к двум и более макросообществам: во-первых, это религиозная идентичность, во-вторых, происхождение из широких культурных ареалов (славянского, латинского, эллинского), наконец, осознание общепалканской традиции или бытовой культуры. Каждый житель Балкан принадлежит к нескольким взаимопересекающимся макросообществам. Так славянин может быть католиком, православным или мусульманином. Сербы в большинстве своем мусульмане, но есть и сербы-католики, которые не считают себя хорватами, среди румын есть православные и униаты, албанцы делятся на католиков, мусульман и православных, есть болгары-мусульмане, но на Балканах есть и турки-христиане (49).

Введение этносоциологического и цивилизационного уровней геополитической организации региона помогает дать глубинный анализ его геополитической структуры, рассмотреть те факторы, которые кажутся не видными, если мы ограничиваемся одним анализом поведения государств и их элит. Кроме государств существуют и общности другого порядка – этносы и народы, а также цивилизации, действующие как поверх государств, так и через государства.

Возможны ли альтернативы геополитической организации региона?

В последнее время в Восточной Европе, как отмечают аналитики происходит рост настроений евроскептицизма и разочарования в либерально-демократической системе, в тех ценностях, которые открыто проповедают США и их союзники. Образ Европы, как замечают сами западные исследователи, теряет свою привлекательность для восточно-европейцев (50). Движущей силой роста влияния популистских движений и лидеров, к которым относят даже и таких атлантистов как братья Качиньские или Траян Бэеску, становится усталость от либерализма, стремление к другим ценностям. Таким настроениям общества в Восточной Европе соответствует серьезный «традиционалистский стержень», обращение к традиционным ценностям (51).

Дискурс Центральной Европы, который поддерживали США и другие страны Запада оказался уловкой, на которую поймали восточноевропейские общества. Хотя он и продолжает «править», отделяя их от России и выдвигая эти страны на передовую антироссийской борьбы, в головах самих европейцев и американцев, как показывают уже упоминавшиеся исследования и как продолжает отмечать Ларри Вульф, в отношении этих стран целиком и полностью господствует восточноевропейский дискурс, со всеми его коннотациями варварства, дикости и отсталости. Восточная Европа продолжает оставаться младшим братом, которого надо контролировать и воспитывать (52). Сам дискурс Центральной Европы, в Германии провоцирует возрождение пангерманистского дискурса

Mitteleuropa, где Средняя или Центральная Европа классически представляется зоной влияния Германии, а славянские страны лишаются самостоятельности и низводятся на вторые роли (53). Вряд ли немецкое господство будет для этих стран желанной альтернативой американскому покровительству. В той или иной форме Запад продолжает относиться к Восточной Европе колониалистски.

Восточная Европа, несмотря на запущенные еще в позапрошлом веке процессы модернизации, отличается сохраняющимся своеобразием, которое по ряду параметров сближает ее не со странами Западной Европы, но с Россией и странами СНГ. Прежде всего, это касается наиболее крупных, обладающих серьезным внешнеполитическим опытом и специфической внешнеполитической традицией государств, таких как Венгрия, Польша и Румыния, а также для балканских государств. Для всех этих стран характерен высокий уровень традиционалистских и консервативных настроений.

Россия, принципиально заинтересованная в уничтожении «санитарного кордона» (54) может предложить свой проект для Восточной Европы, проект альтернативной геополитической организации, не ориентированной на США, который теоретически должен строиться на этнических, культурных и цивилизационных особенностях восточноевропейских обществ. Предложенная в статье схема рассмотрения геополитической структуры восточноевропейского пространства пришлась бы здесь как нельзя кстати.

С точки зрения теории социокультурной динамики те вызовы, с которыми сталкиваются восточноевропейские общества, идентич-

ны тем, с которыми сталкивается и Россия. Как отмечает В.И. Добренчиков, постсоциалистическое общество, выйдя из идеационной фазы, «проскочило идеалистическую и сорвалось в чувственную культуру (55)». Общность проблем вполне может быть конвертирована в концептуальную общность их решений и в виде «мягкой силы» – в геополитический ресурс, если Россия предложит иную цивилизационную альтернативу, нежели та, что предлагается Восточной Европе в рамках западной социокультурной суперсистемы, принадлежность к которой определяет и геополитическую ориентацию на ее центр – США. Положительную роль могут сыграть, как не парадоксально элементы ориенталистского дискурса, в котором за «Востоком» зарезервировано измерение духовности и мистицизма. Сохраняющиеся представление восточноевропейцев о России как источнике духовности, к которой нужно относиться с уважением, может сыграть в этом случае положительную роль (56). Запад же будучи во многом источником духовного кризиса современного общества, как отмечает ведущий современный румынский социолог Илие Бэдеску, не может представить восточноевропейцам никакой духовной перспективы (57).

С точки зрения Дж. Ная «мягкая сила», основанная на культурных преимуществах, идеях, ценностях, действительна, только если существует возможность объяснить другим акторам международных отношений, что они хотят того же, что и использующая этот ресурс держава (58). Сегодня обществам России и Восточной Европы предъявляются схожие вызовы, и источник у них один – Запад, а значит идеи имеют значение.

Примечания:

(1) Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 12-21.

(2) Вульф Л. Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.5.

(3) Саид Э. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб, 2006.

(4) Вульф Л. Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.39.

(5) Вульф Л. Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.6.

(6) Neumann I. B. The Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

(7) Вульф Л. Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.250-252.

(8) Вульф Л. Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.250.

(9) Ключко Н.Н. Образы Европы в современных национальных дискурсах (на примере антропоморфной метафоричности) / Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. С. 213-226.

(10) Steuckers. R. Despre imaginea Romaniei in lumea. [Электронный ресурс]. URL:http://ro.altermedia.info/opinii/despre imaginea-romniei-n-europa-occidental_1664.html (дата обращения 21.11.2010).

(11) Glizim. A. Western Media and the European "Other": Images of Albania in the British Press in the New Millennium // Albanian Journal of Politics. 2005. №1 (1). pp. 4-25.

(12) Фуко М. Воля к истине, по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 49-95.

(13) Bernal M. Black Athena: Afro-Asiatic Roots of Classical Civilization: The Fabrication of Ancient Greece, 1785-1985. New York: Vintage Books, 1991.

(14) Коля А.Ф. Концепция «Центральной Европы» в творчестве Милана Кундеры, Юрия Андруховича и Анджея Стасюка // Европа: Журнал польского института международных дел. 2002. Т.2, № 2(3). С. 131-154.

(15) Кобринская И. Россия и Центральная Восточная Европа после «Холодной Войны». М.: 1997. С. 14.

(16) Кобринская И. Россия и Центральная Восточная Европа после «Холодной Войны». М.: 1997. С. 14.

(17) Крејин О. Geopolitics of the Central European region: the view from Prague and Bratislava. Prague, 2005. P. 65.

(18) Миллер А. И. Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 2001. С. 33.

(19) Задорожнюк Э.Г. Новые региональные идентичности в Европе: становление и перспективы / Страны Восточной Европы в поисках новой идентичности: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2006. С.15.

(20) Neumann I. B. The Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. P. 281.

(21) Миллер А. И. Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 33-65.

(22) Mackinder J.H., „Perspective”, Democratic Ideals and Reality. New York, 1962. P.50.

(23) Sempa F. Geopolitics: from the Cold War to the XXI century. New York, 2007. З. 3, 52.

(24) Бжезинский З. Великая Шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М., 2010. С.100-107.

(25) Cohen S.B. Geopolitics of the world system. New York, 2003. P. 214.

(26) Bowman I. The New World: Problems in Political Geography. New York, 1921. pp. 216-362.

(27) New geopolitics of Central and Eastern Europe. Between European Union and the United States. Warsaw, 2005. pp. 21-107.

(28) Савин В.Л. Украина в сетевой войне / Сетевые войны. М., 2009. С. 72-73.

(29) Хотькова Э.С. Эволюция отношений США со странами Центральной и Восточной Европы // Проблемы национальной стратегии. 2009. №1. С.15-17.

(30) Хотькова Э.С. Эволюция отношений США со странами Центральной и Восточной Европы // Проблемы национальной стратегии. 2009. №1. С.23-24.

(31) Тевдой-Бурмули А.И. Эволюция этнополитической ситуации в Европе в свете расширения ЕС. / Буторина О.В. (ред.) Расширение Европейского Союза и Россия. М. 2006. С. 257.

(32) Croatian Bureau of Statistics. Population by ethnicity, by towns/municipalities, census 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dzs.hr/Eng/censuses/>

Census2001/Popis/E01_02_02/E01_02_02.html (дата обращения 7.12.2010).

(33) Human Rights Watch: Broken promises. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrw.org/en/reports/2003/09/02/broken-promises> (дата обращения 7.12.2010).

(34) Шаншиева Л.И. Популизм по-восточноевропейски / Национализм и популизм в Восточной Европе: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2007. С. 21.

(35) Биткова Т.Г. Что такое румынский популизм / Национализм и популизм в Восточной Европе. Сб. науч. тр. М.:2007. С. 88.

(36) Ковач М. Фактор межэтнического противостояния в Македонии в контексте региональной безопасности // Европейская безопасность. 2008. № 12 (28), С 13-15 (15)

(37) Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 53-60.

(38) Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

(39) Iorga N. Bizanю dupr Bizanю. Bucureeti: Editura Enciclopedicr Romvnr, 1972. P.P. 242-246.

(40) Биткова Т.Г. Румынский европеизм и проблема национальной идентичности / Страны Восточной Европы в поисках новой идентичности: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2006. С.34-35.

(41) Fedorowicz J.K. A Republic of nobles: studies in Polish history to 1864. New York, 1982. P. xv.

(42) Wallerstein I. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York, 1974. P 97.

(43) Саймон Дж. Неужели демография – это судьба? // Рос-

сия в глобальной политике. 2010. №2. С. 40-54.

(44) Саймон Дж. Неужели демография – это судьба? // Россия в глобальной политике. 2010. №2. С. 40-54.

(45) Язькова А.А. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М., 2007. С. 91-92.

(46) Поллак Д. Национализм и евроскептицизм в посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы / Восточная Европа: национальные культуры в контексте глобализации и интеграции: Сб. науч. тр.. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 10.

(47) Игрицкий Ю. Введение / Национализм и популизм в Восточной Европе: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2007. С. 8.

(48) Вульф Л. Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 34.

(49) Науманн Ф. Срединная Европа / Исаев Б.А. (ред.) Геополитика: Хрестоматия. СПб.: Питер, 2007, С. 47-61.

тика: Хрестоматия. СПб.: Питер, 2007, С. 47-61.

(50) Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: 2000. С. 428.

(51) Добренков В.И. Кризис нашего времени в контексте теории социокультурной динамики Питирима Сорокина // Русское Время. Журнал консервативной мысли. Январь-март 2010, №1 (2), С. 4-11.

(52) Зарицкий Т. Российский дискурс в Польше. Образ России в конструировании польской идентичности / Данилова Е.Н. (ред.) Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998-2002). СПб., 2006. С.76.

(53) Badescu I. Noology. The Knowledge of spiritual order in the world, the system of noological sociology. Bucharest, 2010. P 394.

(54) Единство Запада и трансатлантическая безопасность - перед лицом испытаний. Публикация №4 Центра им. Дж. Маршалла. М., 2002. С.5.

Социально-экономическая и политическая ситуация в Дагестане

Дзутев Х.В.

Статья написана по материалам экспертного опроса, основная цель которого состояла в выявлении объективных факторов, влияющих на социально-экономическую и политическую ситуацию в Республике Дагестан. Экспертное сообщество оценило социально-экономическую и политическую ситуацию в Республике Дагестан в целом; определило степень доверия граждан исполнительным органам власти, политическим партиям и общественным движениям; выявило основные источники угроз безопасности населения республики; дало социально-антропологическую характеристику группировкам «лесных братьев», а также обозначило степень их влияния на жизнь социума.

Ключевые понятия: социально-экономическая и политическая ситуация, модернизация экономики, политические партии и общественные движения, закон, социум, коррупция, межконфессиональные противоречия, религия, бандформирования, «лесные братья».

Dzutsev H.V.

Socio-economic and political situation in Dagestan
Article is written on materials of the expert poll which main objective to study the objective factors influencing a social and economic and political situation in Republic Dagestan. The expert community gives an estimation of a social and economic and political situation in Republic Dagestan as a whole; degree of trust of citizens of republic to power executive powers, political parties and social movements is defined; the basic sources of threats of safety of the population of republic are revealed, the socially-anthropological characteristic is given bands «wood brothers», and also degree of their influence on life of society of republic is revealed;

Key words: a social and economic and political situation, economy modernization, political parties and social movements, the law, society, corruption, interconfessional contradictions, religion, bands, «wood brothers».

В ноябре 2011 года Северо-Осетинским центром социальных исследований ИСПИ РАН совместно с Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева был проведен опрос экспертов на тему: «Социально-экономическая и политическая ситуация в Республике Дагестан СКФО РФ» с целью изучения объективных факторов, влияющих на социально-экономическую и политическую ситуацию и являющих собой внутреннюю угрозу политического, экономического, социального и иного характера¹. В опросе приняли участие 37 экспертов (журналисты, бывшие сотрудники МВД, члены Общественной палаты Республики Дагестан, ученые-политологи, социологи, юристы, представители политических партий и общественных движений). Их подбор осуществлялся в соответствии с уровнем общего представления каждого из них о проблеме, а также по принципу профессионального отношения к данной области знаний, уровня компетентности, широты кругозора. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- дать оценку социально-экономической и политической ситуации в Республике Дагестан в целом;

- определить степень доверия граждан республики исполнительным органам власти, политичес-

ким партиям и общественным движениям;

- выявить основные источники угроз безопасности населения республики;

- дать социальную характеристику бандформированиям – группировкам «лесных братьев», а также выявить степень их влияния на жизнь социума;

- определить отношение официальной религии, властных структур и населения республики к деятельности «лесных братьев».

Как об этом свидетельствуют материалы экспертного опроса, граждане Дагестана оценивают политическую ситуацию республики в целом как очень сложную и критическую, которая, по их мнению, может привести даже к гражданской войне. Не случайно, характеризуя доминирующие среди населения республики настроения, эксперты применяют такие термины, как «беспросветность жизни», «безысходность», «разочарование политикой местных и центральных властей», «предвоенная напряженность», «страх».

Основным фактором напряженности являются межконфессиональные противоречия, т. е. противоречия между различными течениями в исламе, вызванные их статусным положением. В обществе есть общее осознание напряженности, раскола, вызванных все возрастающими претензиями политизированного ислама оказывать определяющее влияние на общественно-политическую и повседневную жизнь дагестанцев. В меньшей степени ощущается межнациональная напряженность, которая хоть и не носит явно выраженного характера, но имеет тенденцию к усилению.

Противостояния по линии «власть – народ» не наблюдаются отчетливо, так как власть слаба и

коррупционирована на всех уровнях. Эксперты довольно часто отмечают, что в реальности Республика Дагестан не включена в правовую зону РФ, а социальные проблемы здесь решаются не по закону, а по «понятиям». Общество уверено в том, что интересы власти не являются государственными, законными, но население республики смирилось с таким положением на фоне повышения уровня религиозности. Между тем, накопленная протестная энергия масс при определенных раздражителях может перерасти в открытое противостояние и даже в гражданскую войну.

Одним из экспертов было отмечено, что в российском центре, в т. ч. и на уровне Государственной думы, довольно часто высказывается идея о целесообразности отсоединения Северного Кавказа от России (хотя не только Северный Кавказ, но и все регионы РФ считаются дотационными, о чем много пишут в периодической печати). Собственно, отсоединение – не решение проблем: население Северо-Кавказского федерального округа по результатам Всероссийской переписи 2010 года, опубликованной к 25 декабря 2011 года на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, составляет всего 6,6% от общего числа россиян. Несмотря на это, вопрос частичного распада Федерации неизбежно возникает, тем более что эта тенденция будет сохраняться. И это в то время, когда в мире наоборот поднимают вопросы интеграции, говоря, например, об объединении Европы, о сближении Востока с Китаем и т. д. с целью переплетения экономики. Но эта сторона политиков не страшит, – их больше волнуют те территории России, где имеются природные ресурсы.

Обычно распад обуславливается экономическим фактором, реже – национальным, так как экономически слабые республики не стремятся выходить из состава РФ, в этом нет смысла. Предположим, Россия отделяется. Тогда на что она будет жить? Основные источники средств нашей страны (например, 50% нефти и газа) – у национальных республик: Ханты-Мансийск, Коми, Дагестан, Чечня, Татарстан, Башкирия, Якутия, Калмыкия... Ни в Твери, ни в Воронеже нефти и газа нет. В свою очередь, национальные меньшинства тоже не хотят лишаться государственной идентичности, потому что многим из них действительно выгодно государство.

Политические противоречия – это лишь производные кризиса экономики республики, охватившего все отрасли производства и деградировавшего социальную сферу Дагестана. Предприятия не работают, а те, которые работают, – нерентабельны в силу устаревших мощностей и утраты большей части инженерно-технического персонала. Сельское хозяйство развалено. Всевозможные проекты по восстановлению, развитию и модернизации экономики – только маразм бумажный в целях откачивания денег из федерального бюджета. Общество является свидетелем нежелания властей предпринимать какие бы то ни было шаги по развитию экономики республики. В то время как улучшение экономической ситуации могло бы способствовать стабилизации политической ситуации, снижению опасности экстремизма и привлечению инвестиций.

Застой в экономике выступает фактором высокого уровня безработицы. В результате заработная плата оказывается ниже порога стоимости воспроизводства физи-

ческой силы работника (чаще всего 2500–4500 рублей в месяц). Но даже такую работу найти сложно. Те же, кто не согласен работать за гроши, вынуждены искать другие источники доходов, как правило, преступные. Одним из таких источников является бандитизм.

Человек стремится к лучшей жизни. Доходы, позволяющие лишь частично удовлетворять насущные потребности, вызывают деградацию личности как социального существа. Человек бывает вынужден либо ограничить свои потребности, исключив из их числа социальные, либо искать доступные ему способы увеличения своих доходов. В условиях резко ограниченных ресурсов (материальных, финансовых, образовательных и т. д.) выбор оказывается невелик, и этим пользуются экстремистские силы в своих политических целях.

Для того чтобы обеспечить населению доступ к качественным услугам в сфере образования, здравоохранения и культуры, транспортной и жилищно-коммунальной инфраструктуры, доходов республики недостаточно. Значительная часть молодежи не имеет возможности получить образование такого качества, которое потенциально могло бы стать исходной точкой для прорыва в области науки, техники, культуры. Лишь горстка молодых людей имеют финансовые возможности (и интеллектуальную базу) для обучения в лучших вузах страны и мира. Но они, получив образование, как правило, не возвращаются в неспокойный, кризисный Дагестан. В итоге происходит активное «вымывание мозгов».

На фоне того, что социально-экономическую ситуацию в республике 70% экспертов оценивают как кризисную, даже катаст-

рофическую, говорить о модной сейчас в России идее модернизации экономики даже не приходится, так как модернизация экономики, «усовершенствование», «осовременивание» ее требует финансов, высококвалифицированных кадров, интеграции науки и производства, а также высокого уровня личностных качеств членов общества, объединенных единой идеей.

Внутреннего потенциала и финансов для модернизации экономики республики недостаточно. Необходим человеческий фактор, т. е. потенциал интеллектуальный, профессиональный и т. д., а он в Дагестане не подготовлен. Тормозящими факторами здесь являются следующие:

1. В 90-х годах XX века во времена распада Советского Союза главной опорой властных структур стали олигархи, в результате экономика республики оказалась в тяжелом положении, а люди как песок рассыпались с исчезновением понятия «государства»;

2. В государстве экономика развивается очень медленными темпами, а на этом фоне любая модернизация несостоятельна. Если бы в РФ был внутренний потенциал, мы бы ввели усовершенствования, отвечающие современным требованиям, еще в 80–90 гг. XX века.

Люмпенизированное население Дагестана не может стать основой качественного скачка в развитии экономики, так как оно само есть жертва происходящих разрушений. Проблем здесь много. Появилось огромное число анархически настроенных людей, не признающих легитимность государства. Республики Северного Кавказа, по сути, являются традиционными обществами, где при наличии клановых, фамильных, уцельных связей нет противоречий. А власть, как орга-

низатор общественной и экономической жизни, к сожалению, не способна в полной мере управлять происходящими социальными процессами. Этому способствует также слабая ориентированность управленцев на современную экономику. Жителям Дагестана важно обратить свое внимание не на реанимацию прошлого, а на воспитание граждан современного мира. Данная тенденция характерна и для других республик СКФО. Так, например, число людей, вовлеченных в неформальную экономику (рынок), составляет, по оценкам экспертов, более 40% взрослой части населения. Можно сказать, что эти анархически настроенные люди, униженные в 90-х годах XX века и потерявшие статус-кво (врача, юриста, учителя, инженера и т. д.), не согласны на легитимизацию государства. От данной категории людей, потерявших свой статус, качественных характеристик ждать не приходится. Модернизация возможна только при следующих условиях: нахождение источников развития при сохранении идентичности, использование внутренних и внешних источников и медленная смена идентичности. И как следствие – адекватная адаптация в современную жизнь социума.

В Республике Дагестан, как и в других республиках СКФО РФ, для которых характерен традиционный образ жизни, государственное вмешательство в экономику – единственный путь эффективного развития современного производства. Только государственные структуры республики могут ориентировать местные олигархические структуры на решение социальных проблем граждан Дагестана, что, в свою очередь, будет способствовать интеграции общества на фоне реализации социальных проектов. В це-

лом эксперты склоняются к такому мнению, что роль государства в экономике республики должна быть шире, чем сегодня. Они требуют принять необходимые меры против криминализации экономики и внести коррективы в сферу социальных отношений и социальной защиты населения.

Эксперты оценивают категорию людей, находящихся во властных структурах республики, весьма негативно, применяя следующие характеристики: «неумные», «речь не содержит новаторства», «морально нечистые, коррумпированные», «с такой властью у народа нет будущего», «культура и квалификация власти под большим вопросом», «бывшая партноменклатура», «люди с криминальным прошлым и большим силовым потенциалом», «случайные люди, назначаемые, а не выбираемые», «работают на себя».

Сегодня граждане Дагестана нуждаются в грамотном политическом руководстве, ориентированном на все население. Они готовы понять допускаяемые властными структурами ошибки, но простить переживаемые им по вине чиновников позор и стыд – никогда.

Ответы экспертов относительно степеней доверия исполнительным органам власти свидетельствуют о низком уровне или даже полном отсутствии доверия, что, скорее всего, является результатом пассивного участия граждан в формировании структур власти. Исполнительная власть не способна решать возникающие задачи таким образом, чтобы ситуация в республике улучшалась. Напротив, граждане вынуждены сами предпринимать усилия для решения своих насущных проблем (жилье, отопление, электричество, водопровод и др.). А раз так, то и уровень доверия будет низким. Соци-

альные пособия, в т. ч. материнский капитал, можно получить при условии так называемого «отката» чиновникам, т. е. если будет оставлено 50% от суммы.

Социально-психологическая нестабильность в республике приводит к потере доверия, которая происходит из-за нарушения ценностно-нормативного консенсуса в обществе, из-за ослабления государства и регулятивных правил поведения в обществе. Можно сказать, что личностные взаимоотношения здесь более характерны для общества феодального периода, нежели для индустриального или постиндустриального. Наблюдая неравномерное распределение материальных благ, молодые люди в поисках справедливости становятся «лесными братьями». В их сознании четко укоренилось мнение о невозможности получить богатства честным трудом, поэтому они вынуждены по-своему решать стоящие перед ними проблемы.

Сегодня Дагестан – расколота республика, испытывающая ценностные надломы, так как во власти нет личности, которой бы народ мог доверять. По этой причине компромиссов не может быть даже на уровне здравого смысла. Если от общества не поступает сигналов к власти, то маловероятно рассчитывать на помощь последней.

Роль политических партий и общественных движений в республике незначительна – или же вообще отсутствует. Особой их работы не наблюдается, а если она все же есть, то носит религиозный характер. Как граждане могут доверять партиям, если считают их виновником всех неудач, ошибок и преступлений власти за последние 20 лет? Если единственное, что эти партии сделали, – обеспечили себя шикарными офисами по всей стране. Если

граждане и идут голосовать за ту или иную политическую партию, то только потому, что видят в них способ и механизм реализации своих социальных интересов.

Согласно материалам экспертного опроса, всего 2% населения Дагестана полагают, что с их мнением считаются, и они как-то могут повлиять на ситуацию в республике. И как следствие, значительная часть молодых людей не заинтересована в участии в политической жизни республики, так как понимают, что не могут в той или иной степени повлиять на социальные, экономические, политические процессы. А тут, «благодаря» «лесным братьям» у них появляется возможность заработать, став членами их бандформирований и ведя коллективную борьбу против нечестных политиков, коррупционеров.

По мнению экспертов, основными угрозами безопасности Республики Дагестан являются: сепаратизм дагестанского народа, коррупция, терроризм, религиозный экстремизм, разрушение экономики, безработица, все возрастающая степень религиозности общества, продажность руководства республики и неспособность властей решать социально-экономические проблемы. Они не сомневаются, что все это ведет к дезинтеграции общества. Эксперты уверены в том, что весь спектр базовых человеческих ценностей упал до критической нормы и находится в состоянии риска.

Все эксперты единодушны во мнении о том, что структура экстремистов различна. В подавляющем большинстве в составе «лесных братьев» – безработная молодежь 20–30 лет, выходцы из малых городов и сел. Но среди них немало и образованных людей, имеющих степени кандидатов

наук; бизнесменов, продавших свой бизнес и вступившие в ряды экстремального ислама по идеологическим убеждениям. Например, в 2005 г. в результате спецопераций были убиты преподаватели университета из семей потомственных интеллигентов Мантаев и Расулов, получившие образование в духовных университетах Саудовской Аравии и Египта. По сведениям, которыми располагали эксперты, они были убиты за то, что проявили несогласие с нынешним руководством Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД). В религиозное движение часто бывают вовлечены представители традиционно иной религии, в т. ч. молодые люди русской национальности, примкнувшие к ваххабизму. Пример, взрыв отделения милиции в с. Губден террористкой-смертницей русской национальности. Другие эксперты считают, что в действиях ваххабитов преобладает влияние инородного сознания, так как тактика ведения борьбы постоянно меняется, становится непредсказуемой, и почерк здесь разный. Наши люди мыслят проще, их схемы были бы более простыми и однообразными.

Эксперты сообщили, что по части снабжения «лесных братьев» все налажено очень хорошо: они получают полный комплекс комфортной жизни, налажены поставки продовольствия. Подобное снабжение стало возможным благодаря рэкетированию предпринимателей, при этом суммы фигурируют очень внушительные. Таким образом, жизнь в лесах становится очень привлекательной. Само собой, поток финансов идет и из-за границы, в частности, из стран арабского Востока.

Предположительно, в планы экстремистов входит использование Дагестана и других республик

Северного Кавказа в качестве плацдарма для дальнейшей деструкции России. А Дагестан использовать в этих целях очень удобно в силу ряда следующих причин: благоприятное географическое положение, близость к странам Востока, слабый уровень социально-экономического, политического развития. При вербовке в ряды боевиков используются, в частности, психотропные и наркотические вещества. Многие акты терроризма осуществляются в состоянии наркотического опьянения. То есть, уже ни о какой «чистой» вере не может быть и речи, если человеком руководит не разум, а умопомрачение.

Как попадают в ряды «лесных братьев»? Многие из них имеют типичный для молодых кавказских людей менталитет и характеризуются как люди, стремящиеся к более обеспеченной жизни. Работу, допустим, в Дагестане найти можно, но они не пойдут на малооплачиваемую, физически тяжелую работу (дворника, столяра и др.). Человек, тем более молодой, не нашедший себя, психологически более подвержен идеологическому, религиозному влиянию. Люди, вербующие молодежь в ряды «лесных», хорошо знают ее психологию, слабые места. Они прекрасно понимают, с чего начать: говорят о коррупции всех эшелонов власти снизу доверху, о том, что без денег, которых нет, прожить в жизни невозможно. Муллы, муфтии тоже уже небескорыстны и нашли общий язык с официальными светскими властями. Выход один – протестовать, уходить в лес – там братья, там борьба за справедливость и лучшее будущее. Все, что говорит брат-мусульманин – справедливо, правильно.

Следующий этап обработки –

материальное закрепление. «Подпитка» живыми деньгами окончательно убеждает юношу в «правильности своего выбора». Так, молодой, незрелый в социальном и психологическом плане человек становится жертвой глубокой психологической, даже психической, обработки. Наконец наступает такой момент, когда он бывает готов на все и не испытывает ни тени сомнения в правильности своего выбора. Тем более, что все это подкрепляется деньгами, а с ними в руках человек становится куда увереннее.

За людьми, прикрывающимися лозунгами «чистой религии», стоят крупные и хорошо организованные зарубежные политические организации, которые, возможно, соприкасаются с правительством данных государств. Это не исключено, тем более что иной мир не прочь был бы ослабить позиции России, ведь они все еще остаются довольно существенными. Легче всего эти деструктивные процессы начинать с Юга России, с Северного Кавказа, по понятным причинам – ведь здесь и политическое, и экономическое положение наиболее шаткое. Кавказ в этом плане остается все-таки относительно изолированным регионом и предоставляет удобный, локальный плацдарм для осуществления этих планов. Федеральной службе безопасности России (ФСБ) надо много в этом плане работать, основное внимание этой службы должно быть направлено в это русло.

Эксперты в качестве причин ухода молодежи в лес отмечают следующие. Например, богатство и нищета, на фоне трущоб наблюдаемые зримо сегодня дома-замки, которые в западном мире являются собой не частные дома, а правительственные здания или же национальный музей. Такие особ-

няки в Махачкале сплошь и рядом. Как правило, хозяевами их являются депутаты Государственной думы или местного парламента, чиновники различного уровня. «Лесные братья» выступают за более равномерное существование в обществе, основывая свою идеологию на мусульманстве, а власть объявляет их бандитами, политическими радикалами. При таком сильном социальном расслоении общества число людей, из числа интеллигенции, поддерживающих «лесных братьев», по оценкам экспертов, составляет примерно 20%. Особенно такая поддержка идет со стороны гуманитарной интеллигенции. Власть, кроме репрессивных мер против «лесных братьев», ничего не предлагает, не улучшает и социальная сфера в Дагестане. Такая политика способствует росту численности бандформирований, которые считают существующую власть антинародной. Нежелание бизнес-элиты и управленцев республики заниматься проблемой безработицы приводит к противостоянию в обществе. Существующую власть народ считает антинародной.

Степень влияния «лесных братьев» на жизнь социума республики в целом достаточно высока. Влияние постепенно усиливается в том числе и через активное присутствие их идеологов в СМИ и интернете. Это уже идеология не только обездоленных и заблудших членов социума. В их ряды вовлекается все больше и больше представителей спортивной, политической элиты. На проповедях ваххабитского толка замечены главы административных единиц Дагестана, олимпийские чемпионы... Если течение ваххабизма будет и дальше проникать в массы, властям придется бороться с собственным народом. По наблюдениям одного из

экспертов, все больше и больше становится число людей, которые не входят в ряды «лесных братьев», но горячо сочувствуют и активно поддерживают последних. Кто эти люди? Все та же молодежь из неблагополучных, малообеспеченных семей. Взрослые люди в меньшей степени поддерживают молодежь, ушедшую в лес.

В сельской местности влияние «леса» сильнее – ведь там находятся молодые родственники, которые в зимний период приходят «отогреться» в отчий дом. Кто-то полон религиозных идей, зомбирован и учит «колеблющихся» старших членов семьи «уму-разуму»; кто-то сломлен лесным жильством из-за отсутствия элементарных бытовых условий, изолированностью от привычного социума. Городскую публику наличие «лесного братства» пугает, раздражает: ничего, кроме досады и сожаления, наличие данного общественного института у них не вызывает.

Увеличению численности бандформирований, как уже упоминалось выше, способствует в первую очередь низкий материальный уровень большинства населения республики на фоне глубокого изучения ислама. Но наличествует и так называемое полное погружение в одну проблему. В советское время мусульмане ограничивались уразой и празднованием Ураза-байрам. Сейчас обязательны хеджаб, ураза. Все больше людей, преимущественно молодежь, понимают, где истинный ислам, а где – суфистские секты. Молодежь уверена, что ей нет места в существующей системе, а тут открывает для себя «истинный ислам», «видит дорогу». Альтернативой общественно-политической ситуации является не продажный ислам местного духовенства суфистского толка, а истинный ислам. Официальное духо-

венство настроено враждебно относительно «лесных братьев», видя в них своих основных конкурентов и оппонентов. По пятницам, когда имамы проповедают официальную ветвь ислама, мечети бывают полны молодежи, но в леса та же молодежь все же уходит.

Среди основных причин появления бандформирований экспертами также были названы недостаточно эффективная работа правоохранительных органов, коррупция во властных структурах, в т. ч. в правоохранительной системе и на таможне, а также растущая социальная поляризация граждан и высокий уровень безработицы.

Позиция официальной религии в отношении «лесных братьев», по оценкам экспертов, крайне отрицательная: в Коране не указано, что мусульманин должен убивать мусульманина; важно понимать, что члены бандформирований никакого отношения к официальному исламу не имеют, что это чистой воды бандитизм, преследующий «земные» цели – обогащение, убийства, дестабилизацию обстановки на родине. Традиционное духовенство неукоснительно следует букве Корана, ваххабиты же позволяют себе интерпретировать его так, как им выгодно. Они призывают к установлению шариата любой ценой и, естественно, Духовное управление не может это поддерживать. С другой стороны, когда взрываются блокпосты, милицейские машины, никакой реакции осуждения в СМИ со стороны официальных религиозных деятелей Духовного управления мусульман Дагестана не бывает. У ДУМД политика не отличается от политики продажного руководства республикой. Муфтий Дагестана официально пожелал своим «заблудшим» братьям-мусульманам онкологических заболеваний. Так-

же он фактически благословил воровство чиновников: «Пускай воруют, но меньшими суммами...». В его проповедях не чувствуется желание того, чтобы «лесные братья» вышли из леса, так как он знает, что они вытеснят его значимость в сознании людей. И последние, особенно молодежь, идут за «лесными», так как они «могут отличить фальшь от истины».

Оценка экспертов деятельности властных структур по решению проблемы «лесных» невысока. После съезда народов Дагестана с ними начались переговоры. Это большой прорыв. Другое дело, что выходить из лесов они не хотят, а причина – в них самих: если выйдут и сдадутся, их свои же уничтожат. Большим облегчением для властных структур является то, что у «лесных» нет общего лидера. Лидера более или менее внушительной по численности группировки сразу же убивают, поскольку по отдельности с ними легче справиться. В самом начале этой «заварухи» власти упустили момент ее пресечения, а сейчас развитие движения зашло так далеко, что повернуть процесс вспять очень трудно. Все до сих пор существующие программы по уничтожению бандформирований действуют малоэффективно и, к сожалению, сопровождаются жертвами со стороны гражданского населения. Определенная работа проводится и довольно активно. На контртеррористические операции Правительством РФ выделяются значительные средства, однако помыслы при этом недостаточно чисты. За час спецоперации каждый участник формирований МВД РФ получает 25 тыс. рублей. Есть критическое отношение к работе правоохранительных органов, особенно к методам проведения контртеррористических операций. Во главе угла – собственное обога-

щение: рыба гниет с головы. Некоторые силы в руководстве страны заинтересованы в данной ситуации на Кавказе, так как, скорее всего, заинтересованы в развале России. Если будет дана высокая степень свободы этим формированиям в организации политических объединений, партий, то в итоге они придут к власти и будут стремиться к выводу республики из состава Федерации.

Сегодня среди политиков иногда звучит следующая идея: если Россия разделит Северный Кавказ, то они смогут избавиться от дотационного региона, забыв при этом геополитические задачи некоторых заинтересованных государств, которые хотят расчленить Российскую Федерацию на несколько самостоятельных государств, т. е. развалить страну. Известный ученый, доктор философских наук Валентина Гавриловна Федотова придерживается следующего мнения: «Часть представителей прозападных элит в России, стремясь сделать Россию частью Запада, не останавливаются перед идеей ее распада, как прежде перед идеей распада СССР»¹.

Независимого суда нет не только в Дагестане, но и вообще в России. Дагестанцы не осознают себя единым народом. В отношении поддержки деятельности силовых структур республики (милиции, прокуратуры, суда, ФСБ) местным населением мнения экспертов различны. Есть поддерживающие, есть не поддерживающие, есть с нейтральной позицией. Одураченные поддерживают, но большинство людей боятся, поэтому не поддерживают. Боятся того, что придут внутренние войска, боятся соседства с ваххабитами. «Лесные» неоднократно заявляли: «Мы не воюем ни с женщинами, ни с детьми. Не находитеесь вблизи ми-

лицейских постов».

Также экспертам предлагалось оценить деятельность центра в решении социально-экономических, политических проблем Дагестана. Президенту РФ Дмитрию Медведеву население в своем большинстве верит, хотя его действия недостаточно решительны. «Россия нас пока терпит, раз на 80% бюджет республики покрывает Москва». Население вынуждено поддерживать все, подчас очень «неуклюжие», действия со стороны властных структур в отношении преступных группировок, так как реально понимает невозможность сопротивления терроризму. Единственное, что вызывает яростное недовольство местных жителей – возмещение государством материального ущерба (разрушенные дома, пропавшая собственность), которое население терпит в результате операций по ликвидации бандформирований. Люди хорошо знают и то, как выполняются эти спецоперации, сколько невинных жертв они приносят. Эксперты отмечают также, что руководство страны никак не гасит всплески межнациональной ненависти, наоборот, передачи подобного рода, ток-шоу очень активно транслируются по ТВ.

В целом население поддерживает финансовые вливания, а также создание Северо-Кавказского федерального округа. Одобрение встречает программа социально-политического развития Дагестана, предусматривающая строительство курортных зон, развитие туризма, строительство промышленных предприятий. Вместе с тем население осознает, что значительная часть выделенных средств уйдет в карманы местной элиты, часть их будет истрачена на «откаты» в Москве, поэтому проследживается некоторое недоверие

центру. Так как экономическая и социополитическая ситуация нестабильна, центр мог бы больше уделять внимания республике. Население считает, например, что спецслужбам следовало бы вести борьбу с террористами более жестко. Тем более что ФСБ РФ не может не знать о локализации бандформирований в лесах. Она может или должна знать о денежных потоках, текущих в леса извне. С другой стороны, известно, что силовые структуры хотят получить больше финансирования.

Население приветствует федеральные программы по туризму, по инвестированию строительства турбаз, зон отдыха. Сейчас в этом плане заметны положительные шаги. Активно ведется строительство горнолыжного курорта Матлас, в смету которого заложено около 10 миллиардов рублей (по другим оценкам 5 миллиардов). База сможет принять одновременно 10 тысяч человек. Это долгосрочный и очень прогрессивный проект. А пока в регионе неспокойно, Матлас будет служить целям внутреннего туризма. В конце концов, замирение на Кавказе когда-нибудь непременно произойдет, и тогда туристам-горнолыжникам будет что посмотреть. Например, крепость Арани – памятник русской военной архитектуры XIX века федерального значения. Или аул Цада – родина Расула Гамзатова, а также другие достопримечательности. Единственное, что волнует население – высокий уровень коррупции во всех эшелонах власти. И велика доля вероятности того, что выделенные средства попадут в карманы чиновников всех уровней. При этом такой интересный проект не будет завершен.

Население видит в политике центра один из источников неста-

бильности в регионе. При проведении контртеррористических операций не учитываются национальные особенности, менталитет населения, характер застройки зданий (скученность застройки домов в горной местности, когда взрыв одного здания сопровождается разрушением целого квартала). Сегодня Дагестан стал ареной борьбы в том числе вооруженных сил, для которых и свобода, и сама жизнь человека, и ответственность за судьбу республики являются пустым звуком, когда слово «Дагестан» в сводках новостей звучит чаще всего в контексте событий, негативных для имиджа республики.

Ключ к порядку, по мнению экспертов, – полномасштабное вмешательство Кремля во все сферы жизни республики, чтобы держать под контролем политическую, экономическую и социальную ситуацию. Если большая часть населения считает, что религиозные секты мешают развитию экономики и вообще нормальному функционированию социума, это должно решаться на основе законов РФ, дальнейшем их функционировании на территории республики, а народу надо дать больше демократии, чтобы он мог выбирать достойных руководителей из своей среды, которым он доверяет и которые в состоянии обеспечить безопасность и занятость, чтобы можно было преодолеть апатичное настроение населения. Политическую систему власти надо организовывать так, чтобы голос самых бедных слоев населения был услышан, – сегодня простым людям трудно противостоять тем, в чьих руках находятся богатство и власть.

В настоящее время реализуется программа полномочного представителя Президента РФ по Северо-Кавказскому федеральному округу Александра Хлопонина по

переселению северокавказцев в Центральную Россию. По данным Управления государственной службы занятости населения Пензенской области, по этой программе из Дагестана выехали и расселились в семи районах 104 человека.

По экспертным оценкам, идея переселения северокавказцев напоминает кампанию по освоению целины в 50-х гг. XX века, но не по масштабам, а по бессмысленности и непродуманности. Во-первых, прежде чем принимать подобные решения, необходимо скрупулезное изучение общественного мнения и мнения экспертов. В этом проекте много лазеек для присвоения денег чиновниками. Не исключено, что некоторые отдельные законопослушные граждане действительно приедут в Пензенскую область и действительно приживутся и будут прилежно работать на селе, но какой процент? Наше государство так богато, что может позволить себе такой низкий КПД? (Почему бы с тем же рвением не предпринять попытку возрождения сельского хозяйства в равнинном и предгорном Дагестане? С древних времен и до перестройки это были традиционные территории земледелия, садоводства и скотоводства.)

Во-вторых, программа очень дорогостоящая, одновременно сырая, непродуманная. Может, надо продумать, в каком виде выдавать людям деньги? На местах, в виде ссуды на строительство дома, но не на родине; во-вторых, чем обернется эта лихорадочная езда по России нашим гражданам? Может, те же Коми, Марий Эл станут новым плацдармом для террористов всех мастей? Очень заманчиво... Центр России... В-третьих, наших людей не надо куда деньгами заманивать, дагестанцев везде хватает: от Калинингра-

да до Камчатки. Если есть желание куда-либо приложить усилия, наши люди сами поедут. Так что великая Россия пусть побережет свой кошелек для более удачных свершений. В-четвертых, население в ряде республик СКФО РФ в 1944 было насильственно депортировано, оно органически боится куда-то выезжать, да еще через государственную миграционную службу. «Потом не пустят еще обратно», – подчеркнул один эксперт. Это этническая боязнь пострадавших людей.

Многие этой программой недовольны и считают, что работать она не будет, как, собственно, не работает ни одна государственная программа. Деньги будут пущены на ветер, в частности, попадут в карманы чиновников. В Ингушетии люди получили подъемные деньги, но не поехали. Те же, кто поехал, оказались обманутыми на местах: вместо обещанного жилья, их поместили в бараки, обращались, как с бомжами. Вместо возможности завести свое собственное фермерское хозяйство их заставляли работать на заводах в ужасных условиях.

На Северном Кавказе применяются недемократические методы работы – от коррупции и устройства на работу по протекции до закупочных интриг и группировок, которые теперь разоблачаются благодаря новым достижениям в области информационных технологий. Некоторые процессы, ранее оставшиеся скрытыми от глаз, теперь стали доступными и вызывают негодование. Старые формы ведения дел разрушаются, существующая политическая структура, бывшие партийно-комсомольские работники показали свою неспособность участвовать в современных модернизационных процессах.

Таким образом, основным фак-

тором напряженности в республике являются межконфессиональные противоречия. Противостояние по линии «власть – народ» не выражено ярко, так как власть слаба и коррумпирована на всех уровнях. Политические противоречия – это лишь производные кризиса экономики республики, охватившего все отрасли производства и приведшие в упадок социальную сферу Дагестана. Социально-экономическая ситуация в республике оценивается как кризисная, даже катастрофическая. Сегодня народ Дагестана нуждается в грамотном политическом руководстве. Он может с пониманием отнестись к допускаемым властными структурами ошибкам, но вряд ли простит переживаемые по вине властей позор и стыд.

Роль государства в экономике республики должна быть шире, чем сегодня, и граждане требуют принять необходимые меры против криминализации экономики, а также внести коррективы в сферу социальных отношений и социальной защиты населения.

Уровень доверия исполнительным органам власти довольно низок, так как, скорее всего, население видит неэффективность деятельности исполнительной власти вынуждены сами предпринимать усилия для решения своих насущных проблем (жилье, отопление, электричество, водопровод, ремонт и обеспечение необходимым инвентарем школ и др.). Роль политических партий и общественных движений в республике мало- или вообще незначительна. Подобная картина наблюдается и в целом по России, где, по оценкам социологов, всего 5–6% населения доверяют партиям или движениям.

Основной угрозой безопасности Республики Дагестан являют-

ся сепаратизм дагестанского народа, коррупция, терроризм, религиозный экстремизм, разрушение экономики, безработица, все возрастающая степень религиозности общества, продажность руководства республики и неспособность властей решать социально-экономические проблемы, что ведет к дезинтеграции общества. Эксперты уверены в том, что весь спектр базовых человеческих ценностей упал до критической нормы и находится в состоянии риска. Степень влияния «лесных братьев» на жизнь социума республики в целом достаточно высока. Оно постепенно усиливается, в том числе и через активное присутствие их идеологов в СМИ и социальных сетях.

Ключ к порядку – полномасштабное вмешательство Кремля во все сферы жизни республики, чтобы держать под контролем политическую, экономическую и социальную жизнь. Большая часть населения считает, что религиозные секты мешают развитию экономики и вообще нормальному функционированию социума в целом. Народу надо дать больше демократии, чтобы он мог выбирать достойных руководителей – из своей среды, которым он доверяет и которые в состоянии обеспечить безопасность и занятость, чтобы можно было преодолеть безверие, апатию социума. Политическую систему власти надо организовывать так, чтобы голос самых бедных слоев населения был услышан, потому что сегодня простым людям трудно противостоять тем, в чьих руках находятся богатство и власть.

Ссылки:

1 Федотова В.Г. «Хорошее общество». М., Прогресс-Традиция, 2005. С.401

Политическая активность людей старшего возраста в Уральской глубинке

Тарасова А.Н., Шилов В.В.

В работе, на основе проведённого прикладного социологического опроса, рассматриваются политическая активность и политические предпочтения людей старших возрастов в г. Березники и г. Усолье Пермского края перед выборами Президента РФ 2012 года.

Ключевые слова: люди старших возрастов, электорат, политическая активность, политические убеждения, человеческий потенциал.

Tarasova A.N., Shilov V.V.

Political activity of older people in the hinterland of the Urals (results of poll)

This paper, based on our applied survey considered political activity and political preferences of older people in Berезniki and Ussolye Perm region, before the election of the President of the Russian Federation in 2012.

Key words: older people, the electorate, political activism, political beliefs, human capacity.

Перед выборами Президента РФ (4 марта 2012 г.) кафедрой общественных наук Березниковского филиала Уральского государственного экономического университета был проведён социологический опрос людей старших возрастов по теме «Социально-политическая активность» в г. Березники и г. Усолье Пермского края с 25 января по 2 марта 2012 года.

Уровень цивилизованности общества, авторитет государства и нации находится в прямой зависимости от того положения, которое занимают в обществе пожилые и старые люди. По отношению государства к пенсионерам, прежде всего, к пожилым ее гражданам, их экономическим, социальным проблемам и медицинскому обеспечению можно судить об экономическом и нравственном развитии общества.

Но в то же время, переход России к рыночной экономике и, как следствие, демократические преобразования в нашем социуме кардинально изменили общество: трансформировалась его структура, изменились экономическое положение и образ жизни всех

социально-демографических групп, в том числе пенсионеров.

Самое примечательно, в нашем случае, – исход выборов (местные, региональные, федеральные) в последние годы во многом зависит именно от людей «серебряного возраста», так как за последнее десятилетие резко ухудшилась демографическая ситуация: уменьшилась численность россиян, снизились рождаемость и продолжительность жизни, сократилось число трудоспособного населения, в том числе молодежи и, напротив, увеличилось количество пенсионеров.

Современное российское общество по возрастному составу является обществом пожилых и старых людей. По данным Госкомстата РФ, численность населения старше трудоспособного возраста за 1939–2002 гг. выросла в более чем 3 раза, только за последние шесть лет число пенсионеров увеличилось на 8,9 % и в 2011 г. составило 38,6 млн. человек. В 2012 г. ожидается увеличение количества пенсионеров в РФ ещё на два миллиона человек. По прогнозам аналитиков, процесс старения населения России еще будет продолжаться и к 2015 году численность пенсионеров может составить 34,5% от численности российского электората, а трудоспособное население уменьшится до 64,5%¹.

Отсюда сегодня возникают как проблемы нагрузки на работающее население, так и резкое снижение уровня жизни людей старших возрастов. В частности, коммерциализация медицинского обслуживания значительно ухудшила положение пенсионеров Пермского Прикамья, сделав их одним из самых социально незащищенных слоев населения.

Вынужденные адаптироваться к новым экономическим условиям

очень многие пенсионеры, несмотря на возраст, стремятся вновь трудоустроиться на полную для них работу, чтобы улучшить свое материальное положение. Тем не менее, социологические исследования, проведенные нами в 2010–2011 гг. показали: более 75% безработных пенсионеров следует рассматривать как активную социально-экономическую часть городского сообщества².

Применительно к нашей Березниковско-Усольской агропромышленной территории можно отметить: в Березниках проживает почти 48 тысяч человек, то есть чуть ли не треть жителей города. В Усольском районе картина практически та же – 4200 пенсионеров.

Вместе с «бюджетниками» (последних в России порядка 15 миллионов человек) на выборах это составляет порядка 60–65% электората. Поэтому политические «пристрастия» данной категории населения вызывают интерес буквально у всех – властей всех уровней, оппозиции (системной и несистемной), лидеров общественных организаций, объединений и движений.

Этими соображениями и был обосновано наше исследование. Проведенный социологический опрос людей старшего возраста Березников и Усоля охватывал следующие группы респондентов: Совет ветеранов педагогического труда, Совет ветеранов ОАО «Азот», Совет ветеранов ОАО «Уралкалий», Совет ветеранов «Новогор-Прикамье», Ж/Д станция Березники, Совет ветеранов ОАО «Березниковский содовый завод», Совет ветеранов профтехобразования, Совет ветеранов УВД, Совет ветеранов «Евразия», Совет ветеранов «Пермэнерго» и 25 пенсионеров «без ветеранских организаций».

Всего нами было проанкетировано 311 респондентов в возрасте от 49 до 85 лет. В результате анонимного опроса были получены следующие ответы и статистические показатели. Итак, на первый вопрос: «Каковы Ваши политические убеждения?» (ответили только 291 человек) респонденты указали:

1) Демократ – 64 человека (21,99%);

2) Социал-демократ – 29 человек (9,97%);

3) Коммунист – 50 человек (17,18%);

4) Либерал – 4 человека (1,37%);

5) Либерал-демократ – 8 человек (2,75%);

6) Анархист – 3 человека (1,03%);

7) Не придерживаюсь никаких политических убеждений – 131 человек (45,02%);

8) Другое:

- Не понимаю разницы – 1 человек (0,34%);

- Сторонник социальной справедливости – 1 человек (0,34%).

Как видим, несмотря на сложившийся стереотип, что пенсионеры всегда голосуют за коммунистов, в нашем случае «демократов» в Березниках и Усолье оказалось больше (21,99 и 17,18% соответственно). Здесь же приведём данные завкафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ Е.Шаповал: недавний опрос показал, что примерно 33% населения сегодня считают себя демократами³.

На второй вопрос анкеты: «Что Вы думаете о политической жизни Березников и Усолья?» (299 человек) большинство ответило, что «Политическая активность невысока» – 202 человека (67,56%) и только 17 человек (5,69%) сказали – «Идёт активная политическая жизнь». Здесь респонденты указали

«Политикой не интересуюсь» – 54 человека (18,06%) и 26 человек (8,7%) считают – «Политическая жизнь отсутствует».

В третьем вопросе анкеты «Какую политическую партию Вы поддерживаете?» (283 человека) места распределились так:

1) «Единая Россия» – 143 человека (50,53%);

2) «КПРФ» – 56 человек (19,79%);

3) «Справедливая Россия» – 44 человека (15,55%);

4) «ЛДПР» – 13 человек (4,59%)

и «Яблоко» – 13 человек (4,59%);

5) Патриоты России – 4 человека (1,41%);

6) «Правое дело» – 0 человек (0,00%);

7) Другое: Никакую – 10 человек (3,53%).

Как видим, результат очень интересен. Выдвиженец «ЕР» В.В. Путин получил больше голосов 4 марта 2012 г. (45 602 075 человек) – это 63,60 процента (общероссийский показатель), чем березниковско-усольские пенсионеры дали выдвигающей его партии (50,53%). Здесь показательно отметить и такой факт. В Усольском районе Пермского края за В.В. Путина 75,8%, т.е. на 12% больше, чем в среднем по Российской Федерации, а больше всего в Усольском районе В.В. Путин получил от избирателей сельского поселения Берёзовка на Каме и Пыскорского сельского поселения – 82,4% и 81,69% соответственно (всего в районе приняли участие в выборах 52,69%)⁴.

В то же время, кандидат в Президенты М.Д. Прохоров (позиционировал себя с «правыми») занял третье место на выборах в РФ (5 722 508 избиратель отдали голоса – это 7,98 процента). Наши респонденты Березников и Усолья партии «Правое дело» вообще не дали ни одного голоса.

Стоит заметить, как для людей старших возрастов, так и для молодого поколения россиян термины «правые» и «левые» часто малопонятны. Это и объяснимо, так как то, что у нас называют левым и правым в других странах имеет другую трактовку. Например, правые во Франции – это националисты (Ле Пен), которые борются за национальный суверенитет. А, например, либералы в нашем понимании это правые, а, скажем, в США – это люди, скорее всего, с левыми убеждениями.

В январе 2012 г. опрошенные нами студенты трёх Березниковских филиалов (УргЭУ, ПГНИУ, ПНИПУ) в возрасте от 17 до 25 лет (276 респондентов) 9,2% (если бы выборы прошли завтра) отдали бы голоса М.Д. Прохорову. Но и здесь можно сказать, что вряд ли при анкетировании молодёжь (как и люди серебряного возраста) думает об «идеологии», скорее всего, молодёжь ориентируется не на «бренд» (правое, либеральное или левое), а на чисто механически обозначающую их сущность, которая выражается в позитивном движении к успеху (или карьере, или удобная комфортная жизнь, или возможность путешествовать, или самореализация). Пенсионеры, в свою очередь, хорошо помнят приватизацию 90-х гг. и для значительной части это была «прихватизация».

Здесь же можно отметить: сегодня рейтинг Григория Явлинского, возможно, выше рейтинга партии «Яблоко» (наши респонденты указали только 4,59 процента), так как «на Руси» довольно лояльно и часто с пиететом относятся к «гонимым» (в конце 80-х гг. такой ореол приобрёл и выпускник средней школы № 1 им. А.С. Пушкина, будущий Президент РФ Б.Н. Ельцин).

Рейтинг «ЛДПР» (практически это партия одного человека – В.В. Жириновского) почти в три раза меньше прошлогодних выборов Президента РФ, возможно, это связано с показанными несколько раз роликами, где кандидат в Президенты довольно в экспрессивной форме сказал: «от Перми до Екатеринбурга живут одни дебилы»... Плюс к этому довольно неудачный ролик с «побиванием бедного ослика».

На четвёртый вопрос «Всегда ли Вы ходите на выборы?» (ответили 310 человек) ответы, скорее всего, можно было предвидеть:

- 1) всегда, когда они проходят – 240 человек (77,42%);
- 2) посещаю, но не всегда получается – 53 человека (17,1%);
- 3) не хожу – от меня ничего не зависит – 17 человек (5,48%).

То есть активность избирателей намного выше, чем молодёжи и людей средних возрастов. Всего голосов на выборах 4 марта 2012 г. составило 71 104 543 (64,71%), число избирателей, включенных в список избирателей – 109 860 331 (100%).

В целом же в Березниках на избирательные участки пришло более 63 тысяч человек – 50,98% (меньше общероссийского показателя). Большинство, как и в России, проголосовало за В.В. Путина – 68,51%, за Г.А. Зюганова – 11,7%, за М.Д. Прохорова – 9,39%, за С.М. Миронова – 4,61% и за В.В. Жириновского – 4,39%.

Интересные ответы были получены на вопрос: «Как Вы относитесь к проводимой государством социально-экономической политике?» (306 человек):

- 1) меня всё устраивает – 19 человек (6,21%);
- 2) негативно отношусь к проводимой политике – 46 человек (15,03%);

3) устраивает, но не всё – 241 человек (78,76%).

Думается, местным и региональным властям есть над чем задуматься и стоит обязательно провести социальное исследование для более полного выяснения проблем людей старших возрастов.

В анкеты был и такой вопрос: «Принимали ли Вы участие в демонстрациях, митингах, пикетах?» (309 человек)

1) участвовал, но давно – 147 человек (47,57%);

2) не участвовал – 150 человек (48,54%);

3) участвую постоянно – 12 человек (3,88%).

Как видим, нельзя сказать, что наши пенсионеры полностью «списанный материал» для «любителей» пикетов, митингов и даже демонстраций. То есть в процессе формирования гражданского общества данная категория граждан играла и, скорее всего, будет и дальше играть довольно заметную роль⁵.

Учёному сообществу г. Березники Пермского края не представляется пока возможным выработать предложения «федерального, регионального уровня» по улучшению качества жизни для российских людей старших возрастов.

Тем не менее, некоторые рекомендации можно всё-таки дать. В первую очередь, следует отметить, что для Верхнекамского региона проблемы людей пожилого возраста, пенсионеров практически не существовало в главные периоды развития исследуемой нами территории (1970-1990 гг.). Эта проблема начала возникать только в начале 1990-х годов. Во многом все проблемы людей старших возрастов (в том числе численность и качественный состав) сопоставимы с общероссийскими соотношениями.

Высокая численность пенсионеров Березниковско-Усольской аг-

ропромышленной территории приводит к усилению их роли в социальном развитии, повышению требований в отношении предоставления социальных гарантий во всех сферах жизнедеятельности нашего региона.

Поэтому, отделениям политических партий, местным общественным движениям, организациям, совместно с работниками служб социальной защиты, Центров занятости населения, миграционных служб, управлений пенсионных фондов местных администраций необходимо и дальше проводить на Березниковско-Усольской агропромышленной территории регулярные информационно-аналитические исследования по проблемам людей старших возрастов, например, с общим названием: «Березниковско-Усольские пенсионеры: социологический портрет» (тематика публикации: Социология малых групп).

В этих информационно-аналитических исследованиях следует рассматривать следующие задачи: изучение социального самочувствия, социальной активности людей старших возрастов, их здоровья, трудовой занятости, оценок служб социальной защиты, миграционных прав

Сопоставление результатов подобных социологических исследований по проблемам Березниковско-Усольских пенсионеров, проведенных по всей территории, будет предоставлять возможность проследить динамику этих процессов, что и должно служить основой составления социальных и политических программ.

Улучшению качества жизни людей старших возрастов и использование их накопленного жизненного опыта для развития Верхнекамского региона должно способствовать богатейшее историко-

культурно-природное наследие территории объекта исследования и наличие большого трудоспособного творческого потенциала населения г. Березники, г. Усолье, Усольского района Пермского края.

В качестве положительного частного примера с людьми старших возрастов можно привести успешную работу «Народного университета» при филиале Уральского государственного экономического университета в г. Березники в 2009-2012 гг., созданного по инициативе депутата Законодательного Собрания Пермского края О.А. Ковалёва⁶.

Студенты «Народного университета» (более 300 человек) прослушали курс лекций по праву, экономики, налогообложению, психологии, истории, культуре речи, социологии, политологии и др. социальным-политическим и гуманитарным дисциплинам. Кроме того, практически единогласно все они утверждают, что хорошее образование и способность адаптироваться к новым условиям многим из них помогают все-таки не «потеряться» в обществе⁷.

Примечательно, что многие из слушателей «Народного университета» выразили желание овладеть компьютерной грамотностью, что им и было предоставлено. Интересно отметить, что лишь 6 процентов неработающих и 25 процентов работающих пенсионеров умело пользоваться компьютером (при 42 компьютерно-грамотных процентах населения России в целом). Березниковско-Усольские представители старших возрастов предпочитали его в основном для работы (71%), для получения информации и новостей (56%), справочных материалов (68), для расширения кругозора (49%). А вот развлечения ради пользовались ком-

пьютером и Интернетом лишь 34% пенсионеров в отличие от 49% россиян других возрастов.

Подводя итог трёхлетней работы «Народного университета» (кураторы: О.А. Ковалёв, М.А. Русина, В.В. Шилов, А.Б. Тимохин, А.Н. Тарасова), можно констатировать: у каждого человека постоянно изменяются интересы, желания, даже нравственные установки и потребности: что-то появляется впервые, что-то утрачивается. Отсюда возникает необходимость восполнять какие-то пробелы в образовании, которые возникли по разным причинам, а также глубже погружаться в разные сферы знаний, на которые раньше просто не хватало времени.

И хотя с возрастом человек утрачивает некоторые навыки и привычку к систематическому образованию, зато он приобретает очень важное – осмысленные желания (мотивации) и время на их осуществление.

В целом представителям властных структур, общественным и политическим организациям и объединениям можно рекомендовать:

1. Содействовать формированию экономической, правовой, информационной культуры людей третьего возраста;

2. Развивать систему качественного и доступного образования людей старших возрастов как фактора повышения качества их жизни;

3. Способствовать информационному равенству и социокультурному включению пожилых граждан в социально-политическую, экономическую сферу Березниковско-Усольской агропромышленной территории.

Подводя итог, следует отметить, – основным стратегическим ресурсом гг. Березники, Усолье и

Усольского района Пермского края был и остается человеческий потенциал – это одно из основных условий развития территории.

На основе социологических исследований, проведенных филиалом УрГЭУ в г. Березники в 2009–2012 гг., авторы отчетов (2010, 2011 и 2012 гг.) и данной статьи пришли к выводу: *более 75% людей старших возрастов Березниковско-Усольской агропромышленной территории следует рассматривать как активную социально-экономическую часть общества.*

Ссылки:

1 Демографический сборник России 2002. Госкомстат РФ. – М., 2002. С. 168.

2 Шилов В.В., Тарасова А.Н., Тимохин А.Б. Социально-бытовые и психолого-экономические проблемы старших возрастов (по результатам социологического опроса пенсионеров г. Березники Пермского края в 2010 г.). // Бюллетень Пермской социологии. Исследования 2009–2010 гг. Вып. 2. – Пермь, 2010. – С. 120–125.

3 Шестопал Е.: «Все умеренное в России плохо растет» // Ком-

мерсантъ ВЛАСТЬ. 2012. – 5 марта. – С.27.

4 Выборы-2012 // Усольская газета. 2012. 9 марта. С.1,7.

5 Шилов В.В., Тарасова А.Н. Проблемы формирования гражданского общества в провинциальном городе Березники Пермского края (по результатам соцпроса молодежи) // Проблемы и перспективы становления гражданского общества: материалы междунар. науч.-практич. конф., 20–21 мая 2010 г., Могилев / УО «Могилевский государственный университет продовольствия»; редкол.: Ю.М. Бубнов, (отв. ред.), Т.Г. Бобкова, И.А. Пушкин, В.Л. Рожковский, В.В. Юдин. В 2-х ч. Ч.2. – Могилев: УО «МГУП», 2010. – 247с. – Ч.2. – С.236–240.

6 Чтобы стать слушателем «Университета третьего возраста» от березниковцев и усольчан нужно просто написать заявление (филиал УрГЭУ в г. Березники, Ленина, 33, офис.306). Занятия в «Университете третьего возраста» бесплатные. При наборе групп никаких критериев отбора не предусматривается.

7 Шилов В.В., Тарасова А.Н., Тимохин А.Б. Указ. соч.

Полиэтничность России в котле глобализации

Тямкова Н.А.

В статье рассмотрены проблемы, вызванные масштабными миграционными процессами в странах Запада и в России. Поставлен вопрос об опасности повторения ошибок европейской миграционной политики в современной России с ее полиэтничностью. Кратко рассмотрены особенности этнической политики в России сквозь призму традиционализма.

Ключевые слова: этническая политика, иммиграция, традиция, полиэтничность.

Tyamkova N.A.

Polyethnicity Russia in the cauldron of globalization
The article deals with the problems caused by the large-scale migration to the West and Russia. The issue about the dangers of repeating the mistakes of European migration policy in modern Russia with its polyethnicity is brought up. The features of ethnic policy in Russia are briefly observed through the prism of traditionalism.

Key words: ethnic policy, immigration, tradition, polyethnicity.

Ученый-гуманитарий всегда подвержен влиянию той окружающей действительности, которая имеет место быть в данный конкретный момент в конкретной стране. О невозможности абстрагирования историка от обстоятельств окружающей его действительности писал известный западный мыслитель А.Дж.Тойнби в своей книге «Постижение истории» [1]. Сложность рассмотрения успехов своей страны в экономической, политической, культурной, социальной отраслях как внутрисистемных успехов породило теорию единства цивилизаций, идею прогресса, одновекторности развития всего человечества по схеме развития западного мира... В.Н. Расторгуев отмечает, что «эпоха Просвещения сделала предметом культа идеалы моноцивилизационного, а, следовательно, «надконфессионального» или откровенно антиклерикального развития (прогресса), европоцентричного по своей сути» [2].

Постхристианское пространство Европы настойчиво предлагает миру идеологию экономического детерминизма, приоритета комфорта как

главного идентификатора удовлетворения жизнью для индивида. О данном процессе метко пишет протоперей Дмитрий Лескин: «Примат частного над общим, утверждение первичности индивидуального начала, призванного реализоваться во всей полноте своих дарований, что является «первородной» идеей западной традиции. ... Несомненно, западная цивилизация давно выступает как передовая сила всего человечества. Уже много веков история вершится на Западе. Уделом огромного числа культур стало присоединение к магистральному вектору развития человечества, сердце которого бьется в Европе и США. Колоссальные достижения в области науки и техники, широкие политические свободы, экономическое благополучие, многочисленные социальные гарантии и т.д. превратили западный стандарт жизни в объект стремления во всем мире, породили феномен «американской мечты»» [3].

Настаивая на универсализации своих ценностей, западный мир не оставляет для других стран альтернативных путей развития. «Сам Запад всегда настаивал на культурной нейтральности, вселенском характере утверждаемых им ценностей: прав человека, научно-технического прогресса, экономического роста и др., их первичности по отношению к национально-культурному и духовно-историческому своеобразию отдельных цивилизаций» [3]. Модель развитого мира, прогрессивных и отсталых стран включает в себя не только развитость экономики в русле рыночных технологий, не только либерализм как идеологию политической мысли, но и образ духовности, оторванной от «архаичности религии», от социального контроля как индикатора верности поступков человека. Отныне создателем своего

мировоззрения становится сам индивид, независимый от общества, семьи, социальных норм (если это не преступает закон). Разрешено все, что не запрещено законом. Так, во всех странах, подобно Западу, вслед за модернизацией экономики должно прийти и изменение сознания, стиля мышления, смена ценностных ориентиров с ориентацией на западные идеалы. Область нравственности теряет свои границы, они становятся зависимыми от ситуаций и от желания человека, нивелируются понятия совести и греха. Мышление и образ жизни, выходящие за рамки заданных либерализмом ориентиров, могут быть признаны, в лучшем случае, архаизмом и неразвитостью, а в худшем случае – тиранией и экстремизмом, подлежащими устранению под эгидой спасения. «...заразителен в этом отношении ново-европейский опыт принудительной дехристианизации христианского мира, когда даже за осуждение ряда наиболее тяжелых пороков, несовместимых с уважением религиозных чувств, можно получить срок...» [4]. Если рассматривать эти процессы в мировом геополитическом масштабе, то имеет смысл задуматься над природой революций в Северной Африке, об идеологии либерализма как о средстве контроля над массовым сознанием в разных точках земного шара посредством развитых средств коммуникации, особенно, интернета и социальных сетей.

Но сегодня миру предлагается не только новая система экономики с центром в США, не только новая политическая система - либеральная демократия, но и особая система межэтнического взаимодействия - мультикультурализм, идеология всесмешения, предусматривающая параллельное существование культур в целях их

взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле массовой культуры. В идеале мультикультурализм предполагает «содействие (государства и иных социальных субъектов) равноправному развитию в одной стране различных этнических культур, адаптации социальных институтов общества к потребностям разных этнокультурных групп, преодоление структур дискриминации по этническому признаку во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при получении образования, трудоустройства, социальной мобильности,....» [5]. Мультикультурализм представляет собой интеллектуальное отражение политики «плавильного котла», много лет проводимой, например, в США. Он предлагает миру идею всесмещения этносов, взаимотерпимое отношение друг к другу, принятие всеми, якобы универсальных, либеральных ценностей. Так, взамен этнической и конфессиональной идентичности предлагается идентичность «рыночная» - идентичность «гражданина мира», человека без корней, без родства, фигурки от мозаики нового социума, в котором правят либеральные ценности и индивидуализм. Мультикультурализм является порождением глобализма.

В странах, покорившихся идеологии глобализма, налицо демографические проблемы. Свобода, отрывающая от обязанностей, концентрация смысла на идее о правах человека, независимо от его поведения (когда дело не идет о деликвентном поведении), утрата традиций в угоду экономическому благополучию, смена ценностных ориентиров приводит к спаду рождаемости.

Не имея человеческих ресурсов для восполнения численности

населения своими же силами, западные экономически развитые страны вынуждены привлекать «рабочую силу» за рубежом. Численность «коренного» население Европы, по экспертным оценкам, к 2050 г. станет на 68 млн. меньше, чем в начале XXI века. Для покрытия этих потерь и дальнейшего развития экономики требуется принять до 100 млн. человек [6].

Выходцы из стран «третьего мира» на новой земле получают за неквалифицированную работу заработную плату намного выше, чем они получали бы у себя на родине. В свою очередь, из коренного населения стран, принимающих иммигрантов, мало кто готов заниматься подобной работой. Идеология приоритета комфорта является первостепенным ориентиром для «коренных» граждан «развитых» стран. Таким образом, главными причинами переезда иностранцев в «развитые страны», являются:

1) Высокая заработная плата (относительно заработной платы в коренной стране иммигранта) и социальное обеспечение (по крайней мере, обещания получения социального обеспечения);

2) Поиск комфортных условий жизни, жажда окунуться в атмосферу «американской мечты»;

3) Демографический кризис в странах с либерально-демократическим режимом, что заставляет их искать трудовые ресурсы за пределами своей страны;

4) Политическая нестабильность в регионах северной Африки, спровоцировавшая поток иммигрантов в страны западной Европы.

Но стоит задать вопрос о том, не приведет ли политика массового принятия иммигрантов и применения идеологии мультикульту-

рализма к вырождению коренного населения? Отказ от традиций, от христианства в христианской стране, от этнокультурных особенностей приводит к тому, что человек начинает представлять собой временный феномен, не имеющий связи ни с прошлым, ни с будущим, «живую машину», запрограммированную на потребление, на поиск получения выгод и комфортного существования. В этот мир западного «Ивана без родства» прибывает человек из другого мира – традиционного, «архаичного» и «неразвитого» – человек с представлениями о традиционной иерархии ценностей, о вере, о традициях и т.д. Такие явления как гомосексуализм, раннее половое воспитание, возможность расторжения брака бесконечное число раз, могут вызвать у мигранта не столько удивление, сколько презрение, а христианская страна, позволившая не только развитие, но и легализацию подобных явлений, не может считаться духовной опорой для своих граждан. «Мультикультурализм – это выдавливание христианской религии с целью умиротворения мигрантов, которые, как оказалось, не ценят этого стремления; чем меньше в христианских странах христианства, тем больше у «новоселов» оснований презирать европейцев как предателей собственной веры» [7]. Снятие крестов со стен итальянских школ по требованию считающих это нетолерантным по отношению к инаковерующим в стране – центре христианства на Западе, требования иммигрантов убрать изображение креста со швейцарского флага, – что будет дальше? Разумеется, что пропаганда толерантности в такой стране для мигранта будет выглядеть смешной. Мигранты – мусульмане «должны верить в каждую букву

Корана, игнорируя любые комментарии со стороны проповедников толерантности, порицающие их взгляды, находящие их жестокими и устаревшими. Если по телевизору фундаменталист сталкивается с таким комментатором, то приходит к простому умозаключению: телевизор вместе с этим комментатором нужно выбросить» [8: 232].

Не исключено, что в условиях массовой миграции из стран исламской культуры произойдет исламизация, намеки на которую можно увидеть в современных западных странах. Либеральная идеология не способна удержать порыв фундаментал-консерватизма мигрантов. Мигранты – это люди из иной цивилизации, а используя их лишь как рабочую силу, власти не учитывают этот факт, что может привести к смене этнической и конфессиональной картины современного Запада. Еще Н.Я.Данилевский писал о процессе проникновения одной культуры в другую, сравнивая его с брожением дрожжей, которое «не преминет передаться остальной массе и разложить все, что в ней есть» [9: 67]. Если ознакомиться со сводками новостей из Германии, Франции и Великобритании, то можно заметить, что властями принимаются меры по недопущению демонстрации и пропаганды мигрантами своей веры (запрет на ношение паранджи, запрет молиться в публичных местах). В то же время, неадаптированные мигранты зачастую не знают языка принимающего социума, живут в анклавных и нередко становятся участниками этносоциальных конфликтов. До недавнего времени на Западе было не принято открыто говорить об этих проблемах. По словам Натальи Нарочницкой: «...западные страны, долгое время накладывав-

шие табу на обсуждение межэтнических отношений, наконец-то отошли от этих догм, XX век научил открыто говорить о национальном вопросе» [10].

В последнее время все чаще появляются мнения, что, Запад в том виде, в котором он был ранее, скоро перестанет существовать. В. Расторуев тесно связывает эти изменения с иммиграцией: «Призрак «пост-Европы» уже не бродит, а прочно поселился в европейских столицах и провинциях», на смену коммунизму «пришел новый воинствующий антиевропеизм, не идеологически, а цивилизационно несовместимый с культурами Европы ... речь идет не столько об исламизации, сколько о феномене самодостаточности пришельцев, не желающих адаптироваться в западной культуре. ... не сегодня, так завтра процесс деградации многих великих культур и народов Европы станет необратимым под натиском инокультурных миграционных волн. Новое население европейских стран все напористей требует широкой цивилизационной автономии» [11]. Мигранты – это люди из иной цивилизации, а, используя их лишь как рабочую силу, власти не учитывают этот факт, что приводит к таким последствиям. Действительно, низкая рождаемость среди европейцев и высокая среди мигрантов обуславливает возможность смены этнической и конфессиональной картины современного Запада. «Демографический спад в Германии, наряду с массивной мусульманской иммиграцией... приведет к окончательному уничтожению германской культуры», – такое мнение высказал член правления германского Центробанка Тило Сарацин в своей книге «Deutschland schafft sich ab» [12]. Все чаще такая же позиция озву-

чивается и руководителями государств. Так, в октябре 2010 г. канцлер ФРГ Ангела Меркель заявила об «абсолютном крахе» мультикультурализма в Германии [13]. По ее мнению, иммигранты должны учить немецкий язык и получать образование в немецких школах. Особый акцент Меркель сделала на необходимости освоения «новыми немцами» базовых ценностей христианской цивилизации и преодоления ими языкового барьера как обязательного условия полной натурализации. Вскоре после выступления Ангелы Меркель с аналогичными заявлениями о крахе мультикультурализма выступили премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон и Президент Франции Николя Саркози.

Страны, проводившие в прошлом политику «открытых дверей», сегодня вынуждены заниматься ограничением иммиграции, введением цензов, адаптацией находящихся в стране иммигрантов, ориентироваться на сохранение и восстановление национальной идентичности.

Политика, применяемая в отношении иммигрантов, показала лицо современных стран западной Европы. Политика без опоры на традиции и на ценности, политика толерантности – терпимого отношения к иному мировидению уже нанесла и будет наносить в дальнейшем сильнее удары по идентичности западного мира. Давая иммигрантам большие привилегии, позволяя объединяться в диаспоры, не заботясь об их адаптации, Запад обрек себя на болезненное будущее. Призывая иностранцев из чисто экономических соображений, власти стран Запада явно не ждали того, что иммигранты останутся на длительный срок и смогут столь уютно устроиться в большом котле, ко-

торый переваривает, как оказалось, только самих европейцев, ограничив их права, и предоставляя иммигрантам право на все, что не запрещено толерантным законом. Между иностранцами и немцами расширяется пропасть взаимной отчужденности. В Германии растёт число городских кварталов и школьных классов, где мало кто говорит по-немецки. Каждый четвертый иностранец в Германии живёт за чертой бедности (7 лет назад это был каждый пятый), 20% — безработные, а среди этих безработных почти две трети не имеют образования. Причём многим иностранцам в Германии уже абсолютно безразлично, любят их здесь или нет. Следствием несбывшихся социальных ожиданий становится самоизоляция [14].

Экспертами замечен еще один интересный факт: появление турецкого немецкого языка: старые немецкие слова, забытые немцами, которые турки вычитали и переиначили на специфический говор. Например, стало очень модным слово «красс», значащее нечто вроде «крутой». И в последнее время сами немцы перенимают этот сленг [14].

Немало проблем создает, как ни странно, современное законодательство, ориентированное на права человека и на защиту национальных меньшинств: считается, что если турок изобьёт учительницу в школе, значит, немецкое правительство недостаточно его интегрировало в немецкое общество [14].

В этом ключе стоит задуматься над тем, возможно ли относительно мирное межэтническое взаимодействие в мире, в котором правят экономические ценности?

Особенно остро подобный вопрос стоит сегодня в России — в стране, имеющий многовековой

опыт по поддержанию межэтнического согласия, но сознательно теряющей свои вековые традиции в услугу глобализации.

Переживаемый Россией демографический и морально - нравственный кризис выражается в снижении рождаемости, росте смертности, высоком уровне самоубийств, алкоголизма, наркомании, высоком количестве аборт. Все это в целом ведет к тому, что коренное население России вымирает. Согласно прогнозам ООН, к середине настоящего столетия численность населения России может оказаться меньше 100 миллионов человек. На 1 января 2009 г. в России проживало 141,9 млн. человек, что на 4,4 млн. человек меньше, чем в 2001 г. [15]. Одним из решений демографической проблемы властям видится стимулирование иммиграции. Однако, принимая иммигрантов для решения проблемы нехватки рабочих рук, власти страны упускают из виду человеческий фактор, проблемы социально-культурного плана. Рост социальной напряженности в связи с принятием большого количества иммигрантов, нелегальной иммиграцией, находит отражение и в социологических опросах, и в массовых выступлениях населения. По данным опроса, проведенного нами на студенческой научно-технической школе «Кадры будущего» в особой экономической зоне г.Дубны в июле 2011 г., более половины респондентов (54,8%) респондентов считает, что «иммиграция приводит к социально-экономическим и культурно-психологическим проблемам», и Россия в иммигрантах не нуждается [16]. Схожие данные по отношению россиян к иммигрантам дают и иные опросы, как проведенные нами в вузах г.Самара (около 60% студентов СГАУ и СамГУ

не оправдывают иммиграцию) [17]. Негативизм по отношению к иммигрантам уходит корнями как в личный опыт граждан России при общении с иммигрантами, так и подпитывается средствами массовой информации.

Чисто экономический подход к проблеме демографического замещения населения приводит к социально-культурным и социально-политическим проблемам, в том числе, к росту напряженности в российском обществе в области межэтнических отношений. Идеология либерализма настойчиво предлагает использовать для регулирования межэтнических отношений мультикультурализм. Но неприжившийся на Западе, приживется ли он в России, еще более культурно и этнически разнообразной? Стоит ли внедрять идеи либерализма, имея свой многовековой опыт? Разрабатываемая сегодня теория многополярного мира основным считает сохранение самобытности цивилизации и отказ следовать по пути, указанном Западом. Принципиальный выбор пути, по которому мы будем идти в XXI веке, будет решать судьбу России.

Для России историческая миссия – миссия сбережения народов, просвещения их в духе православия, принятие в свои материнские объятия многих этносов.

Одной из наиважнейших особенностей жизни России в дореволюционный период являлась особая вероисповедная политика, заменявшая в некотором смысле свою этническую, поскольку быть русским означало быть православным, быть поляком – быть католиком, татаринном – мусульманином и т.д. В центре как большой магнит находится русский этнос, а остальные этносы примыкают к нему. Многие этносы были присо-

единены к России в процессе обороны России, или же по причинам желаний облегчить свою участь. К таким регионам относятся Поволжье, Закавказье, Украина, ряд территорий Сибири и Северного Кавказа [18: 6]. Всего к концу 19 века доля всех русских в понимании того периода составляла 66,8% (из них великороссы (по языку) – 44,3%, малороссы – 17,8%, белорусы – 4,7%) [19].

Присоединяя к себе новые территории, власти России никогда не ставили перед собой задачу истребления этносов. Напротив, ни один из этносов, доверивших свою судьбу России, не исчез с лица земли, не был ассимилирован или истреблен, но вписался в общую культурную и этническую мозаику, посередине которой находились русские, как бы удерживая своей массой прикрепленные этносы. На период переписи населения в 1926 г. в России насчитывалось 206 этносов [18: 6], и ни один из них не исчез с лица земли. Россия была очень сильным государством, что позволило ей удержать столь великое число этносов и позволить им процветать. Нельзя говорить, что в досоветской России был «рай на земле» – вовсе нет. Межэтнические противоречия имели место быть, и даже весьма остро, задевая жизни многих семей. Но империя сохранялась, а столь чудовищного геноцида, как, например, в Америке в отношении индейцев, Россия не видела.

Живя в России, представители различных конфессий были объединены единым чувством патриотизма и единой частью идентичности – русской.

«Русские в сверхнациональном союзе с этническими меньшинствами – это и есть точная формулировка исторической России, которая воплощает в себе парадокс

сверхнациональной нации», – пишут авторы Русской доктрины [20]. Русский народ представляет собой пласт русского этноса в сочетании с этническими меньшинствами, которые самобытны в «малом»: свободны в проявлении своей культуры, языка, религии, – но едины в «большом»: они являются частью русского народа, любящего Россию и готового идти на жертву ради неё, верящего в свою великую миссию перед всем миром и перед Богом. В произведениях генерал-майора и писателя П.Н. Краснова много внимания уделено именно любви к Отчизне русского народа независимо от этнической и религиозной принадлежности. Будучи в германском плену, российские солдаты – мусульмане, для которых Император Вильгельм ответ отдельный лагерь и построил в нем мечеть, продемонстрировали свою национальную (не этническую) принадлежность к русскому народу. Во время визита важного гостя, которому властители лагеря хотели продемонстрировать нелюбовь мусульман к русскому «игу» и их довольство германским пленом, после осмотра лагеря и построения пленных солдат, по приказу осматривающего лица спеть молитву, «вышли вперед муллы, пошептались с солдатами. Встрепенулись солдатские массы, подравнялись и тысячеголосый хор под немецким небом, у стен только что отстроенной мечети дружно грянул: «Боже, Царя храни!»...» [21].

Таким образом, наиважнейшим элементом русской идентичности было православное вероисповедание. Будучи частью государственного аппарата, православная церковь была и государственной религией. Но также в зависимости от государства находились и профессиональные организации всех

других «терпимых» в царской России исповеданий. Согласно своду законов Российской империи, все исповедания располагались на четырех иерархических уровнях, каждому из которых соответствовал свой объем прав, привилегий и ограничений.

На первом уровне располагалась Российская православная церковь. Император не имел права исповедовать никакой другой религии, кроме государственной. Православные праздники имели статус гражданских. «Православное духовенство привлекалось ко всем важнейшим государственным событиям (священное миропомазание и коронация царя, бракосочетание членов императорского дома, благодарственные молебствия и пр.)» [22].

Вторая ступень – признанные терпимые исповедания: Католическая, протестантская и Армяно-католическая церкви, христианские секты (меннониты, баптисты), а также нехристианские конфессии – иудаистская, мусульманская, буддийская и язычники. Синагоги и духовные лица караимов и иудеев содержались за счет добровольных пожертвований, при недостатке этих средств производилась «раскладка на общество». Содержание мусульманского духовенства, мечетей и духовных училищ ложилось на плечи приходских обществ.

К третьей категории относились «терпимые непризнанные» религиозные общества: некоторые секты и раскольники. Они не пользовались статусом юридических лиц, преступлением считался сам факт их отпадения от церкви, но на бытовом уровне терпелось.

Наконец, четвертая категория – «непризнанные нетерпимые». К ним относились «изуверные» секты (скопцы), а также те испове-

дания, которые в зависимости от конкретных исторических обстоятельств признавались государством как враждебные [22].

«Приобретение новых территорий, чье население было порой иных конфессий, заставляло государство искать такие правовые нормы, которые позволяли бы, включая в состав империи новые народности, сохранять первенствующее положение и Православной церкви, и титульной нации» [22]: Кроме того, в Российской Империи «...запрещалась любая пропаганда своего вероучения за пределами своей корпорации: законом это классифицировалось как проявление националистических тенденций» [22]. Это связано с тем, что проповедь православия рассматривалась как русификация, католичества – полонизация, протестантизма – «онемечивание» и т.д.

История дореволюционной России демонстрирует дальновидные решения политики, которая велась в отношении национальных меньшинств.

Интересным фактом является то, что служба иностранных граждан в армии при дворе оценивалась выше в материальном положении, чем служба соотечественников [18: 13]. Также было особое разграничение понятий «нация» и «народ» («люди»). К концу ХУ111 века термин «нация» употреблялся в отношении христианских народов (армян, грузин) внутри Российской Империи, термины же «народ», «люди» использовались относительно нехристиан [23]. В мировой практике термин «нация» носил и носит характер юридический, закрепляющий гражданство, а термин «народ», по мнению А.Г. Дугина, означает некую переходную стадию от «этноса» (биологическое, культурное понимание) к

«нации» (гражданское, юридическое понимание). Так, можно предполагать, что к нации как к государствообразующей характеристике этноса (суперэтноса) в эпоху Российской Империи было принято относить лиц христианского вероисповедания, поскольку именно на христианстве основывалась империя.

Отметим, что в дореволюционной России практически не было национальных движений, а движения в регионах России шли под общесоциальными лозунгами [18: 16].

В этнической политике Российской империи стоит отметить переломный момент, связанный с приходом к власти императрицы Екатерины II, чья политика во многом отражала влияние европейского Просвещения. Именно в этот период в российское самосознание просачивалось веяние прогресса, а вероисповедная политика также была существенно либерализована. В своей переписке с Вольтером 29 мая 1767 г. она говорила о своем посещении Казани: «...В здешнем городе находится двадцать различных народов, которые вовсе не сходны между собой. Надобно однако ж дать им такое платье, которое бы годилось для всех. Можно очень найти общие начала; но надобности? И какие подробности! Это почти тоже, что сотворить устроить, сохранить целый мир» [24]. Влияние на взгляды Императрицы западных идеалов сказалось и на вероисповедной политике Российской Империи.

Религиозная толерантность в отношении к «иноподданам» закрепило за ней звание «Аби Патша» среди татар. 29 мая 1773 г. Екатерина II издала объявление о свободе религиозных культов, а 17 июня 1773 г. вышел Сенатский указ «О терпимости всех вероис-

поведаний» [27]. Также 6 апреля 1764 г. была упразднена Контора новокрещенских дел. Этим актом новокрещенных лишили ряда льгот, предоставленных в прежние царствования [28]. Что касается отношения Императрицы в исламу, то за период ее правления Коран был издан на арабском языке несколько раз: в 1787, 1790, 1793, 1796 гг. [29]. За период ее правления вероисповедание татар перестало быть препятствием для занятия предпринимательской деятельностью [27]. Кроме того, в период ее правления стало разрешено принимать на военную службу и награждать офицерским званием (не выше премьер-майора) «татарских мурз и чиновных людей» [28].

На самом деле, Екатерина II была еще более либеральна, чем о ее деятельности говорят представленные выше указы. Например, в речи на общей конференции Синода и Сената 15 сентября 1763 г. она публично выразила свое отношение к вопросу о религиозной проблематике. Она сформулировала идею «отмены государственной религии и полной свободы вероисповеданий, веротерпимости внутри православия» [30]. В Синоде такая позиция Императрицы не нашла отклика, и православие осталась государственной религией, а русский народ – государствообразующим.

Присоединение новых земель в эпоху правления Екатерины II обострило вопросы межэтнических отношений, причем, по-нашему мнению, спорным является и тот факт, что политика вероисповедной толерантности оказала положительное воздействие на гармонизацию межэтнического взаимодействия.

Если говорить о развитии межэтнических отношений в последующее время, то стоит отметить,

что к 1917 г. в России было 240 политических партий, из них активно действовало около 100 [18: 23]. Для всех этих партий была очевидна необходимость перемен, но все они признавали цементирующим ядром русскую нацию, а хозяйство великорусских регионов рассматривали как основу общественного хозяйства в целом.

Различия в области национальных требований касались «целесообразности предоставления национальных автономий регионам, ее степени, возможности предоставления, перечня регионов, которым в будущем следовало бы такую автономию в рамках российского государства предоставить» [18: 35].

Рассмотрение проблем этнической политики в годы советской власти требует особого внимания, поскольку национальный вопрос зачастую использовался властями СССР как тактический для достижения определенных целей [18: 53]. Многие провалы в данной политике, русофобия и деление территории России на округа по этническому принципу с правом на отделение во многом обусловило как распад СССР, так и многие существующие сегодня проблемы. Эта тема невероятно обширна и интересна для рассмотрения, а также заслуживает написания не просто отдельных статей, но и монографий.

Понятным для нас является тот факт, что советские годы гонений на православную церковь существенно подорвали жизненные силы русского народа, лишили его воли к жизни, ослабили и сделали из процветающего, лидирующего, мудрого народ угнетенный, забытый, вымирающий, о принадлежности к которому многие стыдятся говорить, пряча свою русскую идентичность за «россиян-

ством», предлагаемым современными либералами. Предложение называть себя «россиянами», сведя понятие «русский» к чисто этническому значению подрывает самые основы системы этнической политики России. Русские – это не узко этническое значение, это образ жизни, образ мысли, вероисповедание, принадлежность к великому народу, принесшему колоссальный вклад в развитие мировой истории. Но эту веру сегодня уничтожают. То, что осталось после истребления в советские годы, что дает сегодня ростки в виде восстановления православной церкви и развития консервативных движений, эти силы молодых людей сегодня пытаются насильственно загубить уже иной бедой – глобализацией. Как сказал выдающийся философ А.С.Панарин: «Россию невозможно одолеть материальной силой, по настоящему она уязвима лишь перед технологиями разрушениями смысла» [31: 298]. Такими технологиями являются и вестернизация и глобализация в целом, которые приводят к вырождению русской нации.

Сегодня нам как никогда необходим особый курс на восстановление потерянной традиции. Но для этого необходима особая воля к жизни, которая, по словам упомянутого выше А.С.Панарина «питается идентичностью, а вестернизация подрывает истоки этой воли, деформируя нормы и подрубая идентичность» [31: 239].

Сегодня необходимо искать методы укрепления русской идентичности, причем заимствуя их не на либеральном Западе, а в своем историческом опыте. Необходимо понимать, что финансирование проектов по формированию толерантности и по узкому национализму этнически русских выгод-

но кому угодно, но только не самим русским. Имея собственные модели по поддержанию межэтнического мира, имея исторически подтвержденный опыт этнической политики, разумно ли пользоваться услугами западных коллег, видящих в России крупного соперника, богатого природными, интеллектуальными и духовными ресурсами? Духовные ресурсы легко растворимы в котле глобализации, интеллектуальные ресурсы при отсутствии духовных будут падки на экономическое благополучие, а природные ресурсы окажутся в свободном доступе, если максимально ослабить народ, которому они принадлежат. «Ахиллесова пята» России – это ее полиэтничность, и это не секрет для мирового сообщества. Либо мы будем проводить политику в соответствии со своими традициями, установленными веками, либо мы обречены на созерцание единой, сильной и неделимой России на крайне короткий срок, по окончании которого само ее существование будет стоять под вопросом.

Литература

1. Тойнби А.Дж. Постигание истории: Сборник / Перевод с англ. Е.Д.Жаркова. – М.:Рольф, 2001. – 640с.
2. Расторгуев В.Н. Духовное просвещение и ориентиры политического планирования // Народная газета. Специальный выпуск. -№10 (236). 2011. С. 14-15.
3. Протоиерей Дмитрий Лескин Жива ли русская идея? // Этносоциум, 2011, № 1(33), с.28-45.
4. Расторгуев В.Н. Кто просветит консерватора? Размышления о политической и научной корректности // Русское время. №2(3). 2010. С. 36-41
5. Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической

среде: концептуальные подходы к анализу // СОЦИС 2007, №5.

6. Графова Л. Мигранты и беженцы: вызов Европе // Российская газета, 8 февраля 2011.

7. Расторгуев В.Н. Кто хранит цивилизационный код России? / Правкнига – URL: <http://pravkniga.ru/interviews.html?id=1642> – Дата доступа – 8.12.11.

8. Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. – М.: Академический Проект; Трикста, 2010. – 364 с.

9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа // Сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. – 574 с.

10. Угол зрения: Политика мультикультурализма // Комсомольская правда – URL: <http://www.kp.ru/video/442832/>. Дата обращения – 13.05.2011.

11. Расторгуев В. Угрозы различны, безопасность одна: Россия, Европа и постсоветское пространство // Русское время. 2010, №2. С. 36-46.

12. Thilo Sarrazin Deutschland schafft sich ab. DVA Verlag, München, 2010.

13. Меркель: мультикультурализм потерпел крах. // Израильские новости – URL: <http://news.israelinfo.ru/world/34768>. Дата обращения – 23.11.2011.

14. Ксения Бродт Конфликт цивилизаций. Германия. – Слава России – URL: <http://www.slavrus.net/cs/4/3711/>. Дата обращения: 27.04.2011.

15. Федеральная служба государственной статистики России. – URL: www.gks.ru – Дата доступа – 13.01.2012.

16. Социологическое исследование «Отношение к миграции участников научно-технической школы «Кадры будущего»», 5-12 июля 2011г. г.Дубна. Опрошено 73 рес-

пондента вузов России преимущественно технических специальностей, выборка стратифицированная по специальности, году обучения.

17. Социологическое исследование «Миграция в России глазами российских студентов», февраль 2011 г. г.Самара. Опрошено 206 человек СГАУ им.ак.С.П.Королева и СамГУ, выборка стратифицированная по полу, возрасту.

18. Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. – 2-е изд., испр. – Кунгур: Кунгурский печатный двор ПГФ, 2007. – 390с.

19. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897. СПб, 1905. Т.2. С.1-6.

20. Русская доктрина. Избранные тексты. (Серия «Русское возрождение») Выпуск №1/ Составитель протоиерей Димитрий Лескин. – Тольятти: Издательство Архиерейского подворья Управляющего Самарской епархией, 2009. – 128с.

21. Петр Николаевич Краснов. Тихие подвижники. – Режим доступа: <http://lib.ru/> – Библиотека Максима Машкова. – Дата обращения: 19.09.2010.

22. Вероисповедная политика Российского государства.: Учебное пособие // Отв.ред. М.О.Шахов. М.: Изд-во РАГС, 2003. – 207 с.

23. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire 1500-1800. Bloomington; Indianapolis, 2002. P.188-189.

24. Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером / Перев. А.Подлисецкий. Ч.1. М.: Губерн.типогр. у А.Решетникова, 1803. С.32.

25. ПСЗ. Т.XVII. Ст.13996.

26. Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в за-

конодательной полиике Екатерины II // Вторые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 25-26 сентября 2009г.). – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ. 2010. – 324с.

27. ПСЗ-1. Т.21. №15462, №15625.

28. Хайрутдинов Р. Татарская феодальная знать и российское дворянство: проблема интеграции на рубеже XVIII-XIX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997. С.90.

29. Крымский А. История мусульманства. 2-е изд. М., 1904. Ч.1/2. С. 138.

30. Ислаев Ф.Г. Екатерина II и проблемы становления религиозной толерантности // Вторые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 25-26 сентября 2009г.). – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ. 2010. – 324с.

31. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998. –392с.

Мировая геополитика и сетевые войны

Коровин В. М.

Окончание эпохи модерна и констатация рядом философов и социологов наступления эпохи постмодерна совпало с окончанием эпохи идеологий. Постмодерн открыл заново такое явление, как Империя, однако теперь империя, в отличие от колониального периода индустриальной эпохи стала явлением постиндустриальным, постмодернистским. В авангарде строительства постмодернистской империи сегодня стоят США, которые действуют строго в геополитических категориях. Однако, в отличие от империй прошлого, современная постмодернистская империя строится по сетевому принципу, используя жёсткую, грубую силу в меньшей степени, но в большей степени мягкую силу, распространяя своё влияние на весь мир посредством создания американских сетей. Результат при этом тот же самой, что и случае прямой военной агрессии – подпадение всё большего количества территорий планеты под американское влияние.

Ключевые слова: сетевые войны, сетевые войны, сетевые войны, империя, постмодерн, модерн, геополитика, США, Америка, война

Korovin VM

World geopolitics and network wars

The end of modernity and the statement of philosophers and sociologists about the postmodern era matched with the end of ideologies. Postmodern rediscovered the phenomenon of Empire, but now the Empire, in contrast to the colonial period of the industrial era became post-industrial, post-modern phenomenon. At the forefront of post-modern empire building today are the U.S., which act in strictly geopolitical categories. However, unlike the empires of the past, contemporary postmodern empire is built on a network basis, using less just a tough, brutal force, but the soft power, spreading its influence throughout the world through the creation of the American networks. The result in this case is the same as the case of direct military aggression - falling more and more areas of the world under the American influence.

Key words: network war, network-centric war, empire, post-modern, modern, geopolitics, USA, America, War

Крах советской системы продемонстрировал несостоятельность идеологического подхода. Три важнейших идеологии XX столетия – либерализм, коммунизм и фашизм прекратили своё существование с окончанием эпохи модерна¹. Наступившая эпоха всё чаще характеризуется социологами и философами понятием постмодерн². И если первая политическая теория – *либерализм* – ещё как-то трансформировалась в постмодерне, превратившись в *постлиберализм*, то коммунизм просто прекратил своё существование, исчерпав содержательную составляющую развития в конце прошлого века. Идеология фашизма вообще была искоренена вместе с политическим режимом, являвшимся её носителем. Идеологические объяснения мировых процессов больше не действуют. Возникший идеологический вакуум заполнила чистая геополитика с её неумолимым, неснимаемым, неизбежным противостоянием морской и сухопутной цивилизаций³. Советский блок рухнул не просто так. Он проиграл в геополитической войне континентов. *Суша* проигра-

ла *морю*, сухопутная цивилизация, лишь прикрытая марксистской догматикой в свой поздний период, проиграла в битве цивилизации морской, маскировавшейся под личиной либерализма. Настало время торжества либеральной западной модели, а по сути – Американской империи, претендующей на мировое господство⁴. Не стало коммунизма, а либерализм без классового врага потерял смысл существования, лишившись мотивации к развитию. Осталась чистая геополитика, море против суши, и противостояние не прекратится, пока мы, Россия, не перестанем существовать. Вот тогда то и восторжествует единая мировая Американская империя⁵.

Само понятие Империя было подробно описано в классической теории *больших пространств* ещё крупнейшим немецким философом и юристом Карлом Шмиттом⁶. Шмитт описал два типа империй, основанных на геополитической модели – империи морского, колониального типа, состоящих из метрополии и колоний, и империй сухопутных, состоящих из центра и периферии. Разница в том, что метрополия воспринимает свои колонии *потребительски*, как средство для обогащения, наживы, в то время, как Центр сухопутной империи видит периферию в качестве своего *продолжения*, как то, что необходимо благоустроить, облагородить, вложив туда средства, и создав по возможности равные с центром условия существования⁷.

Но прошли столетия, империи, как морские, так и сухопутные то создавались, то распадались, мир пережил эпоху *государств-наций*, создававшихся на обломках распадающихся империй, и вот наступило XXI столетие, модерн сменился постмодерном, а Империя снова стала мировым геополитическим трендом.

Ибо понятие это геополитическое, а не идеологическое, и в ситуации грядущего торжества геополитики, как ключевой мировоззренческой модели, Империя становится явлением, которое обращает нас не к прошлому, а к настоящему и, особенно, к будущему. В геополитике Империя является синонимом *большого пространства*⁸. И от того, сколько будет империй – одна или несколько, зависит, будет мир однополярным, или многополярным, ибо и однополярность, и многополярность уже несут в себе отсылку к империи.

Однополярный мир – одна империя, – американская. Сегодня американские политологи уже не стесняются говорить о том, что Америка строит именно Мировую империю. Об этом пишут как противники американской империи, такие, как Энтони Негри и Майкл Хардт⁹, так и её апологеты, вроде неоконсерваторов Роберта Кейгана или Уильяма Кристола¹⁰. Многополярный мир – это нечто противоположенное, когда судьба мира определяется консенсусом нескольких мировых центров, представляющих большие пространства, несколькими Империями. Такой мир, с очевидностью, представляется более сбалансированным, более справедливым. По крайней мере, для представителей не американского, но евразийского геополитического лагеря. Геополитическое противостояние моря и суши сегодня конкретизировано в противостоянии проектов однополярного мира и мира многополярного.

Америка строит империю

То, что Америка строит именно империю наиболее полно и убедительно доказали итальянский

журналист Энтони Негри и американский политолог Майкл Хардт в своём совместно написанном труде – «Empire» – «Империя». Выступая с левых позиций, что в эпоху конца идеологий выглядит весьма неубедительно, они, тем не менее, подводят серьёзную доказательную базу именно под утверждение об американской империи. Используя левую терминологию, они замечают, что носителем Труда в эпоху постмодерна становится не рабочий класс, но «множество» (*multitude*)¹¹. Подобной же позиции придерживается и французский философ Ален Де Бенуа, утверждающий, что глобализации, представляющей базу для американского имперостроительства, предшествуют сначала процесс *атомизации* – отрыва человека от корней, от естественных связей, делающих его неуязвимым для «системы» или «империи» в понятиях Негри и Хардта, а затем процесс *массификации* – превращающий теперь уже обездоленных, разорванных индивидуумов в обезличенную массу для простоты управления ей со стороны «системы». Таким образом американская Империя опирается именно на управляемого индивидуума, на *социальный атом*, представляющий собой, в терминах Алена Де Бенуа, «источник производства и потребления»¹².

Продолжая цепочку левых сопоставлений Негри и Хардт указывают на то, что вместо марксистской «дисциплины» победивший капитал использует «контроль». «В планетарном масштабе учреждается общество надзора, то есть создается целая серия методов и технологий, которые позволяют отслеживать поведение людей, проверять, не отклоняются ли люди от норм» – вторит Негри и Хардту основатель европейского движения

«новых правых» Ален Де Бенуа. К «контролю» Де Бенуа относит как контроль за общением, начиная с прослушивания телефона, и заканчивая установкой систем видеонаблюдения, так и использование различных электронных методов слежения, которые позволяют определять, где люди находятся, чем они занимаются, каковы их вкусы, занятия и т.д. И здесь Ален Де Бенуа констатировать даже некоторый парадокс: «Именно наиболее развитые с технологической точки зрения общества сегодня располагают целым арсеналом средств для того, чтобы шпионить за согражданами, коими средствами не располагал ни один тоталитарный режим в прошлом».

Вместо же ставшего привычным для нас «государства» Негри и Хардт выявляют становление *планетарные сети*. Именно «сети» являются базой строительства планетарной американской Империи. Империя простирается туда, где есть сеть.

Негри и Хардт совершенно справедливо настаивают на том, что «Империя» не имеет ничего общего с классическим «империализмом». Классический империализм оперирует понятиями *митрополия* и *колония*, или *центр* и *периферия*. И колония и периферия – это то, что физически освоено митрополией или центром, то, куда ступала нога представителя Империи. Структура же «Империи» в постмодернистском смысле такова, что включает в себя любую зону, попавшую под контроль «Империи», который не обязательно выражается в физическом присутствии. Достаточно присутствия в этой зоне *подключенной сети*, а порой достаточно даже *медийного присутствия*.

«Империя» децентрирована, она не имеет единой метрополии. Этот

фактор предопределён структурой «сети», лежащей в основе пост-модернистской «Империи». Там, где присутствует имперская сеть, там есть и *узел* сети – её локальный центр. Множество центров, созданных по единому мировоззренческому шаблону, но разных по структуре, в свою очередь предопределяют то, что «Империя» заведомо и изначально планетарна и универсальна.

Зарождение американской «Империи»

Интерес к понятию «Империя», используемому для более точного понимания реалий сегодняшнего мира, вновь возник в мировой политологии XXI века начиная с 2002 года, когда широкая американская пресса стала использовать его применительно к той роли, которую США должны играть в мировом масштабе в новом столетии. Один из теоретиков неоконсерватизма Лоуренс Уэнс так высказывается по этому поводу: «Ничто, однако, не сравнивается с американской глобальной империей. То, что делает американскую гегемонию уникальной, – так это то, что её могущество заключается не в контроле над большими континентальными массивами или центрами сосредоточения населения, а в глобальном присутствии, в отличие от любой другой империи в истории. Американская глобальная империя – империя, которой Александр Великий, Цезарь Август, Чингисхан, Сулейман Великолепный, Юстиниан, и Король Джордж V гордились бы.»¹³ Это стало следствием почти безраздельного влияния в американской политике идей неоконсерваторов¹⁴. Теоретики этого направления, отталкиваясь от рейгановской формулы «СССР – как империя зла»,

предложили симметричный проект: США – как «империя добра» или «благая гегемония» («benevolent hegemony»)¹⁵. Однако, как не странно, нынешняя планетарная структура американской «Империи» была заложена в её основание ещё Томасом Джефферсоном, возглавлявшем коллектив авторов журнала «Федералист», ставшим идеологическим центром отцов-основателей Соединенных Штатов, вдохновлявшихся древней имперской моделью. С самого момента создания США они утверждали, что строят на другой стороне Атлантики новую «Империю» с открытыми, расширяющимися границами, где власть будет создаваться по сетевому принципу¹⁶. Эта имперская идея выжила через включение в американскую Конституцию и сегодня проявила себя в планетарном масштабе в полностью реализованной форме». Ключевым понятием здесь являются «расширяющиеся границы». Так же Джефферсон использовал понятие «расширяющейся империи» (extensive empire). Основной же движущей силой «расширения империи» стала вера основателей США в универсальность своей системы ценностей. Эта вера лежит в основе политической истории Соединенных штатов, ибо с самого начала *конструирование* США воспринималось их отцами-основателями именно как эксперимент по созданию идеального европейского (западного) общества, но создаваемого с чистого листа и не отягощенного традиционалистским наследием Европы, сдерживающим, по мнению создателей США, её динамичное и прогрессивное развитие, её *цивилизационную экспансию*¹⁷. Именно поэтому новый глобальный проект всемирного распространения западной цивилизации в виде аме-

риканской «Империи» был начат с чистого листа. Впервые же универсальность новой американской модели западного общества в реальности проявила себя, когда речь зашла об отвоевании Калифорнии и Нью-Мексико. Именно в этот момент американцы открыто заговорили о «Manifest Destiny», то есть о «явном предназначении», которое состояло в том, чтобы «нести универсальные ценности свободы и прогресса диким народам»¹⁸.

Именно поэтому Негри и Хардт подчеркивают в своей работе тесную взаимосвязь политических основ США с идеей «экспансии» и «открытых границ». США не могут не расширять своего контроля, так как представление об «открытых границах» и «универсальности» собственных ценностей является основой всей системы. Но самое интересное – это подход «Империи» к остальному миру, сформированный идеей универсальности. Исходя из того, что общественное устройство и ценности американской «Империи» являются универсальными, весь остальной, не американский мир, рассматривается «Империей» как *пустое место*. Если не американский – значит никакой, а, следовательно – подлежащий интеграции в единую структуру сетевой власти. Впервые эта идея была сформулирована президентом Вудро Вильсоном. При этом, что важно, планетарная сетевая власть не ставит перед собой задачи прямого колониального завоевания – это было бы очень откровенно, грубо, и сразу же вызвало бы прямое противодействие. В реальности всё происходит менее явно – просто различные зоны включаются в общую систему ядерной безопасности, в систему свободного рынка и беспрепятственной циркуляции

информации. «Империя» не борется с теми, кто ей не сопротивляется, не подавляет сопротивление, если «побежденный» добровольно принимает её систему ценностей¹⁹.

Совсем иной подход «Империи» к тем, кто американские «универсальные» ценности не принимает. С ними «Империя» поступает как с «индейцами» – «вежливо игнорирует» их особенности и отличия. Так, как будто их не существует, воспринимая пространство заселённое теми, кто идентифицирован «иначе», как пустое. «Через инструмент полного невежества относительно особенностей национальных, этнических, религиозных и социальных структур народов мира «Империя» легко включает их в себя»²⁰ – утверждают Негри и Хардт. Иными словами, империалистический подход модерна унижал противника, колонизируемые народы, но все же признавал факт его существования. Постмодернистская «Империя» безразлична даже к этому факту, она не уделяет ему внимания: все пространство планеты является открытым пространством, и выбор «Империи» – ядерная мощь, свободный рынок и глобальные СМИ – представляется само собой разумеющимся²¹. Чтобы включить страну, народ, территорию в рамки «Империи», их не надо завоевывать или убеждать, им надо просто продемонстрировать, что они уже внутри нее, так как «Империя» самоочевидна, глобальна, актуальна и безальтернативна. Весь мир становится глобальной Америкой.

Однако в действиях американской «Империи» бывают и исключения. Одним из них можно назвать период правления Джорджа Буша младшего, который на восемь лет вернул Америку к стратегии классического «империализ-

ма». Буш, интеллектуально окормляемый неоконсами, открыто провозгласил Америку центром мира – своего рода митрополией, – после терактов 11 сентября 2001 года призвал остальные народы покориться Америке²². Тех же, кто отказался покориться, Буш попытался принудить к этому насильно. Чем это закончилось мы знаем, однако подобный неоимпериалистический подход для новой сетевой Америки нетипичен, и пришедший к власти новый президент-демократ Барак Обама поспешил вернуть всё в прежнее русло, к мягкому включению в американскую «Империю» по сетевой модели.

Американская сетевая глобализация

Глобальный мир – это совершенно реально и всерьёз. И, как справедливо показывают Негри и Хардт, этот мир создается «как бы на пустом месте». «Локальности», «особенности», «национальная, этническая, культурная» самобытность – все это в нём вежливо игнорируется, либо рассматривается как фольклор, либо помещается в резервацию, либо подвергается прямому геноциду. Алан Де Бенуа называет это «гомогенизацией на планетарном уровне». По его утверждению, глобализация создаёт однородные образы и способы жизни, приводит к униформизации поведения в ущерб народной культуре, то есть к «сокращению человеческого разнообразия». Де Бенуа называет это «распространением и расширением идеологии “одинаковости” и “того же самого”» следствием чего человек становится *одним и тем же* везде, и, таким образом, этот человек должен везде создавать одни и те же политические и куль-

турные системы в ущерб разнообразию культур народов, наций, их образов жизни. Такой человек считается включенным в американскую «Империю», которая создается на пустом пространстве, а в её сеть, предвосхищающую появление «Империи», включаются только те, кто ею же и постулируется. Иными словами, «Империя» не имеет дела с государствами и народами, она предварительно крошит их до качественного «множества», а потом механически суммирует в «массы»²³.

«Империя» приходит не извне, она прорастает *сквозь*, она обнаруживает свои сетевые узлы сама собой, и постепенно интеллектуально, информационно, экономически, юридически, психологически интегрирует в себя. Но эта интеграция означает полную утрату идентичности – об этом Негри и Хардт говорят вполне определенно. «Империя» основана на том, что не признает никакого политического суверенитета ни за какой коллективной сущностью – будь то этнос, класс, народ или нация. На то она и «Империя», чтобы постулировать тотальность и вездесущность своей власти.

Сетевые структуры в мировой геополитике

Сегодня всё чаще Америку обвиняют в том, что она использует *сетевые технологии* для установления своего планетарного влияния, и зачастую, использует она их весьма эффективно, несколько цинично, а как иначе может быть в мировой политике²⁴. Ещё бы, ведь Америка является родной *сетевых стратегий*²⁵. Однако, это совершенно не означает американской монополии на сетевые технологии. Эффективность противодействия американской

Империи, – а противодействовать ей необходимо, хотя бы в целях самосохранения, – зависит от того, насколько правильно будет понята суть сетевых технологий, и насколько эффективно они будут взяты на вооружение.

Как-то беседуя с автором данной статьи на одном из телеканалов, шеф-редактор московского бюро газеты *Financial Times*, американец по происхождению Чарльз Кловер так обозначил суть сетевого подхода: «Сетевые технологии – это network, структура без «головы», без руководителя. Не иерархическая, а горизонтальная, децентрализованная структура. «Информационное пространство» – это не иерархия. Да, я представляю газету, но никто не говорит мне, что печатать, реально нам никто не поручает, какие мнения излагать в наших статьях»²⁶. Это высказывание довольно точно передаёт сетевую атмосферу. «Сетевик», участник сети, включённый в неё, сам принимает решение, и сам ориентируется в том, как ему отреагировать на то, или иное событие, ибо он уже, заранее, предварительно сформирован таким образом, что его решение будет совпадать с общей настройкой сети²⁷. Именно поэтому шеф-редактором московского бюро влиятельнейшей британской *Financial Times* назначен американец, прошедший специальную подготовку и обучение (деканом Кловера был небезызвестный неоконсерватор Пол Вольфовиц), а не русский, не серб, и даже не британец. Это показательный момент сетевого подхода – реальность сформирована, запрограммирована заранее.

В доказательство этого тезиса следует привести эпизод, пересказанный Чарльзом Кловером в той же программе: после нападения Грузии на Южную Осетию 8 ав-

густа 2008 года, тогда ещё президент Буш-младший, выступая на телевидении, заявил, что американские самолеты вылетают с гуманитарным грузом в Грузию по приглашению грузинского правительства. «Он сказал, что причина этому – нападение русских войск на Тбилиси» – напомнил Кловер, тут же уточнив: «Если вы внимательно слушали эту передачу... Он не сказал, что у нас есть точная информация. Он сказал, что у нас есть сообщения, reports, что русские танки идут прямо в Тбилиси. Он сказал, что были [телевизионные] передачи [на эту тему] по CNN». Таким образом, мы видим, что решение о поддержке Америкой грузинских властей, об отправке самолётов и о введении американских кораблей в чёрное море, было принято американским президентом на основе сюжетов CNN. «Основным моментом в войне в Грузии было то, что передал CNN» – уточняет Чарльз Кловер. – «Я не против оказать помощь Грузии, я знаю, что существуют разногласия на этот счёт, но скажу, что в этой ситуации СМИ играли очень-очень важную роль. И поэтому это [network] – действительно постмодернистский феномен»²⁸.

Всё это могло бы показаться абсурдом, если бы не являлось реальностью, свершившимся фактом. Однако, если подумать – СМИ в современном информационном обществе являются абсолютным авторитетом для большинства, для *атомизированных масс*. На что должен был сослаться Буш, чтобы его слова звучали убедительно? На развед-данные, открытый доступ к которым всё-равно закрыт, а значит ни подтвердить ни опровергнуть их нельзя? На секретные донесения, которые по той же причине для большин-

ства являются некой абстракцией? На основании чего он принял решение о поддержке Грузии? Может, как в истории с Ираком – Бог сказал мне, ударь по Ираку²⁹? Самым убедительным источником на тот момент для Буша стал именно сюжет CNN, который видели все. И именно сославшись на него, Буш принял решение, которое в тот момент было поддержано молчаливым большинством западного сообщества. Позиция СМИ, не только CNN, но и ВВС и многих других западных информ-агентств оказалась решающей в современном информационном обществе.

Однако здесь встаёт резонный вопрос: а что на самом деле было первично – сообщение СМИ и затем принятое на его основе решение, или же напротив, сначала было решение, а потом сообщение СМИ, на основе которого было принято решение? Ссылка американского президента на сюжет CNN стала констатацией факта, но если переqualифицировать это в прием сетевой войны, то последовательность меняется: сначала заказывается сюжет, потом идёт ссылка на этот сюжет, что является поводом для того, чтобы принять «нужное» решение и пустить в ход корабли, самолеты и политическую поддержку.

Понятие «report» – использованное Кловером – на русский язык переводится и как «доклад» и как «сообщение», и здесь таится принципиальная разница. Одно дело, когда военные, несущие персональную ответственность за информацию, готовят доклад для президента, отвечая перед ним за последствия. Другое дело, когда абсолютно безответственный фрагмент сетевого сообщества вбрасывает информацию, которая начинает циркулировать по «сети»,

становясь поводом для принятия решений – абсолютно безответственно, но абсолютно реально по своим последствиям. Случайна ли такая безответственность? Ведь подобные решения могут стать поводом для глобального военного конфликта, в котором погибнут тысячи людей. Конечно, западные СМИ, спустя несколько месяцев, признали свою ошибку. А западное сообщество даже пересмотрело своё отношение к произошедшему. Однако факт грузинской агрессии и её американской поддержки уже свершился. Что было бы, если бы «блицкриг» Саакашвили удался?

Имея информацию как с грузинской, так и с российской стороны, западные СМИ, Чарльз Кловер и его коллеги сделали свой выбор. Да, никто не говорил им, что и как писать. Классическая сетевая структура, в которой отсутствует иерархия, это и не предусматривает. Но есть идеологический фильтр, который организует ячейки этой структуры. В сетевых войнах это характеризуется таким понятием, как *намерение командира*. Это означает, что командир не даёт прямого приказа. Командир излагает некое своё видение конечного результата, исходя из которого *узлы сети*, переструктурируют своё поведение, начинают действовать тем, а не иным образом. Они самостоятельно домысливают технологию реализации того, что было высказано «командованием», что было считано ими из сообщений центра, формирующего повестку дня. Сеть сама распознаёт «намерение» и действует соразмерно³⁰.

Таким образом, действительно существует некая взаимосвязь между заранее заказанным сюжетом на CNN и заранее заготовленным выступлением Буша по его

итогах. Естественно, что если бы большое количество представителей СМИ знало об этом заранее, то обязательно возникла бы преждевременная утечка и эффект был бы не такой натуралистичный. Спонтанность была так же запрограммирована. Когда Чарльз Кловер сформировал своё *сообщение*, он исходил из своего мировоззрения. Чарльз – американец, его сформировала *среда*, американский контекст. Журналист должен действовать непредвзято, но он имеет право на *интерпретацию* – в словах, в выражениях, в каких-то оттенках, эмоциях, окрасках текста, из которых видна подлинная позиция автора, поэтому американский журналист по умолчанию действует в интересах США.

Коварство сетевой войны как раз и заключается в том, что участники ставятся в известность по факту событий, развивающихся стремительно, но, тем не менее, их контекст, или «сетевой код»³¹, уже сформирован таким образом, что конечный результат предопределён. В этом и заключается эффективность сетевой технологии. Потом можно признать, что да, это было ошибочно, мы ошибались, как с химическим оружием в Ираке, но конкретные действия уже совершены, американские корабли уже в Черном море, а американское оружие в Грузии. Если бы «блицкриг» Саакашвили удался, то исходя из принципа «победителей не судят» американцы, безусловно, признали бы факт свершившегося «блицкрига». Потом бы они признали, что опирались на ложную информацию, а принятые решения были не совсем верными и базировались на основе ошибочных сообщений СМИ, но факт бы уже свершился. И кто после этого будет спрашивать со СМИ? СМИ судить нельзя... Се-

тевая война – это очень эффективное средство, за которым следуют реальные геополитические изменения. А что будет потом, уже не так важно³².

Безусловно, сетевой принцип и не подразумевает прямого отдания приказа. Никто никого не предупреждал, но каждый знал, как он будет действовать. В этом смысл сети: сеть создаётся из таких структур, из таких людей и из таких узлов, реакция которых предсказуема, ибо она сформирована западным мировоззренческим кодом. При организационной автономности нет прямой увязки с центром принятия решений. Саакашвили тоже не получал прямого указания из Вашингтона. Да, к нему обращались западные представители, и спрашивали, что вам нужно для того, чтобы решить свои проблемы? Саакашвили просил оружие, и он его получил. Но они напрямую и не поручали Саакашвили использовать это оружие против Южной Осетии. Его можно было рассматривать как элемент более эффективной дипломатии, используемый в качестве фактора морального давления для большей стоворчивости Юго-Осетинской стороны. Допустимо так же, что Грузии действительно нужно было модернизировать армию для вступления в НАТО. Всё это было возможными причинами, отговорками американской стороны по поводу того, зачем они поставили столько оружия в Грузию. Но прямого указания использовать это оружие против Южной Осетии возможно и не было. Это было *спонтанное* действие Саакашвили, запрограммированное заранее сетевой стратегией США на Кавказе³³. Именно по этой причине сетевая война столь эффективна – она не даёт возможности найти и покарать ответственных, остано-

вить прямую связь между источником принятия решения и исполнителем. Тем не менее, она даёт широкие возможности для действий, даёт возможность осуществить что-то, а потом не понести за это ответственности.

Первичность принципов геополитики

Геополитика строго исходит из того, что противостояние цивилизации суши и цивилизации моря не снимаемо, и сетевая война является лишь следствием этого противостояния. Концепция сетевой войны, называемая еще «войной шестого поколения», официально принята Пентагоном как военная стратегия, а её основной целью является вполне военная цель – отторжение территорий и установление на них американского контроля без использования обычных вооружений³⁴. Поэтому сетевая война – это именно война, а значит и противодействие ей должно восприниматься со всей серьёзностью, по законам военного времени.

Мы не можем не замечать того факта, что американцы действительно строят «Империю», о чём пишут Негри и Хардт в одноимённой книге, причём пользуются для этого военными методами. Американские военные базы появляются там, где уже создана американская «сеть» и подготовлена благожелательная почва. Сами создатели США говорили о том, что Америка должна двигать свои границы, что эта империя децентрализована, что она сетевая, и её очаги пробиваются как трава сквозь асфальт – повсюду на территории евразийского континента.

Американские идеологи неоконсервативного склада – Роберт Кейган, Пол Волфовиц, Уильям

Кристалл и некоторые другие – пошли ещё дальше. Мало того, что они не стесняясь говорят об «Империи», об «империи добра», как они её называют – «benevolent empire» – о «благожелательной империи», какую, по их мнению, представляют из себя США, так они ещё утверждают, что факт единоличной гегемонии Америки уже свершился, сопротивление возможных противников сломлено, а те незначительные очаги, которые всё ещё продолжают сопротивляться являются *остаточными*, и их не стесняясь вполне можно подавить прямыми военными средствами. Этот подход торжествовал все восемь лет правления Буша-младшего и в результате новая демократическая администрация вынуждена была признать то, что неоконсы несколько поторопились в своём мессианском иступлённом «нео-империализме». Америка действительно единственная мировая гипердержава, но говорить об остаточном сопротивлении пока преждевременно, особенно учитывая возвращение России на мировую арену.

Сегодня Россия тоже должна начать говорить об Империи. Однако о своей империи, о Евразийской Демократической Империи, построенной на строго добровольной основе, и ориентированной на сохранение идентичности народов евразийского континента. Зачатки такого евразийского стратегического образования были описаны в статье Владимира Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня»³⁵, где речь в том числе, идёт о создании Евразийского союза³⁶. Учитывая геополитический принцип большого пространства, а так же то, что Россия не государство-нация, и в современных условиях уже не в со-

стоянии отстаивать свой суверенитет, необходимо ясно осознать, что нынешней территории России явно недостаточно для того, чтобы быть полноценной Империей. В геополитике решающим фактором является пространственный. И только в формате империи, при наличии *большого пространства*, мы и сможем противостоять «Империи» американской.

Тандем Кристол-Кейган провозгласил необходимость американского «благжелательного гегемонизма». В своей книге «Нынешние угрозы: кризис и возможности в американской внешней и оборонной политике», которая у неоконсерваторов является чем-то вроде современного канона, Кейган и Кристол говорят о создании «стандарта глобальной сверхдержавы, которая намерена с пользой для себя заниматься формированием международной среды»³⁷. Они отвергают узкое понимание «жизненно важных интересов» Америки и утверждают, что моральные цели и национальные интересы Америки тождественны. Однако в основе всего этого лежит именно геополитический принцип торжества *морского могущества*, провозглашённый американским адмиралом Альфредом Мэхэном в своей первой книге «Роль морских сил в истории (1660-1783)», опубликованной в 1890 году, и ставшей первым геополитическим источником американской внешнеполитической стратегии³⁸. Сетевые стратегии не только не отменяют геополитического подхода, но напротив, являются эффективным инструментом реализации геополитических стратегий установления планетарного морского могущества США.

В условиях глоболизирующегося мира любые взаимодействия между субъектами геополитики

осуществляются именно на основе их участия в сетевых структурах. Тех самых структурах, которые помогают им проводить информационное, медийное, экономическое и дипломатическое взаимодействие со всеми участниками мирового процесса, направленного на достижение этого самого мирового морского могущества. А вот субъектом установления морского могущества и является глобальная американская «Империя», и России в этой американской империи места нет. Таким образом, чтобы сохраниться, России необходимо осуществить сопоставимый ответ, создать полноценный геополитический субъект противостояния. Ответить на американскую «Империю» Россия может только своей Империей, иначе она просто перестанет существовать. Американская империя строится на базе геополитических принципов, а её технологическая реализация осуществляется на основе новейших информационных технологий, посредством сетевых войн.

Ссылки:

1 Дугин А.Г. Четвёртая политическая теория // «Амформа», СПб: 2009

2 См. например: Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970-1984: В 3 ч.: Ч. 1. / Пер. с фр. С. Ч. Офертаса под общ. ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2002. — 381 с.; Деррида Ж. Диссеминация (La Dissemination) / Пер. с фр. Д.Кралечкина, науч. ред. В.Кузнецов — Екатеринбург: У-Фактория, 2007 г. — 608 с.; Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального // Издательство Уральского университета, Екатеринбург, 2000.

3 Дугин А.Г. Основы геополитики // «Арктогея-центр», М.: 2000.

4 Бжезинский З. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы // «Международные отношения», М.: 2012.

5 Хардт М., Негри А. Империя // Праксис, М., 2004.

6 Шмитт – пишется с двумя «т» на конце, как бы автоматическая проверка орфографии не пыталась это исправить на «дт»

7 Шмитт К. Государство и политическая форма // М.: Политическая теория, 2010.

8 Шмитт К. Номос Земли. СПб.: Владимир Даль, 2008.

9 Хардт М., Негри А. Империя // Праксис, М., 2004.

10 Kristol William, Kagan Robert. The tepid consensus // Foreign Affairs, July/August 1996.

11 Хардт М., Негри А. Империя // Праксис, М., 2004.

12 Бенуа А. Против либерализма. К четвертой политической теории // «Амфора», СПб: 2009.

13 Vance Laurence M. The Burden of Empire. NY: Vance Publications, 2004.

14 Среди известных неоконсов: Дик Чейни (вице-президент США при Буше-младшем); Дональд Рамсфильд (министр обороны США при Буше-младшем); Пол Вулфовиц (заместитель министра обороны), Дуглас Фейт – третий человек в Пентагоне, являющийся помощником-секретарем в министерстве оборонной политики; Ричард Перл (председатель департамента Пентагона по безопасности); Льюис «Скутер» Либби – начальник генерального штаба Дика Чейни; Джон Болтон (подсекретарь США по контролю над вооружениями и международной безопасности); Элиот Абрамс – директор Центра политики Ближнего Востока в Национальном совете безопасности. Что касается неоконсерваторов вне правительства, то

самыми влиятельными из них являются бывший глава ЦРУ Джеймс Уолсли, Майкл Робин – эксперт по делам Ближнего Востока. Элиот Абрамс (президент совета по национальной безопасности в юго-восточной Азии, Ближнем Востоке и Северной Африке), Майкл Лидин (советник Карла Роува и Александра Хейга, основатель «Американского института предпринимательства», близкий Ричарду Перлу), Уильям Кристол (сын Эрвинга Кристола, основатель вместе с Робертом Кейгэном Проекта «Нового Американского Века»), Марк Гафни (глава Центра политической безопасности), Абрам Шульски (руководитель службы Безопасности Пентагона), Кларенс Томас (судья Высшего Суда США), Джон Эшкрофт (генерал-адвокат), Фрэнсис Фукуяма (политолог, советник по биоэтике Администрации Президента), Роберт Борк (судья), Уильям Бакли (издатель «Нэйшнл Ривью»), Алан Киз (советник в администрации Рейгана), Уильям Галстон (советник по внутренней политике президента Клинтона) и многие другие.

15 Kristol William, Kagan Robert. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs, July/August 1996

16 Дугин А. От какой Матрицы мы отказываемся. Постамериканская империя Тони Негри и Майкла Хардта / НГ-Ех-Libris, 11.09.2003.

17 Там же.

18 Stephanson A. Manifest Destiny: American Expansion and the Empire of Right (Critical Issue Book) // Hill and Wang, 1996.

19 Подробнее см. Коровин В.М. Главная военная тайна США. Сетевые войны // «Яуза», М.: 2009.

20 Хардт М., Негри А. Империя // Праксис, М., 2004.

21 Подробнее см. *Коровин В.М.* Накануне империи // Международное евразийское движение, М.: 2008.

22 <http://middleeast.about.com/od/afghanistan/qt/me081007b.htm> См. также *Maloney, Sean M.* Enduring the Freedom: A Rogue Historian in Afghanistan. Washington, D.C. : Potomac Books, Incorporated, 2005.

23 *Бенуа А.* Против либерализма. К четвертой политической теории // «Амфора», СПб: 2009

24 Подробнее см. *Коровин В.М.* Главная военная тайна США. Сетевые войны // «Яуза», М.: 2009.

25 *Савин Л.В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию // «Евразийское движение», М.: 2011.

26 «Мировая геополитика и сетевые войны», эфир канала КМ.TV [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://tv.km.ru/mirovaya_geopolitika_i_setevye_v/textversion

27 *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна // «Амфора», 2007. с. 71-75

28 «Мировая геополитика и сетевые войны», эфир канала КМ.TV [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://tv.km.ru/mirovaya_geopolitika_i_setevye_v/textversion

29 Имеется ввиду известное высказывание президента США Дж.Буша-мл: «Меня ведёт миссия, данная Богом. Бог сказал мне, иди и сражайся с этими террористами в Афганистане, и я сделал это. Бог сказал мне, иди и покончи с тиранией в Ираке, и я сде-

лал это» (*Cornwell Rupert.* Bush: God told me to invade Iraq // Independent, 10.07.2005. [Electronic resource] URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/bush-god-told-me-to-invade-iraq-509925.html> (access date 02.04.2011). См. также *MacAskill Ewen.* George Bush: “God told me to end the tyranny in Iraq” // The Guardian, 10.07.2005.)

30 *Smith E.A.* Effects-based operation // CCRP, 2002.

31 *Дугин А.Г.* Россия на пороге сетевой войны / «Известия», 18 октября 2007.

32 Подробнее см. *Коровин В.М.* Главная военная тайна США. Сетевые войны // «Яуза», М.: 2009.

33 *Коровин В.М.* Сетевая война США на Кавказе / Газета «Северный Кавказ» № 46-47, ноябрь 2008.

34 *Cebrowski A. Garstka J.* Network-Centric Warfare: Its Origins and Future. U.S. Naval Institute Proceedings, January 1998.

35 *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня / Газета «Известия», 3 октября 2011.

36 См. *Назарбаев Н.А.* Евразийский союз: идеи, практика, перспективы // Фонд содействия развитию социальных и политических наук, М.: 1997.

37 *Kagan R., Kristol W.* Present dangers: crisis and opportunity in American foreign and defense policy. New York: Encounter Books, 2000

38 *Мэхэн А.Т.* Роль морских сил в мировой истории // Центрполиграф, М.: 2008.

Национальный вопрос в современной России: проблемы суверенитета и демократии

Бочкова М.С.

В статье национальный вопрос рассматривается в условиях мирополитической системы. На примере социального кризиса в Европе показана опасность исключительно политического понимания гуманитарно-культурологических понятий и невозможность политических спекуляций в сфере национальной идентичности. Делается вывод о том, что для современной России этническое разнообразие и межнациональный мир являются основой государственного суверенитета и демократического развития.

Ключевые слова: федерализм, суверенность, федеративный суверенитет, миграция, мультикультурный, этническое разнообразие, суверенная демократия, национальное государство, этнокультурная политика, мирополитический анализ.

Bochkova M.S.

Ethnic and national issue in modern Russia: the values of sovereignty and democracy

The article presents the analysis of the Ethnic and National issue by the World-Politics Theory. The surge of interest that there has always been in Europe in nation-state and the one that has been over the last decades in Realpolitik approach aimed at making every issue politicized, putting some metaphysic and cultural notions, par example the notion of cultural/ethnic/national identity, on political agenda as well as at trying to get much political bonus out of it have led to social intension, street riots and violence. Russia due to multiplicity of people within her borders is always facing ethnic and national challenge. So far in modern conditions ethnic diversity as well as peace among national minorities are considered to be the fundamental values for democratic development and Russian sovereignty to be persisted.

Key words: federalism, sovereignty, the federal sovereignty, migration, multicultural, ethnic and national diversity, sovereign democracy, the nation-state, ethnocultural policy, the World-Politics Theory.

В 1888 году русский философ Владимир Соловьев, рассматривая специфику исторической судьбы России, писал, что, если для многих народов национальный вопрос есть «вопрос об их существовании», то «национальный вопрос в России есть вопрос не о существовании, а о достойном существовании» [Соловьев В. С. (1888), 2007].

И хотя как философ – идеалист В. Соловьев имел в виду «материальный факт», а «идеальную цель», это изречение не теряет актуальности и по сей день. Сегодняшняя Россия преодолела кризисы периода «перестройки» и распада СССР, сохранив территориальную целостность и суверенность, т.е. существование. Безусловно достигнутый баланс взаимозависимости суверенитета Центра (Федерации) и суверенитетов республик (субъектов) требует постоянного поддержания. И все же сейчас это проблема второстепенна.

Приоритетной внутриполитической задачей России становится создание условий для стабильного развития, прироста благосостояния населения, обеспечение достойного уровня жизни.

И, безусловно, при решении как приоритетных, так и второстепенных задач государственного строительства, определяющим фактором был и остается национальный вопрос.

В настоящий момент национальный вопрос, учитывая процесс глобализации современного мира, не должен и не может рассматриваться исключительно в национально - государственных рамках. Национальный вопрос остро стоит для современного мирополитического устройства в целом. Так, В.В. Путин, занимавший на тот момент пост Председателя Правительства России, четко и емко сформулировал в статье «Россия: национальный вопрос»: «Реальность сегодняшнего дня – рост межэтнической и межконфессиональной напряженности. Национализм, религиозная нетерпимость становятся идеологической базой для самых радикальных группировок и течений. Разрушают, подтачивают государства и разделяют общества. Колоссальные миграционные потоки – а есть все основания полагать, что они будут усиливаться, – уже называют новым «великим переселением народов», способным изменить привычный уклад и облик целых континентов. Миллионы людей в поисках лучшей жизни покидают регионы, страдающие от голода и хронических конфликтов, бедности и социальной неустроенности» [Путин В.В., 2012].

Тенденции маргинализации этнических меньшинств, нарастание конфронтации между представителями разных национальностей и этносов, бесконтрольные потоки мигрантов, большая часть из которых носит нелегальный и преступный характер оказывают влияние и на систему мировой политики и на внутривнутриполитическую ситуацию в отдельно взятой стране.

Государства, сплоченные в рамках европейской цивилизационной парадигмы, казалось, нашли идеальное решение области национального. Пройдя через кровопролитные мировые войны, в середине 1960-х-1970-х гг. появилось понятие мультикультуризма. Достаточно полное определение термина приводится в монографии В.И. Добренькова «Ценностно-ориентированная социология»: «Мультикультуризм — эта концепция, признающая либо декларирующая равенство прав представителей всех культур, проживающих на общей территории. Поэтому в его основе лежит представление о возможности обеспечить юридическое и фактическое равенство всех этнических групп» [Добреньков В.И., 2011. С. 399.]. И действительно, в начале проведения политики мультикультуризма удавалось избегать мощных конфликтов и возрастания напряженности на национально-этнической почве. Однако позже заявленная политика мультикультуризма как способа интегрировать разнообразие культур без их слияния начала изменять собственное содержание. Европейский мультикультуризм вобрал в себя единственно возможные ценности – ценности уважения прав и свобод человека исключительно в либерально-демократическом понимании. Более того, подобное понимание было подкреплено финансовым фактором: широко распространенная идея государства-благосостояния, распространенная исключительно в Европе, представляла огромные материально-социальные гарантии и трансферы мигрантам. Сам по себе мультикультуризм превратился в постулат, призванный унифицировать весь мир и стал использоваться, прежде всего, в политических целях. Таким образом, через мульт-

тикультуризм стали навязываться моноценность – образ европейской политической жизни и социальной культуры. Естественно, подобный подход привел к обратному результату.

Во-первых, к маргинализации большей части мигрантов, например из мусульманских стран. В середине 2000-х годов по европейским странам прокатилась волна погромов и насильственных действий, совершаемых мигрантской молодежью.

Во-вторых, насилие и интолерантный отказ от подчинения мультикультуризму не в его правильной, пусть и слегка идеалистической трактовке, а в понимании как исключительного европейского культурного кода привел к ответным действиям среди местного европейского населения. В пример можно привести жесткую критику миграционной политики и мигрантов, граничащую с националистическим подходом, высказанную в таких трудах по социологии и политике как П. Хане «Хватит развлекаться: конец общества Удовольствий» [Подробнее см.: *Hanhe P., 2009*] или Т. Саррацин «Германия самоликвидируется» [Подробнее см.: *Sarrazin Th., 2010*].

В-третьих, признание кризиса и политический отказ от проведения политики мультикультуризма

А причиной всему стала ложная подмена ценностей. Мультикультуризм из сферы науки и культуры стал термином политическим – способом сохранения европейской идентичности именно в условиях борьбы, а не сосуществования с иными идентичностями. Под предлогом проведения политики мультикультуризма европейская традиция попыталась ассимилировать иные культуры.

Но итогом стал кризис самой европейской традиции. Интерес-

ным в этой связи является замечание доктора исторических наук Н.А. Нарочницкой: «Новый этический и исторический нигилизм – это философия конца истории. Она парадоксально соединена с традиционными задачами стран, ранее принадлежавших к великой европейской культуре. Это обращает результаты их побед – овладение новыми геополитическими пространствами, приток финансов и неосязаемых активов – результаты, ранее служившие среди прочего, мощному католическому культуртрегерству «Европы Петра», — в средство уничтожения самой европейской цивилизации» [*Нарочницкая Н. А., 2004. С.531*].

В условиях российской государственности поход к национальному вопросу несколько отличается от общеевропейского. И связано это, прежде всего, с формированием России не как национального государства, основанного исключительно на одном этносе, а как государства, народ которого един и при этом состоит из многочисленных этносов. Именно одновременное чувство народного единения и этнического разнообразия позволило России стать независимой, великой державой. Безусловно, межэтнический мир и народное единство не представляют собой статичные феномены. Они развиваются, требуют к себе внимания, сталкиваются с вызовами, как из внутривнутриполитической, так и из внешнеполитической сферы.

Для четкого понимания развития межэтнических отношений и для поддержания национального согласия в современной России важно найти ответы на следующие вопросы. Какие ценности лежат в основе формирования общероссийской идентичности? Каковы подходы, средства и методы формирования идентичности?

И, возможный ответ на поставленные сегодня вопросы звучит как «воспитание чувства просвещенного патриотизма». Именно это может и должно послужить базовой ценностью общероссийской идентичности.

Роль чувства просвещенного патриотизма, которую оно играет в национальном вопросе, не позволяет оставить без внимания взаимосвязь национального мира как базовой культурно-социальной ценности с такими политическими ценностями России как демократия и суверенитет.

О взаимосвязи с демократией. Путь развития, выбранный Россией в идеологическом плане, формулируется как суверенная демократия – в противопоставлении к демократии либеральной. По определению (приведено в сокращенном варианте – *прим. автора*), данному Владиславом Сурковым, суверенная демократия представляет собой «образ политической жизни общества, при котором власти выбираются, а их действия направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, группами и народами, ее (российскую нацию) образующими» [Сурков В. Ю., 2006.С.102.]. Вместе с тем, идеалы свободы, справедливости и материального благосостояния могут быть достигнуты только в высокоцивилизованном государстве, т.е. в таком, в котором граждане/население обладают высоким уровнем культуры и образования. Ни у кого не вызывает сомнений, что полноценную демократию можно построить только в просвещенном обществе. Конечно, абсолютно просвещенное общество – это разновидность утопии. Но стремить-

ся к подобной высокой цели необходимо, тем более, что Россия обладает огромным культурным потенциалом. Более того, в просвещенном обществе исчезает явление, которое является главной преградой к межэтническому миру, а именно – «этнический и национальный стереотип».

О взаимосвязи с суверенитетом. В аспекте категории суверенитета национальный вопрос трансформируется в вопрос о национальном единстве внутри России. И здесь на первый план выходит проблема патриотизма. Российской государственности много, не менее 1150 лет. Длительное и весьма сложное историческое развитие нашего Отечества показывает, что наиболее радикальная и активная оппозиционная сила в России всегда непатриотична и всегда получает мощную зарубежную финансовую поддержку. А для разрушения основ государственности, ослабления позиций России как мировой державы и навязывания ей внешнего управления подвергает критическому переосмыслению именно национально-этнический вопрос.

К середине XX века в международное право вошла юридическая норма, закрепляющая «право нации на самоопределение». Вместе с тем, важно отметить, что нация представляет собой единство населения государства, во всем его этническом многообразии. Национальное единство не может и не должно отрицать этнического и культурного многообразия. Однако очень часто этот тезис становится поводом для политических спекуляций.

В этом аспекте именно чувство патриотизма связывает этнически разнородную массу людей в единую мощную нацию. Если учесть, что в современном мире суверенитет подразумевает не только

традиционно-историческое верховенство и единство власти внутри государства, но прежде всего его конкурентоспособность на мировой арене, то становится очевидной связь национального вопроса с обеспечением реального суверенитета современной России.

Многовековая история российской государственности показывает, что суверенитет различно трактовался в зависимости от политического периода. Суверенитет понимался, и как государственный, и как народный, и как национальный, и как личностный.

Понимание суверенитета как национальной и народной категории было реализовано на практике, прежде всего после Великой Октябрьской социалистической революции, со времени принятия Декларации прав народов России (ноябрь 1917 г.), затем создания СССР и внедрения национально-государственного и национально-территориального принципа в государственное устройство РСФСР, ряда других союзных республик. Стоит отметить, что для России политико-правовой смысл концепции суверенитета проявился в начале 1990-х годов – после подписания в марте 1992 г. Федеративного договора, а затем включения его положений в Конституцию России от 12 декабря 1993 г. Это позволило начать изменения в политическом и социальном устройстве, создало политико-правовую возможность перемен.

Понимание суверенитета как личностного феномена привело к необходимости защиты «общечеловеческих ценностей», к перестройке. В действительности суверенитет государства не мог сосуществовать с суверенитетом личности, скорее всего, в силу политического режима. И попытка реализации в политическом

строительстве одновременно обоих подходов к суверенитету отрицательно сказалась на положении дел в государстве.

Теперь рассмотрим взаимоотношения сосуществования суверенитета народного / национального и суверенитета государственного. Здесь важно отметить: одновременное наличие двух уровней государственного суверенитета, что по сути является основным принципом федерализма, может привести к распаду государства, в то время как задача федерализма – объединить и сплотить государство. Приведем пример. Суверенитет СССР всегда был ограничен суверенитетом союзных республик. И в то же время именно на Союз была возложена обязанность по охране и обеспечению суверенитета союзных республик. Интересно, что норма, закрепляющая за союзными республиками право свободного выхода из состава СССР, была своего рода гарантией наличия у республик суверенитета. Но подобный формально закрепленный принцип социалистического федерализма привел к краху суверенного государства – СССР – в конце 1991 года. Получается, что норма социалистического федерализма и ограничения суверенитета СССР со стороны республик является нормой конфедерации.

В 1991-1992 гг. распад СССР привел к суверенизации республик, в том числе и России. Вместе с тем Россия как федеративное государство, в свою очередь состояло из разных частей: краев, областей, автономных областей, автономных округов и автономных республик, называвшихся советскими социалистическими государствами или национальными республиками. Такая структура создавала угрозу распада России.

Выход из внутривнутриполитического российского кризиса был найден с помощью подписания Федеративного договора, а затем и отдельных договоров с Татарстаном и рядом других субъектов РФ.

Сегодняшняя Россия не является Союзным государством, в отличие от СССР. Она возникла естественным образом, без неестественного соединения отдельных частей. Поэтому отсутствие у ее субъектов права на выход вполне закономерно. Политическая организация России основана именно на принципе федерализма, а не конфедерализма.

При федеративном устройстве легко препятствовать попыткам нарушения и подрыва суверенитета, опираясь на принцип федерального вмешательства. Однако некоторые положения Федеративного договора, впоследствии включенные в Конституцию России могут вызывать неоднозначную трактовку [Подробнее об анализе правовых документов см: Бочкова М.С., Болтенкова Л. Ф., 2009].

Так, в Преамбуле Федеративного договора – «Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации», как уже и в самом названии, употребляется словосочетание «органов (органами) власти суверенных республик». Как видим, Преамбула как бы закрепляет суверенитет республик, но умалчивает о суверенитете Российской Федерации. Лишь в последнем абзаце упоминается Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации, но наряду с Декларациями о государственном суверенитете республик в ее составе [Федеративный дого-

вор, 1994. С. 15.]. Зато содержание ст. 1 Договора не оставляет никаких сомнений в наличии суверенитета Российской Федерации. Суверенитет же республик еще раз подкрепляется записью в ст. 3: «Республики (государства)...» [Федеративный договор, 1994. С.18.]. В том, что республика трактуется как государство, нет ничего необычного, ибо это не противоречит историческим понятиям. Но в контексте суверенитета данная трактовка создает политико-правовую возможность подорвать принципы российского федерализма, направленные на закрепление исторического формирования Российской Федерации. Конечно, может создаться впечатление, что республики (государства), подписав Федеративный договор, создали новую федеративную Россию, делегировав федеральному центру часть своих полномочий, и тем самым добровольно ограничив свой государственный суверенитет. Но такое мнение о Договоре опровергается расшифровкой его названия: «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий...», то есть, это Договор не о создании Федерации, нового федеративного государства с ограниченным суверенитетом со стороны суверенных его членов, это Договор, фиксирующий один из принципов федерализма – разграничение предметов ведения и полномочий. Относительно верховенства Федерации сомнения не возникают, если внимательно вчитаться в текст Договора с республиками, не говоря уже о Договорах с краями, областями, автономиями. Но иллюзии все-таки возникли благодаря записям в Договоре с республиками, а затем и в Конституции, и ряд из них в своих конституциях «защли» слишком далеко по пути

государственной суверенизации. Например, в ст. 61 Конституции Татарстана говорилось, что Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией на основе Договора.

В начале 2000 - х годов руководством российского государства была начата работа по приведению регионального (субъектов РФ) законодательства в соответствие с федеральным, что позволило более четко определить границы ведения субъектов и безусловно укрепить суверенитет Федерации. Среди мер были: издание Указа Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе»; принятие Федеральных конституционных и Федеральных законов: от 31 июля 2000 г. «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», от 4 июля 2003 г. и 15 декабря 2004 г. аналогичного наименования; от 5 августа 2000 г. «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» и проч. [Подробнее см.: *Конституционное право Российской Федерации*, 2004; *Столяров М.В.*, 2005.]

В Послании Федеральному Собранию РФ в 2000 г. Президент В.В. Путин сказал: «Нужно признать – в России федеративные отношения не дostoены и не развиты. Региональная самостоятельность часто трактуется как санкция на дезинтеграцию государства...» [Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, 2000].

Положения, направленные на укрепление суверенитета Федерации были наполнены конкретным политико-правовым содержанием, были отредактированы юридические нормы, создававшие иллюзию суверенной государственности республик в составе России.

Самостоятельность является фундаментальной категорией суверенитета, она закреплена в ряде конституционных положений. Однако ее наличие и ее признание на федеральном уровне могло использоваться некоторыми регионами в целях дезинтеграции государства.

Безусловно, суверенитет является неотъемлемым свойством государства. Но важно найти правильный баланс объема суверенитета. В отношении современной России было бы правильным отказать от слова «государство» по отношению к субъектам РФ. На первом этапе для поддержания политико-психологического комфорта на региональном уровне возможно было бы оставить слово «республики», но без добавления терминов «суверенные» или «государства».

Приведение правовой базы субъектов РФ в соответствие с Конституцией РФ и федеральным законодательством упорядочивало, уточняло понимание суверенитета в федеративной России, привело к его укреплению. Так, в Послании Федеральному Собранию РФ 2001 г. Президент РФ Путин В.В. отметил, что «дезинтеграция государства, о которой говорилось в предыдущем Послании, приостановлена» [Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, 2001]. В Послании Федеральному Собранию РФ от 2003 г. отмечалось восстановление правового пространства [Послание Президента РФ Федеральному

Собранию РФ, 2003]. Восстановление верховенства власти и ее независимости на всей территории России позволило перейти к вопросу о связи федерализма и национального вопроса. Одной из тем, затронутых в Послании Президента Д.А. Медведева от 5 ноября 2008 г. стало совершенствование федерализма на его собственной, российской основе [Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, 2008]. Федерализму Медведев Д.А. посвятил целый раздел. В ракурсе федерализма беспокойства относительно государственного суверенитета Федерации нет. На первый план вышел иной вопрос из сферы федерализма – национальный.

В условиях федерализма существование народного и национального суверенитета вызывает споры. Причем как теоретические, в современных условиях немногие признают подобную классификацию суверенитета, так и политические – наличие противоречий между теорией и реальным воплощением в общественно-политической практике.

С позиции теории, разрабатываемое философами и политическими мыслителями с начала XVII века, народ – носитель суверенитета, обладающий им, даже если это не записано в Конституции. В политической практике народ, организовавшись, может реализовать свою волю даже вопреки суверенитету действующей власти. Конечно, представляется интересным более подробно рассмотреть взаимовлияние политической теории на государственное строительство именно в аспекте разработки и реализации теории народного суверенитета. Но эта проблема требует более детального рассмотрения, не укладываемого в рамки отдельно взятой статьи.

Отметим лишь следующее. В становлении принципа народного суверенитета (как любой иной теории, приведшей к политической трансформации) выделяются два этапа: первый – отвлеченные рассуждения при начале их политической реализации трансформируются, изначальная идея изменяется. Второй этап – подобная трансформированная идея вновь пытается стать реализованной на практике, и здесь возникает комплексная политическая трансформация.

Нас же интересует вопрос о том, как сосуществуют народный суверенитет и федерализм в условиях российской государственности. Базовое условие существования российского федерализма – многонациональность. Следовательно, особенность российского федерализма одновременное наличие народного и национального суверенитетов. Согласно Конституции РФ (ст. 3): «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Суверенитет народа, с одной стороны, не умаляет суверенитета государства, а с другой – оставляет возможность для наличия суверенитета наций (этносов). И существующие принципы российского федерализма – национально-территориальный и национально-государственный – подтверждают данный тезис. В определенной мере это закрепляется конституционно. Так в ч. 3 ст. 5 Конституции РФ зафиксировано: «Федеративное устройство Российской Федерации основано на... равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации».

Юридической основой существования национального суверенитета являются нормы, закреп-

ленные в ч. 2 и 3 ст. 68 Конституции РФ. Так, признание в республиках того или иного языка государственным есть не что иное как удовлетворение интереса этноса в сфере языковой политики. Признание факта существования национального суверенитета в условиях российского федерализма не ставит под угрозу суверенитет Российского государства, даже учитывая упоминание о самоопределении народов. Во-первых, речь идет о самоопределении в рамках Российской Федерации, во-вторых, если иметь в виду республики, то право на самоопределение имеет народ, как совокупность всех проживающих в них граждан, а не один из этносов. И, в-третьих, воля народа одного из субъектов РФ естественным образом «ограничена» волей всего многонационального народа России, или, во всяком случае, волей народов территорий, граничащих с субъектом Федерации, решением самоопределившись в той или иной форме, затрагивающей интересы других.

Наличие народного и национального суверенитета есть форма проявления реальной демократии и реального федерализма в России. В существующих параметрах эти два вида суверенитета угрозы для российской государственности не представляют.

Более того, непротиворечивое сосуществование народного, национального и государственного суверенитетов, может подтверждать интересную теорию, существующую в отечественной юридической школе.

Некоторые исследователи заявляют, что российское федеративное государство по сути своей унитарно. Если под унитарностью понимать государственную и территориальную целостность России,

верховенство Конституции и законов [Пастухова Н.Б., 2010.с.37].

Добавим, что народный, национальный и государственный суверенитет не отрицает и суверенитета личности в рамках российской государственности

Например, рассмотрим суверенную демократию не в противопоставлении государственному суверенитету, а при сопоставлении её с личностным суверенитетом. Суверенная демократия становится способом обеспечения и согласования интересов государства и личности, который с одной стороны, приводит к сохранению территориальной целостности, и продуктивному функционированию государственных институтов, а с другой – к сохранению свободы личности.

Что касается вопроса о суверенитете личности, то «суверенная демократия» не исключает такого.

Вместе с тем, как уже отмечалось, за суверенитет личности в России выступает и основной нормативно-правовой акт – Конституция Российской Федерации, и авторитетные политические деятели.

Таким образом, исследовав вопрос о взаимосвязи суверенитета с национальным вопросом, выделим два основных момента.

Первый. В России существует цементирующая общность людей – российская нация (российский многонациональный народ) и суверенитет этой общности конституционно закреплён (ст.3).

Второй. Со дня подписания Федеративного Договора и включения его положений в Конституцию Российской Федерации 1993 г., современный российский суверенитет – это федеративный суверенитет. Это означает, что определенный потенциал децентрали-

зации изначально заложен в современную российскую политическую систему. А возможным толчком к дестабилизирующим и децентрализирующим процессам может послужить нарушение межэтнического согласия. Поэтому для конструктивной реализации принципа суверенитета России необходимы зрелые компетентные политические институты. Только в этом случае федеративный суверенитет можно будет определить как общую волю Федерации и ее Субъектов, способность и возможность согласованно и консолидировано реализовывать конституционно-установленную компетенцию. А в современных условиях, условиях кризисного развития мирополитической системы, федеративный суверенитет необходим России и внутри и во вне.

В заключение отмечу, что с 2010 года в России идет широкая дискуссия, охватывающая представителей различных сфер деятельности – политической, социально-экономической, научной, культурной – о возможной выработке и составлении проектов Концепции национальной политики России, документа, призванного заменить несколько устаревшую Концепцию государственной национальной политики РФ (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1996 N 909). При выработке подобного государственного документа необходимо учесть несколько моментов.

Во-первых, терминологическая системность и непротиворечивость. Во многих документах подобного уровня, например, в Стратегии национальной безопасности (РФ до 2020 г.), в Концепции национальной безопасности, Концепции внешней политики, в Стратегиях национального развития (ООН)

всегда приводится разъяснение определенных политических терминов. Безусловно, в Концепции государственной национальной политики РФ (от 1996 года) дать четкое определение сложнейшим понятиям означало бы провоцирование бесконечных споров и дискуссий. Понятно, что любой термин из сферы национального вызывает горячие научные споры и, естественно, политические дебаты. Но пока в России нет четкого разграничения национального как государственного и национального как этнического споры только усиливаются. Скажем, в англоязычной традиции прилагательное *national* означает «государственный» и этимологически восходит к *nation-state* – «национальному государству». Поэтому при переводе существительного *nation* на русский язык следует помнить, что это прежде всего – государство, и лишь потом – нация. В Советском Союзе было принято употреблять словосочетание, скажем, «государственный интерес», что являлось эквивалентом английскому «*national interest*».

Если же употреблять термин «национальная политика», то для зарубежных экспертов, это – исключительно обеспечение государственных интересов, государственной политики определенного государства, например, России. В России же при употреблении термина «национальная политика», в первую очередь, имеют в виду состояние межэтнических /межнациональных отношений внутри страны.

Для разграничения понятий, о которых идет речь, целесообразно было бы ввести термин «этнокультурная политика». Кроме того, термин «этнокультурная политика», в большей степени подчеркивает роль этносов, лично-демокра-

тическую составляющую. В то время, как существующий термин «национальная политика» или «государственная национальная политика» подчеркивает, бюрократические государственно-административные отношения между этно-территориальными субъектами России и Федерацией.

Во-вторых, о русском языке. В Основах стратегии национальной политики приоритетным должно являться положение о важной роли русского языка как государственного. Укрепление государственного языка, бережное отношение к нему будут способствовать и укреплению суверенитета, и повышению культурного уровня населения.

Литература

Барциц И.Н. Конституционно-правовое пространство Российской Федерации. Дис .. доктора юр. наук : 12.00.02. М., 2001.

Бочкова М.С., Болтенкова Л. Ф. Суверенитет в условиях российского федерализма // Этносоциум и межнациональная культура. 2009, №1(17).

Добренков В.И. Ценностно-ориентированная социология. М.: Академический проект; Альма-матер, 2011.

Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: «Европа», 2006. – 180 с.

Конституционное право Российской Федерации: Учебник / Под общ. ред. Г.В.Мальцева. М.: РАГС, 2004.

Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.]. М.: ОМЕГА-Л, 2007.

Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории . М.: Международные отношения, 2004.

Нойманн И.Б. Использование «Другого». Образы Востока в фор-

мировании европейских идентичностей (1998). – М.: Новое Изд-во, 2004.

Пастухова Н.Б. Суверенитет и федеративная организация Российского государства в условиях глобализации: конституционно-правовые аспекты. Автореф. дис... доктора юр.наук.:12.00.02. М.:РАГС 2010.

Послание Президента РФ Путина В.В. Федеральному Собранию РФ от 8 июля 2000 г. // Российская газета.2000.11 июля.

Послание Президента РФ Путина В.В. Федеральному Собранию РФ от 3 апреля 2001 г. // Российская газета. 2001. 4 апреля.

Послание Президента РФ Путина В.В. Федеральному Собранию РФ от 16 мая 2003 г. // Российская газета.2003. 17 мая.

Послание Президента РФ Медведева Д.А. Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г. //Российская газета. 2008. 6 ноября

Послание Президента РФ Медведева Д.А.Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 г. // Российская газета. 2010. 1 декабря.

Путин В.В. Россия: национальный вопрос. // Независимая газета. 2012. 23 января. Эл. Версия: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

Соловьев В. С. Национальный вопрос в России (1888 г.). М.: АСТ Москва, 2007. Эл.версия: <http://readr.ru/vladimir-solovev-nationalniy-vopros-v-rossii.html#ixzz1jjCT2C63>

Столяров М.В. Компетенция власти. М.:РАГС, 2005.

Столяров М.В. Теория и практика федерализма. М.: РАГС, 2008.

Сурков В. Ю. Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию. // Журнал «Эксперт». 2006 . 20 ноября.

Татулиц С.А. Этносоциология. М.: МАЛП, 1999.

Федеративный договор. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации: Документы. Комментарий / Ред. колл.: П.Г. Абдулатипов, Л.Ф. Болтенкова, Ю.А. Тихомиров. М.: Республика, 1994.

Anderson B. Imagined Communities. Reflection on the Origin and Sread of Nationalism. London: Verso, 1983.

Aron R. Paix et Guerre entre les nations. Paris: Calmann-Lévy, 1984.

Badie B. Culture et politique. Paris, 1993.

Habyarimana J., Humphreys M., Posner D., Muller J. Is Ethnic Conflict Inevitable? Foreign Affairs.

— July/August 2008. — Vol.87. Num. 4 .

Hanhe P. Schluss mit lustig!: Das Ende der Spaßgesellschaft. St.-Johannis-Druckerei , 2009.

Hannum H. Autonomy, sovereignty, and self-determination: the accommodation of conflicting rights. Philadelphia: University of Pennsylvania press, 1992.

Muller J. Us and Them. Foreign Affairs. — March/April 2008. — Vol.87. Num. 2.

Rudolf Ch. Sovereignty and territorial borders in a Global Age // International Studies Review. — March 2005.—Vol.7. Issue 1.

Sarrazin Th. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Munchen: Deutsche Verlags-Anstalt, 2010.

Учение о личности и вере в статьях профессора И.П. Четверикова

Сизинцев П.В.

Статья посвящена философскому осмыслению элементов учения о человеческой личности в разрезе святоотеческой структуры души рассмотренных в публицистических трудах профессора психологии И.П. Четверикова, которые вносят новые формы представления о взаимосвязях личностной и природной составляющих онтологического единства человека. Автор рассматривает виды личностного уровня бытия, а также физическую и метафизическую сущность сна, как формы бессознательного состояния проявления переживаний.

Ключевые слова: Душевные качества русского народа, сознательность, сны, святые, личностные качества, подсознание, вера, знание, разум, эгоцентризм.

Title of the article: The doctrine of the personal and faith in the articles of Professor I. P. Chetverikov
Sizintsev P.V.

The article is devoted to philosophical understanding of the elements of the doctrine of the human person in the context of the patristic structure of the soul considered in the journalistic writings of a psychology professor I. P. Chetverikov, which make new forms of ideas about the relationships of personal and natural components of the ontological unity of man. The author considers the types of personal levels of existence, physical and metaphysical essence of the dream as a form of unconscious manifestations of emotions.

Keywords: Spiritual qualities of the Russian people, consciousness, dreams, saints, personality, sub consciousness, belief, knowledge, intelligence, self-centeredness.

В труде И.П. Четверикова о епископе Николае Мирликийском рассмотрено влияние злых, рождающих ненависть намерений на сознание человека, которые формируют в подсознании его свой мир впечатлений, порочных стремлений, пагубных воспоминаний и управляют им посредством негативных желаний. Аморальные побуждения, извне приходящие в сознание мысли, *имея доступ к нашим душам во время бодрствования, имеют его и во время сна. И во время сна они искушают человека влечениями, примешивая к его мечтанию свое мечтание* [Игнатий, 1905, 347].

Православная традиция не доверяла сновидениям, считая их формой духовного дезинформирования человека и призывая не верить тому, что человек видел во сне, приписывая их персонифицированной сущности зла - дьяволу. *Мы стремимся к земным благам и не помышляем о кознях дьявола, который оболъщает сновидениями* [Иоанн, Творения, 1903, 9, 2, 675]. Однако подсознание человека хранит, и способность прозревать также и творческие мысли и идеи. Многие открытия человеческого ума были сделаны во сне, также как во сне по библейским свидетельствам были увидены многие события, как прошлого, так и будущего людей. (См. 1 Цар. 3., 9.). Живой Абсолют всегда общается с любым человеком

на протяжении всей его жизни, но Его голос слышнее человеку в его сне, когда он живет в отрыве от чувств бодрствующего мира. Иногда кажется, что и жизнь *человеческая – непостоянное море, неуловимое сновидение, или утекающий поток, исчезающий дым, бегущая тень, воды, колеблемые волнами* [Василий, 1900, 4, 34].

Иван Пименович был уверен, что в так называемых вещих снах человеку открывается воля Божия, прогнозы будущего, порождающие у него страхи в отношении предстоящих жизненных испытаний, разные предостережения. Но в таких снах он видел и источники воспарений душевных сил людей, их научного и художественного творчества, считая, что *мир бодрствования и мир сновидений не отдалены друг от друга как реальность и фантазия* [Четвериков, 1948, 35] они одинаково реальны. И это подтверждают не только сны ученых Ф.А. Кекуле (который во сне открыл формулу бензола) или Д.И. Менделеева (который во сне открыл периодическую таблицу элементов), но и библейских видений Авраама, Самуила, Захарии, Иосифа Обручника.

Важно и то, что любой сон полностью личностен, он присущ только тому человеку, который его видит во всей его уникальности и неповторимости, его открытости в подсознание человека. В сновидении человек соприкасается с иным, – не чувственным, но с точки зрения восприятия бытия, не менее реальным миром. Однако и в «мире сновидений» персонафицированное зло *всегда стоит подле нас. Оно не знает отдыха, даже во время сна часто нападает, влагая нечистые помыслы и возбуждая страсти сновидениями* [Иоанн, Творения, 1903, 9, 1, 284].

Человеческая личность действует в обоих мирах – даже не ощущая тела, человек осознает собственное «Я» в любом своем сне и действует в своих снах как он сам, от собственного имени. Поскольку только осознание жизни превращает ее в подлинное личностное бытие [Зинченко, 1991, 35].

Он устанавливает некую действительную связь между миром сновидений и миром бодрствующей жизни. И.П. Четвериков считал, что *оба мира связаны между собой, как связаны, начало и конец истории, движение и его цель, природные физиологические процессы и жизненное руководящее начало в нем* [Четвериков, 1948, 35] как человеческая личность. Во сне человек образно выражаясь «выходит» из мира чувств и ощущений, из собственной телесной оболочки, воспроизводя в своеобразной форме индивидуальные переживания из прошлого или только что случившегося. Стремления и переживания, выраженные во сне, запоминаются человеком, и это создает возможность реализовать их в действительной жизни.

В конце своей жизни в возрасте 80 лет И.П. Четвериков принял богословское исследование феномена юродства как подвижнического пути в христианстве. Анализ поведения был основан на противопоставлении двух миров – до и после воплощения Богочеловека Иисуса Христа. В свете этого важным представляется понимание человека в этих мирах с его точки зрения. Мир до прихода в него Иисуса Христа был *миром эгоцентризма, атомизации бытия и человеческой души*. В этой ситуации понятие о разуме было изолировано не только от Бога, но и от духа в человеке, а также

от его сердца, чувств, воли. Разум стал судьей в решении всех вопросов истины и добра, его основным орудием стал анализ [Четвериков, 1955, 4].

Метод анализа разложил законы, заповеданные Богом на огромное количество многообразных правил, которые должны были предусмотреть максимальное число случаев из жизни. Правила исполнения Закона Божия были оплетены множеством указаний, дополнений, разумно-софистических самооправданий в случаях возможного нарушения человеком указаний Декалога. Ибо ветхозаветный человек видел, что мир, как и жизнь, проходит, что удовольствия его скоротечны, что все в нем подобно сновидению [Ефрем, 1900, 3, 253]. Павел из Тарса, воспитанный в этой ветхозаветной традиции великолепно знал, как один из лучших учеников фарисея Гамалиила эту скрупулезную систему подсчета грехов и добрых дел. Возможно, поэтому апостол христианства не придавал приоритетного значения умозаключениям разума поврежденной человеческой природы. Фарисейские рассуждения были своеобразной эквилибристикой ума, его мыслительной тренировкой и схоластической дрессировкой. В этих условиях разум вполне мог быть и источником определенных заблуждений и даже реального человеческого безумия.

Допустимо предположить, что именно поэтому Павел обратился от разума к человеческой вере. Причем в том новейшем и глубоко религиозном смысле, который был неведом ветхозаветному и древнегреческому мирам. Вера для него есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом (Евр. 11., 1). Таким образом, вера никоим образом не представляет собой

вероятность отвлеченных построений разума, но это и не интуиция человека, как и не способность прозрения человеком глубин Божественного Промысла. Подобная рассудительно-мыслительная способность души называлась «гнозисом» – познанием.

Вера не есть способность человека как таковая, это следствие глубинной потребности духа в высшем бытии и высшей ценности. А также это сила, охватывающая всю душу человека, она сводит в душу ожидаемое, как осуществленное, но не видимое. Вера является собой феномен, как способное к обнаружению и раскрытое в своей сущности онтологическое событие существования именно человека, ибо у животных веры не существует. Она внерациональна и метафизична, как глубоко личностная характеристика бытия человека. Вера сродни характеру, выражая основную жизненную направленность, которая проявляется в своеобразном для данной личности образе действий [Ананьев, 1941, 11].

Тем самым вера противостоит знанию. Знание и вера имеют различные объекты применения. Знание связано с восприятием внешними чувствами внешней, поверхностной стороны бытия. Вера связана с объектами, данными ей в Откровении [Четвериков, 1955, 5]. Разум имеет исток в человеке и исходит от человека и потому разум автономен и, по сути, индивидуален. Вера же, по мнению Ивана Пименовича, являясь врожденной потребностью в абсолютных ценностях, приходит к человеку в поисках высшего, верующие люди есть люди, хранящие таинство веры в чистой совести (1 Тим. 3., 9). А если это так, то для Четверикова вера дает духовную силу личности челове-

ка, метафизически объединяющую его с Богом как Абсолютом. Кроме того, человеческая деятельность в своей полноте диктуется не только непосредственно его разумом, но более желаниями человека и его чувственными влечениями. В то же время, христианское Откровение утверждает, что *мы ходим верою, а не видением* (2 Кор. 5., 7.). Поэтому *вера человека, охватывающая всю душу человека есть основной и мощный от Бога идущий источник его личной и жизненной деятельности* [Четвериков, 1955, 5]. Бытие человека посредством знания эгоистично.

Жизнь верующего человека предусматривает единство в любви. Это два разноплановых типа мировосприятия и жизнеосуществления. И хотя знание человека жаждет подчинить веру, низведя любовь до принципов удовольствия и полезности, вера стремится преобразовать эгоцентрическое восприятие жизни человеком. Он подвергается волнам соблазнов и многообразных желаний, которые или отвергает или принимает, но вера способна сохраняться в самых тяжелейших социальных условиях даже у глубоко аморальных людей. Возможно, поколебать убеждения, но потерять веру как таковую, как состояние сознания невозможно. И в этом евангельская мысль о том, что *победа, победившая мир, есть вера наша* (1 Ин. 5., 4.).

В современном мире, душа человека и все его поведение стали настолько рассудочными, что многие в разуме видят основной источник культуры и цивилизации. Разум ныне претендует на собственное оценивание всего вечно-го и абсолютного, доброго и злого. Тем самым зло как метафизическая форма удаления от Абсолю-

та-Творца вносится не только в нейтральные вопросы бытия, но и в чувства любви к родине, в семейные переживания, в целеполагание науки, в образы искусства, и даже в деятельность и богословие Церкви. Через разумную, но безбожную культуру человек разлагает самого себя, когда он земные привязанности ставит выше своих отношений к Богу, а временные ценности ставит выше вечных. Ибо *как тело страдает от голода, как иссохшая земля не дает плода, когда облака не кропят ее, так голодают души, когда лишаются слышания слов утешения и душевного успокоения. И тогда вера, которая не питается и не укрепляется словом Истины, оскудевает* [Симфония, 1981, 1803-1804] Вера живет Откровением Бога как Абсолютной Личности светлым стремлением и сильными ощущением высших переживаний психики, хотя часто и не выражаемых в точно логических понятиях или определённых схоластических категориях.

Это «зов совести» в человеке, который недоступен сегодня многим людям, ибо *огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами и не уразумеют сердцем и не обратятся* (Ис. 6., 10.) к Истине. Вера приводит к полной отдаче человека избранной им религии, активной и решительной борьбе с миром страстей и душепагубных пороков, но главное – полной переоценке всех установившихся ценностей собственного существования. Она упорядочивает внешнюю и внутреннюю жизнь человека. *Одна – в его последней глубине души, другая – на поверхности сознания, на виду у всех людей* [Четвериков, 1955, 11]. Тем самым, создаются гармоничные отношения между человеческой

личностью и присущей человеку природой – духом, душой и телом.

Именно такая духовная гармония была присуща русскому святому – Серафиму Саровскому. Он совершил в своей жизни длительный подвижнический путь, и обрел уникальные духовные способности, которые отмечали подавляющее большинство окружающих его людей. Выказывая любовь ко всему окружающему миру, Серафим помогал им ценными советами, а непрерывная молитва утончила и углубила его чувствования и обострила восприятия человека. *Его взор и слух не скользили по поверхности явлений, а углубляясь, воспринимали сквозящий в них дух – логосы вещей и человеческих личностей* [Четвериков, 1947, преподобный Серафим, 13].

При этом следует учесть тот факт, что Серафим Саровский был человеком XVIII – XIX веков, современником русского антрополога А.И. Галича и философов В.Н. Карпова и прот. Ф.А. Голубинского, знаменитого примирителя старообрядчества митр. Платона (Левшина), а также поэтов В.А. Жуковского и А.С. Пушкина.

Многолетнее углубление в самого себя в сосредоточенном внутреннем сосредоточении и молчании, раскрыло ему тайну роста душевных человеческих переживаний и научило предвидеть пути их развития, стало источником способностей к прозрению и пророческого дара. Одновременно его воля, укрепленная Божественной благодатью, дала ему власть над миром животных и над физиологической стороной человеческой природы [Четвериков, 1947, преподобный Серафим, 13].

При всем этом он был удивительно смиренным человеком и всегда отличался спокойным на-

строен доброжелательности к собеседнику умиротворенностью в расположении духа. В процессе внутренне-личностного умонастроения человек, чем выше поднимается в мыслях, тем он все более примиряется и словом, и делом со своим личностным бытием, в нравственном сохранении чувств и систематическом исполнении христианских заповедей. Ибо осознание положительных и отрицательных сторон своего темперамента составляет одну из важнейших задач воспитания характера [Теплов, 1951, 242].

При этом христианин не считает это делами, достойными какой-либо награды, но, напротив, своим социальным и моральным долгом. Человеку нужно мирное устройство своего личностного начала и природных свойств, чтобы взрастить в себе духовность как стремление к высшему благу и истинным ценностям бытия *возвещать Свет в глубине «Я», и этот свет пробьется оттуда сквозь тьму нашей повседневной жизни и осветит* [Четвериков, 1947, преподобный Серафим, 13] ее.

Об этом же говорит и жизнь другого русского подвижника – Сергия Радонежского, которое ярко передает глубоко заложенную духовную личность этого человека [Четвериков, 1947, преподобный Сергей, 4]. Он поддерживал дух русского народа и его княжеской иерархии в тяжелые годы зависимости уделов Руси от ига Золотой Орды. Народ терял веру в себя и падал все ниже и ниже, заражаясь отрицательными чертами от своих притеснителей. Четвериков рассматривал этот феномен истории как болезнь, которая привела Россию к бездне [Четвериков, 1947, преподобный Сергей, 27]. Из своей духовной практики Сергей знал, что пра-

восславная религия и русская государственность выстоит, если ее народ не потеряет веру в себя. Но эта вера по Четверикову должна быть основана не на вере в свой разум и внешнюю силу, а на вере во внутреннюю силу Божественной любви, поднимающей человека и внутренне объединяющей людей. При этом для общественного сознания страшно не падение нравов, а утрата идеалов веры. Именно эта, сохраненная усилиями Сергия и его учеников вера, воплотила русскую правду жизни, сохраненную в скитах. Это был напряженный труд, внутренний порядок и дисциплину, поддерживаемую взаимной любовью, отрицание власти и изумительное личное смирение, нестяжательность [Четвериков, 1947, преподобный Сергий, 27] и бодрость радостного настроения. Своим личностным бытием в состоянии глубокой веры и непрестанного трудолюбия он не просто оживил надежду будущего, но и показал его воплощенным в реальной, конкретной действительности [Четвериков, 1947, преподобный Сергий, 32].

Ибо уже в современности отмечено, что любовь к другим и любовь к себе не оставляют альтернативы. Напротив, установка на любовь к себе будет обнаружена у всех, кто способен любить других [Фромм, 1957, 76].

Это был пример духовного преодоления внешних условий социального бытия личной верой и бытовым терпением, спокойным трудом резко контрастирующим с окружающей атмосферой стремления к власти и насилию, жажды обогащения и повального рабства и низкопоклонства. Требовался путь к преображению мира и человека, к очищению своей души и самоуглублению. Не бегство из

мира как зла в самой своей природе с точки зрения нигилистического аскетизма, но путь ведущий к углубленному пониманию людей и мира с возвратом к людям для служения им [Четвериков, 1947, преподобный Сергий, 37]. Сергий Радонежский любил людей без сословных различий и свет христианской веры, зажженный им в душах современников, переходил из поколения в поколение, становясь ориентиром духа в тысячах православных людей. Его ученики в десятках организованных им обителей духовной жизни и источников знания несли христианскую веру а с ней и православную культуру вглубь континента, осваивая земли без рыцарских мечей и побеждая любовью «волю к власти» древних русских князей [Четвериков, 1947, преподобный Сергий, 37]. Ибо христианский путь любви как личностного самовыражения человека включает в себя глубинную и искреннюю веру, зов к Богу – Абсолюту и внутреннюю потребность к личной встрече с ним, но главное – способность и желание жертовного служения

Литература

1. Василий Великий., Творения: в 7 Ч. // Ч. 4. - Сергиев Посад. 1900. - Репринт. - М.: Молодая гвардия, 1993. - 412 с.
2. Ефрем Сириин., Творения: в 4 т. // Т. 3. - М.: МДА, 1900. - 393 с.
3. Игнатий (Брянчанинов)., еп. Кавказский, Сочинения: в 5 Т. // Т. 5. Аскетические опыты. - СПб.: Издательство И.Л. Тузова, 1905. - 464 с.
4. Иоанн Златоуст., Творения: в 12 Т. // Т.9. / Книга первая. - СПб.: Синодальное издание, 1903. (Каждый том в 2 книгах). - 480 с.

5. *Иоанн Златоуст.*, Творения: в 12 Т. // Т.9. / Книга вторая. - СПб.: Синодальное издание, 1903. (Каждый том в 2 книгах). - 481-1008 с.

6. Симфония по творениям Тихона Задонского. Приложение к магистерской диссертации Иоанна Маслова. - Загорск., 1981. - 1157 с.

7. *Четвериков И.П.*, Преподобный Серафим Саровский. // Тихое пристанище. - Герсбрук.: Издательство прот. Николая Вейглайса, 1947. - С. 10-15.

8. *Четвериков И.П.*, Преподобный Сергей Радонежский. - Герсбрук.: Издательство прот. Николая Вейглайса, 1947.

9. *Четвериков И.П.*, Святитель Николай Чудотворец. - Герсбрук.: Издательство прот. Николая Вейглайса, 1948.

10. *Четвериков И.П.*, Юродство как подвиг и общий путь во Христе. - Без города и издательства., 1955. - 19 с.

11. *Ананьев Б.Г.*, Воспитание характера школьника.- Л.: Б/и., 1941. - 84 с.

12. *Зинченко В.П.*, Миры сознания и структура сознания. // Вопросы психологии. 1991. № 2. - С. 15-36.

13. *Теплов Б.М.*, Психология. - М.: Учпедгиз, 1951. - 262 с.

14. *Фромм Э.* - The art of loving. - London, 1957.

Авторы

Анисимова Светлана Геннадьевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры североведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Республика Саха (Якутия)). fomas2003@list.ru

Афанасьев Валерий Владимирович - доктор политических наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. waleri777@mail.ru

Бовдунов Александр Леонидович - аспирант кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. abovdunov@yandex.ru

Бочкова Мария Сергеевна - кандидат политических наук, старший преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова. maria-vinograd@mail.ru

Вершинина Инна Альфредовна - кандидат социологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет. inna_ver@rambler.ru

Владыкина Марина Ивановна - аспирантка социологического факультета МГУ им. Ломоносова, сотрудник ООО «Универс-Консалтинг». Marina.vladykina@mail.ru

Дзудев Хасан Владимирович - доктор социологических наук, профессор, вице-президент РОС по СКФО РФ, директор Северо-Осетинского центра социальных исследований Института социально-политических исследований РАН. khasan_dzutsev@mail.ru

Коровин Валерий Михайлович - заместитель руководителя Центра консервативных исследований Социологического факультета МГУ. korovin@evrazia.org

Новоселова Елена Николаевна - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе, социологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. alena_n_@mail.ru

Омельченко Елена Александровна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры ЮНЕСКО Московского института открытого образования. aalenom@gmail.com

Сизинцев Павел Васильевич - студент, Сретенская Духовная Семинария, sizinpash@yandex.ru.

Синельников Александр Борисович - кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. sinelka@mail.ru

Староста Павел - доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой малых городских и сельских поселений Института социологии Лодзинского ун-та (Польша)

Столбов Вячеслав Павлович - кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-экономических теорий Ивановского государственного химико-технологического университета. stolbov@isuct.ru

Тарасова Алёна Николаевна – секретарь директора филиала, лаборант кафедры общественных наук Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ-СИНХ) в г. Березники Пермского края. kit20081990@mail.ru

Тяжкова Наталья Андреевна – студентка Самарского государственного аэрокосмического университета имени академика С.П.Королева (национальный исследовательский университет), факультет «Экономика и управление». neaz@list.ru.

Шилов Владимир Викторович – кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе, зав. кафедрой общественных наук филиала Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ-СИНХ) в г. Березники Пермского края, член Правления Российского общества социологов (Пермское отделение). bfurgeu@mail.ru